СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

Читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
29-го декабря 1903 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. П. КОНДАКОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1905 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1903 года

Ординарнымъ академикомъ **Н. П. Кондаковымъ.**

Въ настоящемъ году присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого принадлежало Отдѣленію русскаго языка и словесности. На соисканіе упомянутыхъ премій было принято шесть сочиненій, которыя и подлежали разсмотрѣнію образованной согласно § 15-му Правилъ о сихъ преміяхъ Коммиссіи.

Въ трудахъ этой Коммиссіи приняли участіе всѣ члены Отдѣленія; послѣднею были разсмотрѣны какъ представленныя сочиненія, такъ и поступившія къ сроку рецензіи на нихъ, которыя были написаны частію членами Отдѣленія, а также и приглашенными для этого посторонними учеными. Рецензіи, послужившія основаніемъ для присужденія самыхъ премій, приводятся ниже въ извлеченіи.

I.

«*Письма Н. В. Гоголя.* Редакція **В. И. Шенрока.** Томъ *первый*—стр. XI—628, Томъ *второй*—стр. 587, Томъ *третій*—стр. 499, Томъ *четвертый*—стр. 539. (Безъ обозначенія года). С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса».

Критическое размотрѣніе означеннаго труда было въ свое время поручено: 1) покойному чл.-корр. проф. Императорскаго Московскаго Университета А. И. Кирпичникову, успѣвшему доставить въ Отдѣленіе свой вполнѣ сочувственный трудамъ и дѣятельности г. Шенрока по изученію біографіи Гоголя въ связи съ его произведеніями, лишь краткій отзывъ, и 2) сверхъ того Отдѣленіе поручило разсмотрѣть трудъ г. Шенрока — своему члену-корреспонденту профессору Императорскаго Университета Св. Владимира Н. П. Дашкевичу.

1.

Рецензія А. И. Кирпичникова.

Указавъ на то, что изданіе писемъ Гоголя, исполненное г. Шенрокомъ, сдѣлало совершенно ненужнымъ устарѣвшее изданіе П. А. Кулиша и что теперь всякій, кого интересуетъ Гоголь, имѣетъ, благодаря г. Шенроку, прекрасный комментарій къ произведеніямъ русскаго великаго юмориста, комментарій, который слѣдующимъ поколѣніямъ придется только пополнять и совершенствовать, покойный рецензентъ отмѣчаетъ, что уже одной этой заслуги вполнѣ достаточно, чтобы претендовать на высшую академическую награду; если же къ этому фактическому комментарію, *научно изданному*, присоединены примѣчанія, болѣе или менѣе умѣло составленныя, претензія переходитъ въ *право*, передъ которымъ всѣ иныя права должны смолкнуть почтительно.

Должно сказать, что изъ 2153 страницъ В. И. Шенрокъ потерялъ по крайней мѣрѣ 153 (если не болѣе) совершенно не-

производительно, употребивъ ихъ на *примѣчанія*, ровно ничего не дающія читателю. Такъ, когда онъ приводитъ невѣрныя или неполныя чтенія у Кулиша въ V и VI томахъ изданія 1857 года, онъ сообщаетъ ему также мало новаго и поучительнаго, какъ и тогда, когда онъ приводитъ случайно-невѣрныя чтенія въ изданіяхъ Пономарева, «Вѣстника Европы», «Русской Старины» и т. п.; въ такихъ случаяхъ принято молча исправлять чужую или даже свою собственную ошибку, и *только*. Если какое-либо письмо Гоголя, болѣе или менѣе важное для уразумѣнія его характера, а стало быть, и его литературной дѣятельности, перепечатывалось пять-шесть разъ и съ разнообразными или даже съ одною и тою же ошибкою, ужели г. Шенрокъ сталъ бы отмѣчать всѣ эти 5 или 6 разъ, еслибъ даже всѣ они исходили изъ одного Кулиша? Конечно, нѣтъ, дабы не уподобиться Кутейкину изъ комедіи «Недоросль», который считаетъ, что разныя изданія Псалтыри суть «многія книги». А въ такомъ случаѣ для чего же отмѣчать эти случайно-невѣрныя разночтенія, имѣя въ виду читателя, которому нуженъ по возможности вѣрный текстъ писемъ Гоголя?!

Далѣе, очень много строкъ *примѣчаній* въ изданіи В. И. Шенрока, особенно въ двухъ первыхъ томахъ, когда Гоголь еще вовсе не думалъ собирать свои письма и писалъ ихъ *пріятелямъ*, какъ попало, уходитъ исключительно на то, что издатель отмѣчаетъ внизу: *не дописано*, а наверху въ скобкахъ печатаетъ по своему предположенію (большею частію, конечно, вполнѣ вѣрному) окончаніе слова. Было бы совершенно достаточно упомянуть объ этомъ одинъ разъ въ предисловіи передъ первымъ томомъ, тѣмъ болѣе, что печатать въ скобкахъ буквы, дополняемыя по догадкѣ, принято и вообще, и въ частности Н. С. Тихонравовымъ въ изданіи, которое началъ онъ, а окончилъ В. И. Шенрокъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на многіе промахи въ текстѣ самыхъ писемъ и недостатки въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя, рецензентъ глубоко убѣжденъ, что В. И. Шенрокъ, какъ

издатель этихъ писемъ, заслуживаетъ *полной Пушкинской преміи* на слѣдующихъ основаніяхъ.

Во-первыхъ, только многолѣтніе труды г. Шенрока надъ изученіемъ Гоголя сдѣлали его, В. И. Шенрока, способнымъ въ такое сравнительно небольшое количество времени (менѣе двухъ лѣтъ) дать столь полное и столь удовлетворительное въ общемъ изданіе этихъ 4-хъ томовъ, и никто другой, кромѣ г. Шенрока, который всѣхъ оставшихся въ живыхъ родныхъ и пріятелей Гоголя узналъ лучше, чѣмъ своихъ собственныхъ, не могъ бы исполнить и на половину такъ хорошо этой задачи.

Во-вторыхъ, В. И. Шенрокъ при исполненіи этого важнаго дѣла пустилъ въ ходъ всѣ свои знанія и всѣ свои способности, не говоря уже о своей великой любви къ Гоголю, и исполнилъ свою задачу, какъ только *онъ* (много лѣтъ изучавшій Гоголя и безгранично его возлюбившій) могъ лучше.

Въ-третьихъ,—и это самое важное основаніе—если мы сравнимъ положеніе лицъ, занимающихся гоголевскимъ періодомъ русской литературы до 1902 г., т. е. до появленія новаго изданія писемъ Гоголя, и послѣ него, мы увидимъ между тѣмъ и другимъ огромное различіе, обусловленное исключительно трудомъ г. Шенрока, изданіе котораго рецензентъ имѣлъ честь разбирать по порученію Академіи. Но объ этомъ уже было говорено въ началѣ разбора и въ разныхъ мѣстахъ его.

Мы еще не дожили (и долго не доживемъ) до критическаго и вполнѣ всѣмъ по цѣнѣ и объему доступнаго изданія писемъ Гоголя, который и въ первую половину своей жизни писалъ много и охотно, а во вторую — всю душу свою (искренно или односторонне — другой вопросъ) открывалъ въ многочисленныхъ письмахъ своихъ; но мы не можемъ не признать, что В. И. Шенрокъ настоящимъ изданіемъ положилъ прочное и солидное основаніе этому благому дѣлу; а большей заслуги по изученію новой русской литературы, по мнѣнію рецензента, и придумать нельзя.

2.

Рецензія Н. П. Дашкевича.

При изученіи душевнаго склада Гоголя обильная переписка, оставшаяся послѣ этого писателя, является матеріаломъ первостепенной важности. Это замѣтилъ уже первый біографъ Гоголя П. А. Кулишъ, который недаромъ включилъ его письма въ послѣдніе два тома своего изданія сочиненій этого поэта.

Въ настоящее время, благодаря В. И. Шенроку, читатели Гоголя имѣютъ передъ собою новое изданіе тѣхъ же писемъ, превосходящее своими размѣрами почти вдвое первое собраніе писемъ Гоголя, напечатанное Кулишемъ.

Принявъ на себя нелегкій трудъ этого новаго изданія, г. Шенрокъ, безъ сомнѣнія, руководился, подобно Кулишу, справедливою мыслью о важности этого матеріала, на которую и самъ онъ указывалъ ранѣе[1]), отступая отъ взгляда изслѣдователей, умаляющихъ значеніе писемъ Гоголя.

Сводному изданію писемъ Гоголя, выпущенному г. Шенрокомъ и содержащему, по заявленію издателя, «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», должно бы принадлежать почетное мѣсто въ ряду трудовъ послѣдняго времени, посвященныхъ изученію и изданію матеріаловъ для біографіи нашихъ великихъ писателей, и нельзя не поблагодарить г. Шенрока за то, что онъ, завершивъ изданіе сочиненій Гоголя, начатое Н. С. Тихонравовымъ, собралъ во едино и извѣстныя доселѣ письма Гоголя, снабдивъ ихъ введеніями и примѣчаніями. Но для вполнѣ вѣрной оцѣнки указанной заслуги г. Шенрока, должно предварительно рѣшить вопросы: 1) о степени полноты разсматриваемаго изданія; 2) о системѣ, принятой въ немъ; 3) о точности

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I. М. 1892, стр. 17—18: «если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».

въ воспроизведеніи подлинниковъ и, наконецъ, 4) объ удовлетворительности объясненій, предложенныхъ издателемъ. Лишь послѣ разсмотрѣнія изданія г. Шенрока во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, возможно будетъ составить надлежащее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ его труда[1]).

Идея труда г. Шенрока, задавшагося новымъ распредѣленіемъ, перепечаткою и объясненіемъ всѣхъ доселѣ изданныхъ писемъ Гоголя съ присоединеніемъ «нѣкоторыхъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ», заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ дорожащихъ успѣхами изученія великихъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, въ ряду которыхъ Гоголь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но изданіе за-ново переписки Гоголя сопряжено было съ весьма многими затрудненіями по причинѣ разбросанности, указываемой самимъ г. Шенрокомъ — «крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ», а также сложности работы по изданію переписки, являющемуся во многомъ дѣломъ отличнымъ отъ редактированія произведеній писателя. Вслѣдствіе всего этого, покойный издатель сочиненій Гоголя Н. С. Тихонравовъ не взялъ на себя столь нелегкаго дѣла по воспроизведенію переписки этого поэта, г. же Шенрокъ не убоялся трудностей. Къ сожалѣнію, выполненіе принятой имъ на себя важной задачи въ отношеніи къ письмамъ Гоголя далеко отъ безукоризненности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться образцовымъ.

Г. Шенрокъ затратилъ, безъ сомнѣнія, много упорнаго труда на собираніе оригиналовъ писемъ, на провѣрку печатнаго текста ихъ и на хронологическое пріуроченіе тѣхъ изъ нихъ, которыя лишены даты, но не достигъ ни полноты въ своемъ изданіи, ни надлежащей точности, ни правильности въ объясненіяхъ. Повидимому, г. Шенрокъ посвятилъ этой работѣ не все то количество времени, какое было необходимо для успѣшнаго завершенія ея. Оттуда отчасти небрежность въ провѣркѣ напе-

1) На всѣ перечисленные вопросы имѣются въ полной рецензіи проф. Дашкевича обстоятельные отвѣты.

чатанныхъ ранѣе текстовъ по оригиналамъ писемъ; оттуда утвержденія, либо слабо обоснованныя, либо прямо невѣрныя въ общихъ обзорахъ группъ, на которыя распредѣлены издателемъ письма Гоголя; оттуда, наконецъ, невѣрныя и сомнительныя пріуроченія нѣкоторыхъ изъ писемъ, не содержащихъ годовой даты. Прискорбнѣе всего, что издатель отнесся къ матеріалу, бывшему въ его распоряженіи, не какъ ученый, тщательно и точно воспроизводящій обнародываемые имъ документы, а какъ преподаватель словесности, усердно выправляющій ученическіе промахи въ стилѣ и правописаніи. Оттого нерѣдко текстъ писемъ Гоголя, напечатанный г. Шенрокомъ, не можетъ быть признанъ воспроизведеннымъ съ соблюденіемъ правилъ научнаго обращенія съ источниками. Это тѣмъ досаднѣе, что, конечно, изданные г. Шенрокомъ тексты писемъ сослужатъ долгую службу и будутъ настольною книгою при изученіи жизни, воззрѣній и творчества Гоголя, потомучто въ его перепискѣ содержится наилучшее объясненіе многихъ особенностей въ ходѣ развитія этого великаго юмориста-обличителя пошлости человѣческой жизни и страстнаго провозвѣстника нравственнаго обновленія личности.

«Въ виду всего этого — заключаетъ рецензентъ — нельзя не признать изданіе г. Шенрока не вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ строгой научности, но тѣмъ не менѣе заслуживающимъ поощренія.

II.

Приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго Университета **А. П. Кадлубовскаго:** «*Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ*». *1 — 5.* (Варшава, 1902).

Рецензія академика Е. Е. Голубинскаго.

Очерки г. Кадлубовскаго посвящены двумъ группамъ житій русскихъ святыхъ и вообще русскихъ агіобіографическихъ

сказаній, именно — во-первыхъ, такимъ житіямъ и сказаніямъ, легендарное содержаніе которыхъ, по его — г. Кадлубовскаго мнѣнію, сложилось подъ вліяніемъ житій и сказаній греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ тѣхъ и другихъ; во-вторыхъ, такимъ житіямъ извѣстнаго періода времени, въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли. Первую группу составляютъ три житія и одинъ сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ; вторую группу составляютъ всѣ житія XV—XVI вѣковъ.

Три житія, легендарное содержаніе которыхъ, по мнѣнію г. Кадлубовскаго, сложилось подъ вліяніемъ житій греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ этихъ послѣднихъ житій, суть: житіе преп. Аврамія Ростовскаго, имѣющее, по нему, своимъ греческимъ прототипомъ житіе преп. Аврамія Сирскаго; житіе Меркурія, мученика Смоленскаго, имѣющее своимъ греческимъ прототипомъ житіе Меркурія, мученика Кесарійскаго, и житіе Никиты, столпника Переяславскаго, до нѣкоторой степени отражающее въ себѣ житіе Никиты, епископа-мученика Готѳскаго. Сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ, составленный по подобію патериковъ греческихъ, а отчасти, какъ думаетъ г. Кадлубовскій, и съ прямымъ изъ нихъ заимствованіемъ, есть патерикъ Волоколамскій.

Дѣлая общій отзывъ о сочиненіи, мы должны сказать, замѣчаетъ почтенный рецензентъ, — что при нашемъ несогласіи во многомъ съ г. Кадлубовскимъ, мы тѣмъ не менѣе усердно привѣтствуемъ его изслѣдованіе, а его самого какъ ученаго изслѣдователя.

Г. Кадлубовскій взялъ на себя задачу изучить предметъ съ той его стороны, съ которой этотъ послѣдній доселѣ оставался не изученнымъ, и хотя ему, по нашему мнѣнію, не удалось пока выполнить задачи совсѣмъ удовлетворительно, но уже на-

мѣреніе заслуживаетъ полнаго одобренія. Затѣмъ, долженъ быть принятъ во вниманіе очень большой трудъ, который положенъ авторомъ на изученіе его сложнаго и обширнаго предмета. Наконецъ, нельзя сказать о сочиненіи и того, чтобы оно ничего не давало. Въ первой половинѣ «Очерковъ» г. Кадлубовскій дѣлаетъ общеизвѣстнымъ дотолѣ малоизвѣстное содержаніе патерика Волоколамскаго. А во второй половинѣ «Очерковъ» дается имъ и полное, хотя и не въ желаемой степени отчетливое и обстоятельное изслѣдованіе предмета. Вообще мы находимъ, что г. Кадлубовскій вполнѣ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за свое сочиненіе малой Толстовской денежной преміи.

III.

П. А. Сырку: «*Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ*. Житіе св. Николая Софійскаго по единственной рукописи XVI вѣка». (Спб. 1901 г.).

Рецензія профессора М. С. Дринова.

Означенная книга состоитъ изъ двухъ частей: а) изъ обширнаго введенія и б) изъ текстовъ *службы* и пространнаго *житія* св. Николая Софійскаго, а также *похвалы* ему и другимъ софійскимъ мученикамъ. Названные тексты умѣстились на 160-ти страницахъ книги;—что же касается введенія, то оно поражаетъ своимъ внѣшнимъ объемомъ, занимая 346 страницъ. — Почтенный авторъ первоначально думалъ ограничиться въ немъ лишь описаніемъ *Софійскаго кодекса*, въ которомъ сохранились изданные имъ тексты, и литературнымъ обзоромъ этихъ текстовъ. Но потомъ, въ виду того, что Софійскій кодексъ, составленный въ болгарской странѣ, писанъ сербскимъ правописаніемъ, онъ счелъ нужнымъ разъяснить и этотъ вопросъ въ своемъ введеніи, въ которомъ вслѣдствіе этого появилась громадная, въ 175 стра-

ницъ, вставка подъ именемъ: «Очерковъ изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ». Очерки эти, писанные, нужно сказать, довольно поспѣшно и при какихъ-то «тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ», далеки отъ совершенства, что признаетъ и самъ авторъ (09—010). Въ нихъ лишь слегка затронуты существенныя стороны весьма сложнаго и любопытнаго, но малоизслѣдованнаго еще вопроса, а явленіямъ частнымъ и болѣе или менѣе уже выясненнымъ отведено слишкомъ много мѣста. Болѣе двухъ третей этихъ очерковъ посвящено хорошо извѣстнымъ трудамъ болгарскаго философа Константина Костенчскаго и Владислава Грамматика. Особенно долго профессоръ Сырку останавливается на сочиненіи Константина о *письменехъ* и излагаетъ его содержаніе, пользуясь при этомъ относящимися сюда прекрасными изслѣдованіями и объясненіями академика Ягича. Нашъ авторъ пытался тутъ объяснить и нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ этого сочиненія, которыя оставлены г. Ягичемъ безъ объясненія, но эту попытку его нельзя назвать удачною. Владиславу Грамматику профессоръ Сырку также посвятилъ не мало страницъ, болѣе сорока, но прибавилъ немного новаго къ тому, что уже было извѣстно изъ трудовъ Даничича, Неофита Рильскаго, проф. Иречка, проф. Сперанскаго и др. Онъ тоже, какъ и только что названные его предшественники, останавливается лишь на хорошо извѣстныхъ двухъ сборникахъ, писанныхъ Владиславомъ въ 1469 и 1479 г. въ Жегличовской (Кумановской) области сѣверной Македоніи. Ему остался неизвѣстнымъ третій подобный же трудъ Владислава, снабженный драгоцѣнной записью, гласящей такъ; «въ лѣто 6965 (= 1457) Владислав діакъ писа сію книгу от Новаго брьда». Памятникъ этотъ, хранящійся въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета, сдѣлался извѣстнымъ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ изъ «Описанія рукописей В. И. Григоровича», составленнаго профессоромъ Мочульскимъ. Сообщенныя тутъ краткія выдержки изъ него помогли бы нашему автору нѣсколько разобраться въ цѣломъ рядѣ

затронутыхъ имъ, но оставленныхъ безъ отвѣта вопросовъ касательно личности Владислава, его научнаго ценза, литературныхъ пріемовъ и пр. Онъ бы нашелъ тутъ и нѣкоторое подтвержденіе одному своему мнѣнію, касающемуся отношенія Владислава къ Константину философу.

Указанныя несовершенства занимающихъ насъ здѣсь *Очерковъ* искупаются приведенными въ концѣ ихъ выписками изъ множества памятниковъ рукописныхъ собраній Рильскаго монастыря, Св. Синода болгарской церкви и Болгарской Народной Библіотеки, выписками, на основаніи которыхъ авторъ доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что правописаніе Константина Костенчскаго было очень распространено въ западныхъ болгарскихъ странахъ въ XV—XVII вѣкахъ и что главными центрами духовнаго просвѣщенія въ названныхъ странахъ были тогда Рильскій монастырь и города Софія и Кратово. Сказанное тутъ о Софіи можно было бы подтвердить и свидѣтельствомъ ученаго нѣмецкаго богослова Ст. Герлаха, который путешествовалъ по Балканскому полуострову и жилъ тамъ между 1575—1578 г. Въ своемъ дневникѣ Герлахъ два раза указываетъ, что въ Софіи существовали двѣ славянскія школы, въ которыхъ получала свое образованіе большая часть священниковъ Софійской епархіи. Одного такого Софійскаго питомца онъ встрѣтилъ и въ селѣ Вѣтренѣ, находившемся въ Самоковской епархіи, которая была отдана незадолго передъ тѣмъ извѣстнымъ визиремъ Мехмéдомъ Соколовичемъ сербскому патріаршеству, тогда же и возстановленному названнымъ визиремъ.

Переходя къ первоначальнымъ, основнымъ частямъ *Введенія*, мы можемъ сказать, что онѣ отдѣланы весьма старательно и съ знаніемъ дѣла. Прежде всего тутъ представлено обстоятельное описаніе *Софійскаго кодекса* со стороны его содержанія и палеографическихъ особенностей, а также особенностей языка, фонетическихъ, морфологическихъ и словарныхъ. Въ этомъ описаніи собрано и объяснено множество фактовъ, нерѣдко весьма интересныхъ. Только немногія изъ относящихся сюда объясненій

автора дают поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ. Такъ же старательно и умѣло обработанъ и литературный обзоръ изданныхъ авторомъ памятниковъ. Въ этомъ обзорѣ профессору Сырку приходилось имѣть дѣло не только съ чисто историко-литературными темами, касающимися авторовъ только что названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же софійскихъ памятниковъ, (Матѳея Грамматика, Попа Пѣя и пр.), но и съ указаніями культурно-историческаго и политическаго свойства. Весь этотъ матеріалъ заботливо и не безуспѣшно объясненъ и освѣщенъ авторомъ, на сколько это было возможно.

При изданіи текстовъ авторъ придерживался строго научнаго пріема, старался воспроизвести ихъ съ полною точностію и съ сохраненіемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ.

Открытіемъ, изданіемъ и объясненіемъ этихъ важныхъ и по языку и по содержанію памятниковъ профессоръ Сырку оказалъ существенную услугу исторіи южно-славянской письменности XVI-го вѣка и, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ награжденія премію имени графа Д. А. Толстого.

IV.

Изслѣдованіе экстра-ординарн. проф. Имп. Университета Св. Владимира **В. Н. Перетца:** «*Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды.* Вып. I. Къ исторіи Громника и Вып. II. Къ исторіи Лунника» (СПБ. 1899 — 1901), — было разсмотрѣно ордин. академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Авторъ задался очень скромною задачею — говоритъ почтенный рецензентъ — дать нѣкоторое количество матеріаловъ для изученія апокрифическихъ, какъ онъ называетъ, или гадательныхъ, какъ слѣдовало бы предпочесть называть, книгъ православнаго славянства, съ прибавленіемъ вводныхъ статей, знакомящихъ съ этими книгами и нѣкоторыхъ выводовъ. Ни на пол-

ноту, ни на широкое изученіе онъ не претендуетъ, предоставляя это будущему. Отсюда почти полное отсутствіе греческаго матеріала; авторъ не пользуется даже новѣйшимъ «Catalogus codicum astrologorum graecorum». Отсюда же игнорированіе вопросовъ о времени происхожденія греческихъ текстовъ и ихъ перевода на церковно-славянскій языкъ и о судьбахъ славянскихъ текстовъ. Отсюда же, наконецъ, слабость его попытокъ исправить и вообще привести въ удобопонятный видъ интересующіе его тексты.

Такимъ образомъ вниманіе автора сосредоточивается на матеріалахъ. Должно отдать ему справедливость: онъ издалъ рядъ очень цѣнныхъ текстовъ, дающихъ много новаго. Конечно, можно бы, сверхъ всего этого, къ изданнымъ у него текстамъ прибавить еще нѣсколько мелкихъ статей и выписокъ, но занятія рукописнымъ славянскимъ матеріаломъ русскихъ и не-русскихъ библіотекъ представляютъ такъ много разныхъ затрудненій и неудобствъ, что пока невозможно требовать какой бы то ни было полноты.

V.

М. Азбукинъ: «*Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (XI—XIV вѣка)*» (Варшава, 1898).

Рецензія ордин. акад. Е. Е. Голубинскаго.

Брошюра или книжка г. Азбукина — говоритъ г. рецензентъ — по своему содержанію, есть не очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества, а нѣчто другое.

Обладая нерядовою способностію противорѣчить самому себѣ, г. Азбукинъ сначала говоритъ, что духовенство наше усиленно вело литературную борьбу съ остатками язычества (стр. 11 сл.),

а потомъ, — что борьбы этой не было, по причинѣ непосильности ея для нашего духовенства. Правду или неправду составляетъ послѣднее, но дѣйствительно, неизвѣстно ни памятниковъ борьбы, ни свидѣтельствъ о ней. А при неизвѣстности памятниковъ борьбы и свидѣтельствъ о ней, само собою разумѣется, не могло быть написано и ея очерка.

Судя по заглавію брошюры, надлежало бы ожидать, что г. Азбукинъ, не говоря о борьбѣ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, дастъ въ ней изслѣдованіе о сохранившихся литературныхъ памятникахъ, которые сполна или отчасти посвящены того или иного характера рѣчамъ объ остаткахъ язычества въ народѣ. Но и это вовсе не составляетъ содержанія брошюры г. Азбукина. Онъ даетъ въ ней очеркъ самыхъ остатковъ язычества въ народѣ, противъ которыхъ духовенство должно было бы вести борьбу.

О не соотвѣтствующемъ заглавію брошюры очеркѣ, который дается г. Азбукинымъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень плохъ, но вовсе не можетъ быть сказано и того, чтобы онъ былъ положительно хорошъ. Не будучи ни худъ, ни хорошъ, онъ представляетъ собою посредственное (заурядное) повтореніе давно извѣстнаго.

«Мы указали выше — говоритъ почтенный рецензентъ — на примѣръ выдающейся способности автора противорѣчить самому себѣ. Могутъ быть указаны и другіе примѣры этой способности.

«Небрежность автора въ языкѣ простирается до того, что иногда онъ забываетъ про самую грамматику.

«До неизвинительности небреженъ авторъ и въ цитаціи книгъ, которыми пользуется.

«Не можемъ мы признать сочиненіе г. Азбукина заслуживающимъ денежной преміи графа Д. А. Толстого. Но если бы не оказалось у него болѣе его достойныхъ конкуррентовъ, то по нашему мнѣнію, могла бы быть присуждена ему медаль въ 150—250 рублей».

Разсмотрѣвъ представленныя на настоящее соисканіе премій графа Д. А. Толстого сочиненія, а также представленные къ сроку на нихъ отзывы и рецензіи, Комиссія посредствомъ закрытой баллотировки присудила: 1) двѣ половинныя денежныя награды имени графа Д. А. Толстого, по четыреста рублей каждая, гг. Шенроку и Кадлубовскому и 2) почетныя золотыя медали имени графа Д. А. Толстого гг.: 1) П. А. Сырку—первую золотую медаль, цѣнностью въ триста рублей, 2) В. Н. Перетцу—вторую золотую медаль въ двѣсти пятьдесятъ рублей и 3) М. Азбукину—третью золотую медаль въ сто пятьдесятъ рублей.

Настоящее заключеніе Комиссіи Отдѣленіе Русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность всѣмъ гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію сочиненія, представленныя на конкурсъ по соисканію премій графа Д. А. Толстого.

Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого по Отдѣленію русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ послѣдуетъ въ 1906 году; срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-е мая 1906 года.

I.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Томъ первый, стр. XI + 628; второй — 587; третій — 499; четвертый + 539. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса.

Отзывъ профессора **А. И. Кирпичникова.**

Когда около 4-хъ лѣтъ назадъ нижеподписавшійся получилъ отъ Академіи Наукъ порученіе составить рецензію на трудъ В. И. Шенрока: *Матеріалы для біографіи Гоголя* (Москва, томы I—IV, 1892—1897), онъ почувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ (какъ для этой работы, такъ и для послѣдующихъ о Н. В. Гоголѣ), пріобрѣтя въ одно изъ воскресеній подъ Сухаревой башней 5-й и 6-й тома *Сочиненій и писемъ* Н. В. Гоголя, изд. П. А. Кулиша въ 1857 г. Букинистъ запросилъ съ него за чистые и порядочно переплетенные тома 4 рубля; но если бъ онъ потребовалъ 14, или даже 24 рубля, то будущій рецензентъ далъ бы ихъ въ концѣ концовъ, такъ какъ онъ могъ пользоваться этими томами только въ единственномъ экземплярѣ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ, гдѣ онъ весьма часто надобился публикѣ. Нынѣ, въ виду изданія тѣмъ же трудолюбивымъ В. И. Шенрокомъ *всѣхъ* писемъ Н. В. Гоголя, ему, В. И. Шенроку, доступныхъ, сильно устарѣвшее изданіе П. А. Кулиша стало совершенно ненужнымъ и имѣетъ свое значеніе только для исторіи дѣла. Нынѣ, благодаря г. Шенроку, всякій,

кого интересуетъ Н. В. Гоголь, имѣетъ за 4 рубля, заплаченныхъ въ любомъ книжномъ магазинѣ, прекрасный комментарій къ произведеніямъ русскаго великаго юмориста, комментарій, который слѣдующимъ поколѣніямъ придется только пополнять и совершенствовать. Уже одной этой заслуги вполнѣ достаточно, чтобы претендовать на высшую академическую награду; если же къ этому фактическому комментарію, *научно изданному*, присоединены примѣчанія, болѣе или менѣе умѣло составленныя, претензія переходитъ въ *право*, передъ которымъ всѣ иныя права должны смолкнуть почтительно.

Предисловіе къ *первому тому* Писемъ В. И. Шенрокъ начинаетъ такими словами:

«Настоящее изданіе, заключая въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, по своему объему *почти вдвое* больше прежняго, Кулишовскаго [1]). Если, несмотря на то, и оно не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ, то можно смѣло утверждать, что такихъ не появившихся пока въ печати писемъ должно быть очень немного. Во всякомъ случаѣ относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано все возможное, причемъ въ него вошли нѣкоторыя нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма. Затѣмъ, въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста, мы поставили своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Намъ удалось это выполнить, однако не безусловно, хотя и въ огромномъ большинствѣ случаевъ».

Далѣе В. И. Шенрокъ обстоятельно перечисляетъ 1) письма, которыя вновь или въ первый разъ были у него въ рукахъ при настоящемъ изданіи, 2) письма, которыхъ копіи, весьма исправ-

---

1) 4 компактныхъ тома ровно вдвое больше 2-хъ; примѣчаній у В. И. Шенрока значительно больше; объемъ его страницъ меньше, но шрифтъ его значительно мельче; и если *по числу* добавлено меньше $^1/_3$ писемъ, то въ письмахъ, напечатанныхъ Кулишемъ, сдѣланы значительные пропуски, огромное большинство которыхъ заполнено В. И. Шенрокомъ.

ныя, нашелъ онъ въ Румянцевскомъ музеѣ и 3) письма, имъ прежде напечатанныя по подлинникамъ, относительно которыхъ онъ имѣлъ свои записи, составленныя имъ въ то время, когда онъ имѣлъ въ рукахъ подлинники (послѣднее, пожалуй, и излишне, такъ какъ читатель не въ состояніи судить, насколько издатель былъ осмотрителенъ и подготовленъ), дѣлаетъ рядъ замѣчаній pro domo sua, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и въ заключеніе выражаетъ свою благодарность академикамъ А. Н. Пыпину и покойному Л. Н. Майкову, извѣстному издателю П. А. Ефремову, а также и лицамъ, «любезно предоставившимъ въ «его» распоряженіе подлинныя письма Гоголя».

Послѣ этого краткаго предисловія В. И. Шенрокъ приступаетъ къ изданію самыхъ писемъ; къ до-нѣжинскому періоду онъ относитъ только 3 письма и, въ виду упоминанія въ будто бы полтавскомъ письмѣ директора Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Ивана Семеновича (Орлая), никто и ничто не въ состояніи защитить неосновательнаго предположенія П. А. Кулиша. Но первое *нѣжинское* письмо ученика Гоголя-Яновскаго (у В. И. Шенрока I, 10), помѣченное *13 августа 1821 года*, настолько неопредѣленно по своему содержанію и настолько противорѣчитъ тономъ своимъ письму отъ *14 августа* того же года, что лучше бы его вовсе не печатать безъ новой провѣрки въ числѣ другихъ несомнѣнныхъ писемъ Н. В. Гоголя.

Всѣхъ *нѣжинскихъ* писемъ у В. И. Шенрока 83 (I, стр. 10—109), а у П. А. Кулиша—69; но, какъ было выше сказано, существенная разница заключается не въ 14 лишнихъ письмахъ, которыя В. И. Шенрокъ заимствовалъ изъ «Вѣстника Европы», «Р. Старины» и «Р. Архива», а въ его пополненіяхъ и примѣчаніяхъ, взятыхъ преимущественно изъ тѣхъ же журналовъ (въ особенности изъ «Р. Старины») и служащихъ превосходнымъ комментаріемъ къ этому фактическому матеріалу-комментарію. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ рецензентъ не можетъ не признать, что В. И. Шенрокъ безусловно правъ, приводя именно такую выписку и именно въ такой формѣ; но встрѣчается

не мало и такихъ мѣстъ, гдѣ рецензентъ позволилъ бы себѣ измѣнить ту или другую; а именно:

На стр. 11 къ примѣч. № 2 слѣдуетъ добавить отвѣтъ О. Д. Трощинской, которая собиралась «выдрать уши» Василію Аѳанасьевичу Гоголю-Яновскому за то, что преувеличенная болѣзнь сына, скучавшаго въ учебномъ заведеніи, произвела въ немъ болѣзнь серьозную. Правда, письмо это до сихъ поръ остается неизданнымъ, и № 2 «Истор. Вѣстн.» за 1902 годъ (стр. 520, статья П. Е. Щеголева) вышелъ послѣ I тома писемъ Н. В. Гоголя въ изданіи В. И. Шенрока, но въ 4-й томъ послѣдняго письмо О. Д. Трощинской, весьма характерное для Гоголя-отца, могло бы быть вставлено.

На стр. 15 и 16 (прим. 2-ое) В. И. Шенрокъ могъ бы выразиться несравненно короче.

На стр. 17 слѣдуетъ отмѣтить содержаніе *Вѣстника Европы* за 1821 годъ и за 1822 г., который могъ просить Гоголь у родителей изъ Кибинецкой библіотеки[1]).

Къ стр. 19 необходимо прибавить слѣд. примѣчанія: *Бѣдность и благородство души*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Авг. Коцебу, М., въ Универс. типографіи, 1798 г.; то же, изд. 2-ое, Орелъ, въ Губерн. т., 1817 г. (Смирдинъ № 7021); *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* — то же, въ 5 дѣйствіяхъ, перевелъ съ нѣм. *Ив. Репьевъ*, СПБ., въ т. Брейткопфа, 1792 г.; то же, изд. 3-ье, Смоленскъ, въ т. Губернскаго Пр., 1812 г. (Смирдинъ № 7222). Пьеса держалась на русской сценѣ до конца 40-хъ гг., какъ видно изъ романа Писемскаго «Тысяча Душъ». Комедія въ

1) Въ эти года журналъ М. Каченовскаго явно клонился къ упадку и для нѣжинской молодежи, очевидно, былъ *скученъ*. Составъ его: переводъ Георгикъ Виргилія, переводы съ франц. изъ *Бейрона (Джяуръ*, Абид. Невѣста, Оскаръ Альвскій и пр.), переводы кн. Вл. Одоевскаго, его же переписка съ Лужницкимъ Старцемъ, стихи Ст. Шевырева, М. Дмитріева, А. Писарева, В. Пушкина и др., повѣсти *Бульи*, дѣльныя, но слишкомъ серьозныя статьи самого редактора, статьи Калайдовича, В. Перевощикова, разборъ книги Н. И. Греча (Опытъ исторіи Росс. Словесности); Каченовскому изъ современныхъ ему поэтовъ, кромѣ Байрона, нравится В. Скоттъ; всего лучше ведетъ онъ отдѣлъ политики и, попрежнему, *благотворенія*.

5-ти дѣйствіяхъ Мих. Загоскина: *Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ*, изд. въ Петербургѣ, въ Театральной т., въ 1817 г. (Смирдинъ № 7065; 2-ое изд. въ Москвѣ, въ Университетской т., въ 1825 г.). *Эдипъ въ Аѳинахъ* Влад. Озерова изданъ отдѣльно, въ Морской т., въ 1805 г. (Смирдинъ № 6983; 3-ье изд., въ т. Глазунова, 1823 г.).

На стр. 21 слѣдуетъ въ примѣчаніи разъяснить довольно сложную исторію возникновенія книги: «Собраніе Образцовыхъ Сочиненій»; судя по стихамъ и по «портретамъ авторовъ», Гоголь имѣлъ въ виду изданіе Общества Любителей отечественной словесности отъ 1815 до 1817 года.

На стр. 24 нижеподписавшійся въ выраженіи Гоголя-сына: «Вы, я думаю,не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ», видитъ скорѣе довольно тонкую иронію, нежели «самоувѣренность», какъ В. В. Каллашъ («Р. Мысль», февр. 1902 г.; въ отд. оттискѣ стр. 17). Простой и веселый слогъ Гоголя-сына въ письмахъ къ отцу, въ особенности въ противуположность оффиціально-риторическому слогу въ перепискѣ съ матерью (напр. см. 22—23), служитъ наилучшимъ доказательствомъ хорошихъ отношеній между сыномъ и отцомъ не задолго до смерти послѣдняго.

Судя по распоряженію Конференціи Гимназіи (VII. 1 дек. 1821 г. И. А. Сребницкій, стр. 132), которое запрещаетъ имѣть ученикамъ *свои* книги безъ «разрѣшенія инспекціи», Гоголь-Яновскій 23 апр. 1825 г. (I, 27) не могъ чувствовать особой нужды въ пріобрѣтеніи «Курса Россійской Словесности», о которомъ онъ говоритъ въ Post-Scriptum'ѣ къ письму на стр. 27 [1]).

«Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи» А. Востокова, который Гоголь забылъ у матери лѣтомъ 1825 г., какъ онъ говоритъ на стр. 35 (ср. то же на стр. 36), очевидно, есть «*изданіе 2-е, ис-*

1) Да и трудно сказать, какой это *Курсъ*; если «Курсъ Россійской Словесности для дѣвицъ» *Ивана Левитскаго* (Смирдинъ № 6024), то онъ стоилъ всего 5 рублей.

правленное и дополненное, СПБ., въ Морской т.», о которомъ Смирдинъ говоритъ подъ № 6073.

Имя К. С. Павлова взято В. И. Шенрокомъ изъ книги Н. А. Лавровскаго, и упоминаніе на стр. 327 VI-го тома 10-го изд. рисовальнаго учителя слишкомъ обще для того, чтобы комментаторъ могъ пріурочить его именно къ Павлову.

Примѣчаніе 3-ье на стр. 40 взято г. Шенрокомъ изъ 5-го тома изд. П. А. Кулиша (стр. 32); но откуда взялъ его Кулишъ, мнѣ неизвѣстно.

Послѣднее выраженіе Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 12 сентября 1826 г. (стр. 49) свидѣтельствуетъ, что въ 17 лѣтъ будущій юмористъ шутилъ неровно и иногда грубо.

Выраженіе въ письмѣ къ матери отъ 30 сентября 1826 г. (стр. 49): «я теперь поставилъ себѣ за правило: что должно сдѣлать, то дѣлать тотъ же часъ, не откладывая», указываетъ на нѣкоторую перемѣну въ міровоззрѣніи Гоголя.

Въ письмѣ отъ 15 октября того же года (стр. 51) нижеподписавшійся не видитъ, какъ г. Каллашъ (стр. 25 l. c.), «очевиднаго нежеланія вводить Трощинскаго въ святая святыхъ своей души»: въ этотъ періодъ *сочиненія* Гоголя еще не вводятъ читателя въ святая святыхъ[1]).

Перерывъ въ перепискѣ меньше мѣсяца никакъ нельзя назвать «довольно продолжительнымъ» (стр. 54, прим. 3): М. И. Гоголь-Яновская просто забыла о письмахъ сына отъ ноября.

Переписка Гоголя съ Г. И. Высоцкимъ чрезвычайно важна для исторіи умственнаго развитія перваго: нѣтъ сомнѣнія, что изъ нея первый заимствовалъ идею ѣхать сперва въ Петербургъ, потомъ за границу; и она же намъ показываетъ внутреннюю, неофиціальную сторону души его[2]); но въ ней покамѣстъ много для насъ темнаго.

---

1) Объ этихъ *сочиненіяхъ* въ письмахъ отъ 23 ноября (стр. 54) самъ авторъ говоритъ, что «новый переворотъ постигнулъ ихъ: *родъ* ихъ теперь совершенно особенный».

2) См. 1-ое письмо Гоголя къ Высоцкому, особенно стр. 55.

Къ стр. 59 необходимо сдѣлать примѣчаніе, что комедія Я. Княжнина: *Неудачный примиритель*, повидимому [1]), отдѣльно издана не была, но помѣщается во всѣхъ собраніяхъ его произведеній; комедія *Лукавинъ* (въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная съ англ. *Александромъ Писаревымъ*, изд. въ М., въ Театр. т., 1823 г.) есть передѣлка знаменитой *Школы Злословія*; а 1-актная комедія (вслѣдствіе счастливаго окончанія) Авг. Копебу: *Береговое право*, переведена М. Каченовскимъ и издана въ 1819 г.

Выраженіе: *роспиську за деньги* (на стр. 67), есть несомнѣнный провинціализмъ. Изъ письма отъ 24 марта 1827 года (стр. 68) видно, что до поступленія въ учебное заведеніе Н. В. Гоголь чувствовалъ страсть къ *садоводству*. Это занятіе пріятно ему и 18 лѣтъ, такъ какъ напоминаетъ ему умершаго отца, котораго онъ теперь сильно идеализируетъ (ibid.).

Къ письму на имя Г. И. Высоцкаго отъ 26 іюня 1827 г., въ которомъ Гоголь отличаетъ себя отъ нѣжинскихъ существователей, къ стр. 75, слѣдовало бы сдѣлать примѣчаніе съ перечисленіемъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ книгъ и журналовъ, которые *могли* читать нѣжинскіе ученики Гимназіи Высшихъ Наукъ, и въ томъ числѣ Гоголь (какъ выше сказано, *Вѣстникъ Европы* доживалъ въ это время свои послѣдніе годы; *Сынъ Отечества* Н. И. Греча пользовался несравненно бо́льшимъ успѣхомъ у молодежи; съ 1825 г. въ немъ участвуетъ и быстро вошедшій въ моду новый писатель Ѳ. В. Булгаринъ, собственный журналъ котораго *Сѣверный Архивъ* удовлетворялъ потребности въ болѣе серьезномъ историческомъ чтеніи; *Московскій Телеграфъ* Н. Полевого, задуманный еще въ серединѣ 1824 г., почти сразу достигаетъ небывалой у насъ до тѣхъ поръ цифры подписчиковъ; *Московскій Вѣстникъ* М. П. Погодина возбуждаетъ толки съ конца 1826 г. и начинаетъ выходить въ 1827 г. при непосредственномъ участіи А. С. Пушкина и при

1) Судя по каталогу Смирдина.

постоянномъ сотрудничествѣ молодого и талантливаго, какъ тогда говорили, критика С. П. Шевырева. Рядомъ съ журналами стояли въ то время и многочисленные альманахи, изъ которыхъ послѣдними и важнѣйшими были: *Сѣверные Цвѣты* бар. Дельвига, *Уранія* М. П. Погодина, *Невскій Альманахъ* Е. Аладьина, *Календарь Музъ* А. Измайлова. и др.).

Ранней осенью 1827 г., когда Н. В. Гоголь обыкновенно возвращался въ Нѣжинъ, произошло нѣчто необыкновенное, если вѣрить датамъ, которыя В. И. Шенрокъ разставляетъ въ скобкахъ или безъ нихъ на письмахъ Гоголя: 30 августа Гоголь пишетъ матери (стр. 81), повидимому, изъ Нѣжина, гдѣ онъ находится уже «болѣе двухъ недѣль», а 3-ьяго сентября — дядѣ Павлу Петр. Косяровскому изъ Васильевки (стр. 82) и 13 сентября ему же изъ Нѣжина, одновременно съ его братомъ Петромъ Петр., которому сообщаетъ о полученіи 5-ой части *Ручной математической энциклопедіи* (стр. 85), что было возможно, конечно, только въ Нѣжинѣ. А всего затруднительнѣе то, что письмо къ матери 19 сентября (1827) (стр. 86—87) названо въ примѣчаніи *не имѣющимъ даты* и разсказываетъ о пріѣздѣ въ Нѣжинъ *18-го въ вечеру поздно*, отъ какового числа уже прошло столько дней, что Н. В. Гоголь успѣлъ болѣе или менѣе обдумать и свое лѣтнее положеніе, и осеннее, нѣжинское. Очевидно, самъ В. И. Шенрокъ затруднялся размѣщеніемъ этихъ писемъ, но не подѣлился съ читателемъ своимъ затрудненіемъ.

В. В. Каллашъ называетъ (l. c. стр. 30 — 31) письмо Гоголя къ дядѣ Петру Петр. Косяровскому отъ 3 окт. 1827 г. (стр. 88 — 90) *искреннимъ* и *сильнымъ*, «насколько вообще онъ могъ быть откровененъ и искрененъ безъ моментовъ рефлексіи и критики»; нижеподписавшійся видитъ здѣсь юношески-преувеличенную силу, когда показавшееся автору правдивымъ выражается безъ всякихъ границъ, когда *нѣкоторое* вниманіе къ правамъ другихъ народовъ, усвояемымъ обязательно, называется *постояннымъ изученіемъ*, и т. д. Письмо это, дѣйствительно, весьма важно, какъ признаетъ и В. И. Шенрокъ во 2-мъ при-

мѣчаніи на стр. 89, но потому, что въ немъ юноша Гоголь раскрываетъ свою душу старшему и уважаемому имъ родственнику, который для него до извѣстной степени замѣнилъ рано потерянаго отца.

Bibliothèque (universelle) des dames (Voyages. T. I—XVIII), о которой Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Павлу Петр. Косяровскому (на стр. 92), упомянута въ Гоголевскомъ Сборникѣ проф. Сперанскаго подъ № 875; книга *Алексѣя Мартоса*, о которой Гоголь говоритъ въ томъ же письмѣ,—подъ № 877 [1]), а между ними, подъ № 876, поминается *Ручная математическая энциклопедія*, но уже въ 6 частяхъ, а не въ 5, о которыхъ пишетъ Гоголь Петру Косяровскому (стр. 85).

На стр. 96 напечатано: *и когда*; но нижеподписавшійся имѣетъ доказательство, что В. И. Шенрокъ исправилъ въ послѣдней корректурѣ это мѣсто на *никогда* (какъ объ этомъ догадывается В. В. Каллашъ на стр. 33, въ 1-мъ прим. 1. с.). Письма Гоголя къ матери отъ 1 марта (стр. 96—99) и др. 30 марта (98—99) указываютъ на несравненно большую зрѣлость писавшаго, изъ чего, повидимому, явствуетъ, что Гоголь въ эту зимнюю вакацію успѣлъ написать своего Ганца Кюхельгартена.

Въ примѣчаніи 3-ьемъ на стр. 98 В. И. Шенрокъ называетъ письмо № LXIX сентябрьскимъ, хотя на стр. 86 считалъ его лишеннымъ даты. Упоминаніе въ письмѣ отъ 16 мая 1828 г. (стр. 102) «пространаго экипажа», «въ которомъ я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ», указываетъ, повидимому, на то, что письмо № LXIX писано немедленно по возвращеніи въ Нѣжинъ въ августѣ 1827 г.

Записка Гоголя къ Данилевскому на стр. 103, въ которой, по словамъ В. И. Шенрока, «цифра неясна» (прим. 4-ое), никакъ не укладывается въ 17 августа 1828 г.; зачѣмъ въ этомъ году Гоголь могъ попасть въ августѣ въ обидѣвшую его Гимназію Высшихъ Наукъ?!

1) У Смирдина № 3681.

Три послѣднія письма Гоголя къ Петру Петр. Косяровскому расположены не совсѣмъ, гдѣ слѣдуетъ: во 1-хъ письма №№ LXXXIV и LXXXV помѣщены впервые въ «Р. Старинѣ» не въ 1875, а въ 1876 г. (Н. П. Косяровскимъ), а во 2-хъ письмо отъ 9 сентября тамъ имѣетъ 1828 г. въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно относится не къ этому году, а къ позднѣйшему пріѣзду Гоголя изъ Петербурга въ 1832 г.[1]).

Письмо подъ № LXXXVI, напечатанное впервые В. И. Шенрокомъ (перваго изд. Указателя у меня нѣтъ подъ руками, но имѣются его Матеріалы I, 147 — 8), существуетъ только какъ его приписка къ письму матери.

О родствѣ священника Меркурія Яновскаго съ Н. В. Гоголемъ (которое едва ли можно назвать *дальнимъ*, какъ это дѣлаетъ В. И. Шенрокъ на стр. 106, прим. 7-ое) см. «Р. Архивъ» 1902 г., № 4, стр. 705.

Переходимъ къ *петербургскимъ* письмамъ Н. В. Гоголя (Кулишъ V, 77 и слѣд., Шенрокъ I, 114 и слѣд.). Въ нихъ опять-таки цѣнны дополненія В. И. Шенрока изъ «Р. Старины», «Кіевской Старины», «Р. Архива», «Вѣстн. Европы» и т. д., исправленія и дополненія по рукописямъ Гоголя и примѣчанія г. Шенрока. Къ послѣднимъ слѣдуетъ добавить и въ нихъ исправить: на стр. 114 къ имени Л. И. Голенищева-Кутузова, что онъ род. въ 1769 г., скончался въ 1845; съ 1827 г. состоялъ предсѣдателемъ Ученаго Комитета Морского Министерства и предпринималъ много научныхъ изданій (въ 1829 г. см. № 140 «С. Пчелы», гдѣ находится рецензія на его Собраніе писемъ Петра Великаго).

На стр. 116: Д. П. Трощинскій скончался не «въ самомъ началѣ 1829 года», а именно 26 февраля этого года. См. «Кіевская Старина» 1898 г., іюль-августъ, стр. 116.

---

1) Именно въ 1828 г. Петръ Косяровскій не могъ знать, какъ адресовать Гоголю письма, такъ какъ этого не зналъ и самъ Н. В. Гоголь.

Изъ текста стр. 119 очевидно, что письмо, начатое Гоголемъ 30 апрѣля, окончено имъ послѣ 1 мая.

Едва ли вѣрно, что письмомъ 22 мая Гоголь «постепенно подготовляетъ мать къ мысли о заграничной поѣздкѣ» (стр. 121, прим. 4), такъ какъ онъ тутъ же проситъ у нея весьма настоятельно 300 рублей (чтобы уплатить въ типографію за «Ганца Кюхельгартена», на котораго цензурное дозволеніе подписано 7 мая 1829 г.?) и на стр. 122 пишетъ: «И такъ я остаюсь теперь въ Петербургѣ».

Не слѣдуетъ думать, что письмомъ отъ 24 іюля Гоголь «подготовляетъ мать къ извѣстію о предполагаемой имъ поѣздкѣ за границу» (стр. 123, прим. 2), такъ какъ намъ положительно извѣстно («Лит. Вѣстн.» 1902, № 1, стр. 60), что наканунѣ, 23 іюля 1829 г., Гоголь далъ довѣренность на имя матери въ Гражданской Палатѣ. Стало быть, не надо было *подготовлять* къ тому, что онъ уже *началъ дѣлать*. На стр. 125 (прим. 1-ое) В. И. Шенрокъ ошибочно называетъ неудачу «Ганца» *одною* изъ причинъ внезапнаго отъѣзда Гоголя за границу (она была несомнѣнно самою главною) и еще болѣе ошибочно приписываетъ Н. Полевому рецензію въ № 87 «С. Пчелы», 20 іюля (Н. С. Тихонравовъ V, 542 не говоритъ ничего подобнаго).

Изъ Post-Scriptum'а въ томъ же письмѣ (стр. 128) очевидно, что Гоголь при отъѣздѣ за границу уже успѣлъ обдумать въ общихъ чертахъ свои будущіе «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Мѣста изъ сочиненій Гоголя, служащія параллелями для писемъ, слѣдовало бы приводить цѣликомъ (изъ «Авт. Исповѣди» Шенр. I, 130, прим. 1-е; ср. I, 124, прим. 3): потеря текста была бы очень невелика, а читателю было бы несравненно выгоднѣй.

Едва ли можно чѣмъ бы то ни было оправдать совершенно ненужное повтореніе на стр. 136 прим. 1 (ср. прим. 1 на стр. 125).

Въ очень печальномъ письмѣ отъ 1 января 1830 г., стр. 141

(Кулишъ V, 100), не слѣдуетъ ли читать *поговорили* вм. *проговорили*?

Къ той же страницѣ слѣдуетъ дополнить, что проектъ Александровской *колонны* (прежде былъ задуманъ *обелискъ*) Монферрана былъ утвержденъ въ сентябрѣ 1829 г.; колонна была открыта 30 августа 1834 г. Объ этомъ открытіи см. письмо Гоголя къ Максимовичу отъ 23 авг. 1834 г. (въ изд. писемъ Шенрока I, 321).

Къ стр. 145 (прим. 4-ое) надо добавить, что Ник. Ѳед. Арендтъ род. въ 1786 г. въ Казани, окончилъ курсъ въ Медицинской Академіи въ 1805 г., былъ съ 1821 г. почетнымъ докторомъ медицины и хирургіи, съ 1829 г. — лейбъ-медикомъ; сконч. въ Петербургѣ въ 1859 году.

На стр. 146 (прим. 3-ье) В. И. Шенрокъ повторяетъ *предположеніе* (Ф. А. Витберга, «Ист. Вѣст.» 1892, № 8, стр. 395), что неизвѣстный *вельможа*, которому Гоголь хочетъ *прислужиться* малороссійскими древностями, есть Свиньинъ, редакторъ «Отеч. Записокъ»; изъ даннаго мѣста не видно, насколько г. Шенрокъ сочувствуетъ этому предположенію. Но Пав. Петр. Свиньинъ былъ такъ мало похожъ на *вельможу*, и къ тому же 2 февраля уже былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» Гоголевъ «Басаврюкъ», (и напечатанъ плохо), такъ что догадка г. Витберга не выдерживаетъ критики. Не есть ли этотъ вельможа-фонъ-Фоккъ, или Гоголь обманывалъ и въ данномъ случаѣ свою мать, приспособляясь къ ея понятіямъ?

О какихъ *турецкихъ посланникахъ* идетъ рѣчь въ томъ же письмѣ, неизвѣстно.

Въ письмѣ отъ 2 апр. 1830 г. къ матери (стр. 147 — 154) Гоголь высказываетъ готовность покинуть Петербургъ и переселиться въ провинцію, какой онъ на самомъ дѣлѣ не чувствовалъ вовсе. Поэтому и В. И. Шенрокъ не имѣлъ права ссылаться (на стр. 169) на то, что Гоголь «подумывалъ объ оставленіи Петербурга».

Письмо Гоголя къ матери отъ 3 іюня 1830 г. (стр. 154—

161) написано очень умно и ловко: вполнѣ сообразно съ характеромъ матери, Гоголь льститъ ей за ея обѣщаніе высылать ему деньги, пока она будетъ въ состояніи, остроумно мылитъ ей голову за нѣкоего г. Гижилинскаго, который на службѣ и службою составилъ себѣ состояніе, и кстати разсказываетъ ей о своемъ времяпрепровожденіи (стр. 158 и слѣд., Кулишъ V, 115 и т. д).

Къ стр. 167: П. П. Свиньинъ, какъ авторъ комедіи: «Свѣтскій Бытъ» и романа: «Якубъ Скупаловъ», говоритъ самъ за себя, а объ Владимірѣ Петровичѣ Бурнашевѣ (1809—1888) см. С. А. Венгерова: Источники словаря русскихъ писателей, I, 389, СПБ. 1900 г.

Къ стр. 172 (прим. 1) слѣдуетъ добавить, что цензурное разрѣшеніе на альманахъ бар. Дельвига: «Сѣверные Цвѣты на 1831 г.», гдѣ напечатана глава *историческаго романа* Гоголя за псевдонимомъ 0000, подписано 18 декабря; что № 1 «Литературной Газеты», гдѣ напечатана глава изъ романа Гоголя «Учитель» (подписано: *П. Глечикъ*) и нѣсколько мыслей о «преподаваніи дѣтямъ географіи» (подписано *Г. Яновъ*) вышла 1 января 1831 г. и что № 4 той же газеты, гдѣ напечатана статья «Женщина», уже прямо подписанная: *Н. Гоголь*, вышелъ 16 января 1831 г. (изд. Н. С. Тихонравова, V, 546). Въ этомъ примѣчаніи В. И. Шенрокъ явно впадаетъ въ противорѣчіе съ своимъ же примѣчаніемъ 3-ьимъ на стр. 177. Впрочемъ, въ оправданіе ему, нижеподписавшійся долженъ замѣтить, что статья Н. А. Бѣлозерской въ «Р. Стар.» 1887 г. (IV, 741) не вполнѣ сходится съ данными, помѣщенными въ «Р. Мысли» проф. И. А. Линниченкомъ. Сущность дѣла въ томъ, что февраля 6-го Л. К. Вистингаузенъ вошла съ предложеніемъ о назначеніи Н. Гоголя учителемъ съ жалованьемъ 400 рублей въ годъ и что тою же раннею весною онъ былъ перемѣщенъ изъ Департамента Удѣловъ въ Патріотическій Институтъ (подробнѣй см. изд. И. Д. Сытина, Хронол. Канва, стр. XIII).

На стр. 178 (прим. 2-ое) было бы достаточно, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, указать на 4-ое прим. къ стр. 145.

Едва ли удобно назвать *немалою неловкостью* (стр. 179, прим. 7-ое) со стороны школьнаго товарища отсутствіе въ сохранившихся письмахъ благодарности за присланную книжку.

На стр. 183 текстъ слѣдовало бы исправить и вм. *въ Петербургѣ* читать *въ Петербургъ*: *ѣ* и *ъ* въ рукоп. очень похожи другъ на друга, а письмо, какъ говоритъ В. И. Шенрокъ (прим. 1-ое), «во многихъ мѣстахъ проколото при карантинномъ досмотрѣ»; въ Петербургѣ смысла не имѣетъ.

Къ стр. 185, прим. 1-е. Нижеподписавшійся иначе понимаетъ порученіе, которое далъ Пушкинъ Гоголю относительно *Повѣстей Бѣлкина*, нежели В. И. Шенрокъ, и увѣренъ въ справедливости своего пониманія. Во 1-хъ Гоголь не имѣлъ такихъ средствъ, чтобы при тогдашнихъ условіяхъ разъѣзжать изъ Царскаго Села въ Петербургъ и обратно; во 2-хъ повидимому свиданіе Пушкина съ Гоголемъ въ Петербургѣ произошло не 8 августа, а 8 сентября, и въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому (на стр. 189) отъ 10 сентября есть небольшой недосмотръ, вполнѣ понятный (прежній мѣсяцъ, которымъ онъ *привыкъ* надписывать письма, поставленъ вмѣсто нынѣшняго): до половины августа, когда Гоголь только собирался переселяться въ Петербургъ и заявилъ Пушкину, что онъ навѣрно будетъ у Плетнева, Пушкинъ попросилъ Гоголя заѣхать къ нему въ Царское за *Повѣстями Бѣлкина*; Гоголь обѣщалъ, но не исполнилъ своего обѣщанія, такъ какъ ѣхалъ не одинъ и не мимо Пушкина, о чемъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ и написалъ Пушкину, прося его передать пакетъ посланному Васильчиковой, которая ѣдетъ въ Петербургъ въ среду (стр. 183); ей же (точнѣе—ея посланному) можно было передать и пакетъ съ деньгами отъ матери Гоголя. 21 августа Гоголь извѣщаетъ Пушкина, что порученіе его исполнено, что онъ, Гоголь, имѣлъ любопытное «свиданіе съ типографіей», и предлагаетъ ему остроумную выходку противъ Булгарина. Пушкинъ отвѣчалъ ему на это письмо 25 августа (№ 307, изд. Фонда VII, 289). 8 сентября

они встрѣтились на Вознесенскомъ проспектѣ, о чемъ Гоголь и написалъ Жуковскому (стр. 189).

В. И. Шенрокъ вѣритъ этому письму Гоголя къ Жуковскому вполнѣ (хотя писать 10 *сентября*: «Это была радостная; *она уже прошла*; это случилось 8 августа»,—странно, да и странно было бы со стороны памятливаго Пушкина, если бъ онъ, разсказавъ на словахъ 8 *августа* о творческихъ трудахъ Жуковскаго, мимоходомъ упомянулъ объ нихъ, какъ о новости, въ письмѣ 25 августа), и кромѣ того, по его представленію, Гоголь зачѣмъ-то *Повѣсти Бѣлкина* возилъ съ собой въ Павловскъ, который лежитъ отъ Петербурга дальше Царскаго Села.

Нижеподписавшійся не понимаетъ, почему В. В. Каллашъ (l. c. стр. 43) слова Гоголя (письмо къ матери отъ 19 окт. 1831 г., стр. 190): «она понравилась здѣсь всѣмъ», которыя В. И. Шенрокъ справедливо относитъ ко всей первой части «Вечеровъ» относитъ къ *одной изъ повѣстей* его.

Слова Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 9 октября (стр. 192): «Директоръ Опекунскаго Совѣта мнѣ незнакомъ, и мнѣ (а мнѣ?), можетъ быть, очень бы легко удалось склонить его къ отсрочкѣ», конечно, не имѣютъ никакой «связи съ долгомъ, сдѣланнымъ Гоголемъ передъ первой поѣздкой за границу», о которой думаетъ В. И. Шенрокъ (прим. 2-ое): этотъ долгъ былъ слишкомъ не великъ, и Гоголь покрылъ его уже больше года назадъ. На стр. 204 (прим. 4-ое) необходимо уничтожить слово *повидимому*: оно совершенно излишне.

Къ стр. 220 (прим. 1-ое) слѣдуетъ прибавить для московскаго д-ра Дядьковскаго указаніе на стр. 222, гдѣ Гоголь писалъ объ его пилюляхъ.

На стр. 224 излишне къ слову: «20 октября», прибавлено въ скобкахъ sic: читатель имѣетъ полное право подумать, что издатель не вѣритъ въ октябрь, тогда какъ Гоголь разумѣлъ дѣйствительно этотъ мѣсяцъ.

На стр. 227 (прим. 1-ое) напрасно В. И. Шенрокъ говоритъ объ *отпускѣ* изъ Патріотическаго Института, о которомъ

будто бы мечталъ Гоголь; все это письмо (малороссійски хитрое) написано Гоголемъ съ цѣлію доказать Погодину, что на этотъ годъ ему нечего и думать переходить на службу въ Москву (чего ему на самомъ дѣлѣ и не хотѣлось): слишкомъ впѣпился въ его педагогическія способности Петербургъ!

Къ стр. 229 (прим. 1-ое) слѣдуетъ по крайней мѣрѣ добавить: кн. Одоевскій, Вл. Θед., род. въ Москвѣ 30 іюня 1803 г., воспитывался въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, дѣятельно сотрудничалъ въ *Вѣстникѣ Европы* Мих. Каченовскаго («Письма къ Лужницкому Старцу») и издавалъ въ 1824—25 годахъ вмѣстѣ съ Вильг. Кюхельбеккеромъ альманахъ «Мнемозина»; въ 1826 г. переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій (скончался сенаторомъ въ Москвѣ 1869 г. 27 февраля). Въ эпоху изданія «Вечеровъ» и «Миргорода» Гоголемъ, кн. Одоевскій былъ однимъ изъ выдающихся петербургскихъ писателей, соединявшихъ, подобно Гоголю, сильную фантазію съ глубокою мыслію и чувствомъ. Онъ подписывался въ это время *Безѣласный* (о немъ см. въ «Лит. Мечтаніяхъ» Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова I, 385 и слѣд.

Относительно того же кн. Одоевскаго на стр. 241, вмѣсто прим., слѣдуетъ привести письмо Пушкина отъ 1833 г. 30 окт. (№ 361), гдѣ тотъ отвѣчаетъ на письмо Одоевскаго отъ 28 сентября: «Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ — распишусь; не тутъ-то было! Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь, барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже! Не дожидайтесь Бѣлкина: не на шутку, видно, онъ покойникъ: не бывать ему на на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться!..... Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть *закорючка*». Къ этому письму въ изд. Фонда (VII, 332) имѣются 2 примѣчанія:

1) Говорится объ альманахѣ: *Тройчатка*, или альманахъ въ

три этажа, который предполагали издавать подъ своими псевдонимами: Одоевскій (Гомозѣйка), Гоголь (Рудый Панько) и Пушкинъ (Бѣлкинъ), причемъ каждый бралъ себѣ особый этажъ.

2) Это слово (въ ней же есть *закорючка*) ввелось тогда въ пріятельскомъ кружкѣ для означенія чего-либо, заслуживающаго особаго вниманія..... (Примѣчаніе кн. Одоевскаго).

Къ стр. 237 необходимо сдѣлать дополненіе: во-первыхъ, выписать полное заглавіе изданнаго Погодинымъ и пересланнаго Гоголю *Беттигера*[1]); а во-вторыхъ не худо отмѣтить, что объ этомъ переводѣ говоритъ Н. П. Барсуковъ въ IV томѣ своего изслѣдованія: «Жизнь и Труды М. П. Погодина» (СПБ. 1891), на стр. 112 (1832 г.), 172 и 173, гдѣ сказано, между прочимъ, о суровомъ отзывѣ Н. Полевого относительно этой книги. Не лишнее будетъ и отмѣтить тутъ же стр. 245 (письмо къ Погодину же отъ 20 февраля 1833 г.), гдѣ Гоголь снова возвращается къ Беттигеру.

На стр. 249 (прим. 1-ое) — очевидное lapsus calami.

Примѣчанія на стр. 255 (2-ое) и 256 (3-ье) было бы гораздо удобнѣе соединить вмѣстѣ (у Кулиша письмо помѣщено V, 242—3).

На стр. 267 примѣчаніе 2-ое едва ли умѣстно въ цѣломъ: что кожевенная фабрика затѣяна *по милости* зятя Гоголя, есть только необоснованная догадка В. И. Шенрока, а пріѣздъ провинціальнаго свойственника въ Петербургъ безъ всякой особой нужды не могъ быть вообще пріятенъ сильно занятому Гоголю.

На стр. 276 ко 2-ой строкѣ необходимо сдѣлать примѣчаніе,

---

1) Всеобщая исторія. Гимназическій курсъ. Сочиненіе Эрлангенскаго профессора *Беттигера*. Переводъ съ нѣмецкаго. М. Въ Университетской типографіи. 1832. Цензурная помѣта: 18 августа 1832 г. Въ предисловіи издатель, т. е. М. П. Погодинъ, говоритъ: «Переводъ исполненъ подъ моимъ надзоромъ нашими студентами». Предисловіе подписано 1 ноября. Стр. II и 432. Послѣднее событіе, о которомъ упоминается въ краткомъ хронологическомъ обозрѣніи, есть капитуляція Акрополя Аѳинскаго 5 іюня 1827 года. Очевидно, что Гоголь, спрашивающій въ письмѣ 20 Февраля (245 стр.): «имѣется ли у него и новая исторія?», даже не перелисталъ всей книги.

что *скучать за кѣмъ* есть провинціализмъ, до сихъ поръ употребительный въ Слободской Украйнѣ.

О (Георгіи) Конисскомъ (къ стр. 279) см. у Пушкина изд. Фонда V, 133 и V, 287; VII, 397. Послѣ статьи Лазаревскаго («Кіевск. Стар.» 1891 г., № 4) *Исторія руссовъ* не считается ему принадлежащею. О Д. Н. Бантышѣ-Каменскомъ, историкѣ Малороссіи (къ стр. 280), который род. въ Москвѣ въ 1788 г., а сконч. въ Петербургѣ въ 1850 г. 25 января, см. Указатель къ Пушкину, изд. Фонда, при VII т.

Бодрый тонъ письма Гоголя къ матери отъ 9 марта 1834 г. нижеподписавшійся объясняетъ себѣ не столько «утѣшительными вѣстями изъ дому о дѣлахъ фабрики» (стр. 280, прим. 6-ое): онъ плохо вѣрилъ оптимисткѣ Маріѣ Ивановнѣ,—сколько удачнымъ ходомъ дѣлъ самого Гоголя.

Въ заключеніе нижеподписавшійся долженъ сказать, что изъ 2153 стр. В. И. Шенрокъ потерялъ по крайней мѣрѣ 153, если не болѣе, совершенно непроизводительно, употребивъ ихъ на *примѣчанія*, ровно ничего не дающія читателю. Такъ, когда онъ приводитъ невѣрныя или неполныя чтенія у Кулиша въ V и VI томахъ изданія 1857 года, онъ сообщаетъ ему такъ же мало новаго и поучительнаго, какъ и тогда, когда онъ приводитъ случайно-невѣрныя чтенія въ изданіяхъ Пономарева, «Вѣстника Европы», «Русской Старины» и т. д.; въ такихъ случаяхъ принято молча исправлять чужую или даже свою собственную ошибку и *только*. Если какое-либо письмо Гоголя, болѣе или менѣе важное для уразумѣнія его характера, а, стало быть, и его литературной дѣятельности, перепечатывалось 5—6 разъ, и съ разнообразными или даже съ одною и тою же ошибкою, ужели г. Шенрокъ сталъ бы отмѣчать всѣ эти 5 или 6 разъ, если бъ даже всѣ онѣ исходили изъ одного Кулиша? Конечно, нѣтъ, дабы не уподобиться Кутейкину изъ комедіи «Недоросль», который считаетъ, что разныя изданія Псалтыри суть «многія книги». А въ такомъ случаѣ для чего же отмѣчать эти случайно-невѣр-

ныя разночтенія, имѣя въ виду читателя, которому нуженъ по возможности вѣрный текстъ писемъ Гоголя?!

Далѣе, очень много строкъ *примѣчаній* въ изд. В. И. Шенрока, особенно въ 2-хъ первыхъ томахъ, когда Гоголь еще вовсе не думалъ собирать свои письма и писалъ ихъ *пріятелямъ*, какъ попало,—уходитъ исключительно на то, что издатель отмѣчаетъ внизу: *не дописано*, а наверху въ скобкахъ печатаетъ по своему предположенію (большею частію, конечно, вполнѣ вѣрному) окончаніе слова; было бы совершенно достаточно упомянуть объ этомъ одинъ разъ въ предисловіи передъ первымъ томомъ, тѣмъ болѣе, что печатать въ скобкахъ буквы, дополняемыя по догадкѣ, принято и вообще, и въ частности Н. С. Тихонравовымъ въ изданіи, которое началъ онъ, а окончилъ В. И. Шенрокъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на многіе промахи въ текстѣ самыхъ писемъ и недостатки въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя[1]), нижеподписавшійся глубоко убѣжденъ, что В. И. Шенрокъ, какъ издатель этихъ писемъ, заслуживаетъ *полной преміи* на слѣдующихъ основаніяхъ:

Во-первыхъ, только многолѣтніе труды г. Шенрока надъ изученіемъ Гоголя сдѣлали его, В. И. Шенрока, способнымъ въ такое сравнительно небольшое количество времени (менѣе двухъ лѣтъ) дать столь полное и столь удовлетворительное въ общемъ изданіе этихъ 4-хъ томовъ, и никто другой, кромѣ г. Шенрока, который всѣхъ оставшихся въ живыхъ родныхъ и пріятелей Гоголя узналъ лучше, чѣмъ своихъ собственныхъ, не могъ бы исполнить и на половину такъ хорошо этой задачи.

Во-вторыхъ, В. И. Шенрокъ при исполненіи этого важнаго

1) Число указаній на недостатки нижеподписавшійся могъ бы легко увеличить не безъ пользы для дѣла, если бъ онъ имѣлъ возможность справляться не только съ своими книгами и иногда съ книгами Румянцевскаго музея, а также съ книгами университетской библіотеки, музея Историческаго, Англійскаго клуба и особенно съ изданіями, принадлежащими Императорской Публичной Библіотекѣ, управленіе которой всегда было чрезвычайно любезно къ людямъ, работающимъ по порученію Академіи Наукъ.

дѣла пустилъ въ ходъ всѣ свои знанія и всѣ свои способности, не говоря уже о своей великой любви къ Гоголю, и исполнилъ свою задачу, какъ только *онъ* (много лѣтъ изучавшій Гоголя и безгранично его возлюбившій) могъ лучше.

Въ-третьихъ,—и это самое важное основаніе: если мы сравнимъ положеніе лицъ, занимающихся гоголевскимъ періодомъ русской литературы до 1902 г., т. е. до появленія новаго изданія писемъ Гоголя, и послѣ него, мы увидимъ между тѣмъ и другимъ огромное различіе, обусловленное исключительно трудомъ г. Шенрока, изданіе котораго я имѣлъ честь разбирать по порученію Академіи. Но объ этомъ уже говорено въ началѣ разбора и въ разныхъ мѣстахъ его.

Мы еще не дожили (и долго не доживемъ) до критическаго и вполнѣ всѣмъ по цѣнѣ и объему доступнаго изданія писемъ Гоголя, который и въ первую половину своей жизни писалъ много и охотно, а во вторую — всю душу свою (искренно или односторонне—другой вопросъ) открывалъ въ многочисленныхъ письмахъ своихъ; но мы не можемъ не признать, что В. И. Шенрокъ настоящимъ изданіемъ положилъ прочное и солидное основаніе этому благому дѣлу; а бо̀льшей заслуги по изученію новой русской литературы, по мнѣнію нижеподписавшагося, и придумать нельзя.

Москва, Февраля 25 дня.

II.

„Письма Н. В. Гоголя. Т. I—IV. С.-Петербургъ, изданіе А. Ф. Маркса“.

Отзывъ объ изданіи В. И. Шенрока, составленный проф. **Н. П. Дашкевичемъ.**

Рядъ великихъ и вмѣстѣ почти во всемъ истинно оригинальныхъ русскихъ писателей XIX-го вѣка открывается Гоголемъ: онъ первый вполнѣ отчетливо и всесторонне началъ изображать неприглядную русскую дѣйствительность и одновременно стремиться къ уясненію высшихъ идеаловъ, рисующихся обыкновенно не вполнѣ ясными чертами душѣ русскаго человѣка, напр. идеала нравственнаго самоусовершенствованія, либо идеала самопожертвованія [1]). Изъ русскихъ писателей Гоголь первый создалъ поэтическія произведенія, встрѣтившія довольно скоро признаніе и за предѣлами ихъ родины, — не только въ славянскихъ, но и въ другихъ странахъ [2]), въ качествѣ цѣнныхъ въ высокой степени и самобытныхъ созданій русскаго творчества.

Все это объясняется въ значительной мѣрѣ мощью личности Гоголя, сравнительно мало подпадавшаго подавляющимъ иноземнымъ вліяніямъ и претворявшаго послѣдніе въ свое истинное достояніе, какъ то и подобаетъ геніальнымъ натурамъ. Личность Гоголя была до такой степени оригинальна, что ее мало пони-

1) Послѣдній воплощенъ Гоголемъ уже въ женѣ Бульбы и въ самомъ Тарасѣ. R. M. Meyer въ обзорѣ нѣмецкой литературы XIX в. выразился, что Гоголь — der erste «moderne» Autor Россіи.

2) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и «Тарасъ Бульба» вызывали почти всеобщее одобреніе.

мали и считали странною даже нѣкоторые изъ его ближайшихъ друзей. «Біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особую, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ», писалъ С. Т. Аксаковъ годъ спустя послѣ смерти поэта. «Натура Гоголя, лирически художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовію къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру,—такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты и искренни его слова и поступки».

Объяснять странности послѣднихъ психическою болѣзнью Гоголя, къ чему склонялись иные уже въ его дни и что продолжаютъ повторять теперь, значило бы отдѣлываться легкимъ, мало обоснованнымъ и мало пригоднымъ предположеніемъ.

Истинно научное отношеніе къ предмету требуетъ, прежде чѣмъ обращаться къ подобнымъ обвиненіямъ, присматриваться повнимательнѣе къ изучаемой личности, исходя изъ того наблюденія, что не всѣ личности подходятъ подъ обычную мѣрку и геніальныя натуры могутъ быть подогнаны подъ нее менѣе всѣхъ другихъ.

При изученіи душевнаго склада Гоголя обильная переписка, оставшаяся послѣ этого писателя, является матеріаломъ первостепенной важности. Это замѣтилъ уже первый біографъ Гоголя, П. А. Кулишъ, который не даромъ включилъ его письма въ послѣдніе два тома своего изданія сочиненій этого поэта.

Въ настоящее время, благодаря В. И. Шенроку, читатели Гоголя имѣютъ передъ собою новое изданіе тѣхъ писемъ, превосходящее своими размѣрами почти на одну треть первое собраніе писемъ Гоголя, напечатанное Кулишемъ.

Принявъ на себя нелегкій трудъ этого новаго изданія, г. Шенрокъ, безъ сомнѣнія, руководился подобно Кулишу справедливою мыслью о важности этого матеріала, на которую и самъ онъ указывалъ ранѣе [1]), отступая отъ взгляда изслѣдователей, умаляющихъ значеніе писемъ Гоголя. Въ числѣ этихъ изслѣдователей оказался такой авторитетный ученый, какъ О. Ѳ. Миллеръ, по мнѣнію котораго Гоголь, «при сильно развитомъ воображеніи, говоря о себѣ, невольно вдавался въ преувеличенія и даже въ выдумки, составлявшія своего рода самообманъ его неномѣрнаго самолюбія [2])». Г. Шенрокъ, напротивъ, считаетъ Гоголя искреннимъ въ перепискѣ, правильно оцѣнивая въ то же время стиль его писемъ, не чуждый резонерства и реторики: «резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юношескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушили его» [3]). Само собою разумѣется, что признаніе реторизма въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя и необходимости провѣрки ихъ другими данными въ отношеніи факти-

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 17—18: «если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы конечно еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».

2) Русская Старина 1875, № 9: *О. Миллеръ*, Николай Васильевичъ Гоголь, I. Гоголь въ своихъ письмахъ (1820—1842), стр. 104.

3) Матеріалы I, 120—121.

ческихъ подробностей и общей оцѣнки людей и явленій [1]), не исключаетъ высокой важности этихъ писемъ, какъ матеріала для изученія ихъ автора.

Повторяемъ, переписка Гоголя является главнымъ пособіемъ и весьма часто единственнымъ ключемъ къ пониманію оригинальной личности этого великаго писателя, особенностей его міровоззрѣнія и творчества, обусловленнаго послѣднимъ. Письма Гоголя—почти единственный источникъ для раскрытія той «душевной драмы», которую переживалъ Гоголь и которая примѣчательна въ высокой степени.

Не удивительно, что печатное собраніе писемъ Гоголя, явившееся весьма скоро послѣ его смерти въ изданіи Кулиша, постоянно пополнялось матеріалами, вновь помѣщавшимися въ журналахъ и историко-литературныхъ ежегодникахъ, при чемъ впервые выникавшія на свѣтъ письма были снабжаемы со стороны издателей болѣе или менѣе обстоятельными примѣчаніями.

Мало по малу составился цѣлый рядъ такихъ прибавленій къ изданію Кулиша, а это послѣднее не могло болѣе удовлетворять изслѣдователей не только вслѣдствіе своей неполноты, но

---

1) Въ послѣднее время эта провѣрка была выполнена въ отношеніи къ цѣлому ряду писемъ Гоголя покойнымъ *А. И. Кирпичниковымъ* въ статьяхъ: «Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя»—Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесности Императ. Ак. Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 2 и 4, т. VII (1902), кн. 1. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Къ вопросу о творчествѣ Гоголя (Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Харьк. 1903 г., стр. 149 — 150), замѣтилъ, что письма Гоголя—«матеріалъ важный, но въ приложеніи къ Гоголю чрезвычайно скользкій», такъ какъ «въ письмахъ Гоголя множество противорѣчій, много такого, что вызываетъ сомнѣніе и требуетъ большой и осторожной провѣрки. Многія письма написаны съ несомнѣннымъ расчетомъ на то, что они будутъ многими прочитаны... Особенно осторожно нужно относиться къ тѣмъ письмамъ Гоголя, весьма многочисленнымъ, гдѣ онъ выставляетъ свои пороки, недостатки — или осуждаетъ себя и кается». Всѣмъ этимъ врядъ ли умаляется значеніе писемъ Гоголя, какъ первостепеннаго источника для исторіи его внутренней жизни даже въ томъ случаѣ, если признать вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ, что эти письма «производятъ тяжелое впечатлѣніе по нравственной туманности, назойливому однообразному дидактизму, мѣстами по очевидному самомнѣнію и лицемѣрію.... Для Гоголя письмо — или проповѣдь, или самобичеваніе».

также и въ силу «тѣхъ пропусковъ и сокращеній, которые такъ часто попадаются въ письмахъ, напечатанныхъ Кулишемъ, едва ли не руководившимся при этихъ пропускахъ, между прочимъ, и своими панегиристическими отношеніями къ Гоголю»[1]), а равно вслѣдствіе частой невѣрности произвольно поставленныхъ датъ.

Въ виду всего этого сводному изданію писемъ Гоголя, выпущенному г. Шенрокомъ и содержащему, по заявленію издателя, «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», должно бы принадлежать почетное мѣсто въ ряду трудовъ послѣдняго времени, посвященныхъ изученію и изданію матеріаловъ для біографіи нашихъ великихъ писателей, и нельзя не поблагодарить г. Шенрока за то, что онъ, завершивъ изданіе сочиненій Гоголя, начатое Н. С. Тихонравовымъ, собралъ воедино и извѣстныя доселѣ письма Гоголя, снабдивъ ихъ введеніями и примѣчаніями.

Но для вполнѣ вѣрной оцѣнки указанной заслуги г. Шенрока должно предварительно рѣшить вопросы: 1) о степени полноты разсматриваемаго изданія; 2) о системѣ, принятой въ немъ; 3) о точности въ воспроизведеніи подлинниковъ и, наконецъ, 4) объ удовлетворительности объясненій, предложенныхъ издателемъ. Лишь послѣ разсмотрѣнія изданія г. Шенрока во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, возможно будетъ составить надлежащее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ его труда.

I.

Полнота собранія матеріала въ изданіи г. Шенрока.

Несомнѣнно, что издатель отнесся весьма любовно къ своей задачѣ, къ выполненію которой былъ подготовленъ какъ нельзя лучше своими предшествовавшими трудами по изученію Гоголя. Мы готовы повѣрить г. Шенроку на слово въ томъ, что «относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано возможное, при

[1]) О. Миллеръ, о. с., 99.

чемъ въ него вошли нѣкоторыя, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма». Но, «несмотря на то», какъ призналъ самъ г. Шенрокъ, и его изданіе «не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ»[1]).

Правда, юбилейная литература, посвященная Гоголю, выдвинула на свѣтъ сравнительно немного писемъ его, не вошедшихъ въ изданіе г. Шенрока[2]), но, тѣмъ не менѣе, врядъ ли вѣрно преждевременное утвержденіе г. Шенрока, что «не появившихся въ печати писемъ должно быть очень немного». Хотя собраніе писемъ Гоголя въ изданіи Шенрока по объему на одну треть больше изданнаго Кулишемъ, но, принимая во вниманіе многочисленность лицъ, съ которыми переписывался Гоголь, и разбросанность его корреспонденціи, можно ожидать, что въ будущемъ выникнетъ на свѣтъ еще немалое количество писемъ Гоголя, которыми обогатятся послѣдующія изданія ихъ. Такъ, напр., въ изданіи г. Шенрока мы не находимъ писемъ Гоголя къ извѣстному архим. Ѳеодору (Бухареву), а между тѣмъ книга послѣдняго о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» не могла не вызвать переписки Гоголя съ авторомъ, и послѣдняя, по слухамъ, не исчезнула безслѣдно и т. д.

На ряду съ неполнотою собранія писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока, объясняющеюся быть можетъ отчасти тѣмъ, что собиратель исчерпалъ не всѣ средства къ сосредоточенію въ своемъ изданіи возможно большаго количества не опубликованныхъ доселѣ

1) Письма Н. В. Гоголя (впредь мы будемъ обозначать это изданіе лишь буквою П), I, предисловіе, I.

2) Отмѣтимъ прежде всего интересное юношеское письмо Гоголя къ матери, посланное изъ Нѣжина зимою 1827—1828 г. и напечатанное г. Чаговцемъ въ сборникѣ «Памяти Гоголя», изданномъ Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца (=Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. XVI, вып. 1—3, К. 1902, отд. III, стр. 57—58). См. далѣе «одно изъ *послѣднихъ* писемъ Гоголя» (по опредѣленію проф. М. Н. Сперанскаго), напечатанное въ «Гоголевскомъ Сборникѣ, изданномъ состоящей при Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко Гоголевской Комиссіей подъ ред. проф. М. Сперанскаго» К. 1902, стр. 9—10. Въ № 1 «Литературнаго Вѣстника» 1902 г. напечатано письмо Гоголя «съ автографа изъ собранія П. Я. Дашкова» и т. д.

писемъ, надлежитъ отмѣтить нѣкоторое также излишество: стараясь внести въ свое изданіе «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», г. Шенрокъ включилъ туда матеріалы, которые не могутъ быть причислены собственно къ письмамъ. Такова, напр., замѣтка, вписанная въ альбомъ старшаго лицейскаго товарища Гоголя, Любича-Романовича (1826 г.)[1]), «дружеское шутливое пари» (1835 или 1836)[2]), строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины, и т. п. Появленіе этихъ замѣтокъ и записокъ въ ряду «писемъ Н. В. Гоголя» тѣмъ удивительнѣе, что онѣ были незадолго передъ тѣмъ напечатаны тѣмъ же издателемъ въ общедоступныхъ изданіяхъ, что̀ отмѣтилъ онъ самъ въ примѣчаніяхъ къ указаннымъ перепечаткамъ.

II.

Распредѣленіе писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока.

По словамъ издателя, «порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго-хронологическій, какъ единственный, удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій»: при такомъ только распредѣленіи «представляется возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ духовной жизни писателя, что̀ особенно важно при изученіи Гоголя»[3]).

Совершенно вѣрно, что, при изученіи роста личности и творчества Гоголя, какъ и другихъ великихъ писателей, однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ такимъ изслѣдованіемъ, является выслѣживаніе постепеннаго духовнаго развитія писателя, и распредѣленіе въ соотвѣтственномъ порядкѣ столь важнаго въ этомъ отношеніи матеріала, какимъ оказываются письма, должно быть признано наиболѣе цѣлесообразнымъ.

---

1) П., I, 43.
2) П., I, 337.
3) П., I, предисловіе, IV.

Но при этомъ возникаетъ прежде всего вопросъ о правильности того или иного указанія періодовъ, на которые распадается душевная жизнь извѣстнаго писателя, и о хронологическихъ граняхъ этихъ періодовъ.

Г. Шенрокъ принимаетъ какъ бы цѣлый рядъ такихъ періодовъ жизни Гоголя, потому что дѣлитъ собранный матеріалъ на слѣдующіе отдѣлы: «I. Полтавскія и Нѣжинскія письма; II. Петербургскія письма: 1829—1830 годовъ; 1831 г.; 1832 г.; 1833 и и 1834 гг.; 1835 г.; 1836 г.; III. Заграничныя письма: 1836—1839 г.; IV. Письма изъ Россіи: 1839—1840; V. Письма изъ-за границы (1840—1841); VI. Письма изъ Россіи (1841—1842); VII. Заграничныя письма (1842—1848) и VIII. Письма послѣднихъ лѣтъ изъ Россіи (1848—1852)».

При разсмотрѣніи этого подраздѣленія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что принципъ, по которому оно произведено, не проведенъ систематически: письма Гоголя распредѣлены то по мѣстамъ написанія, то какъ будто по періодамъ жизни Гоголя, смѣны которыхъ не всегда же совпадали съ перемѣнами мѣстъ его жительства, да и общія наименованія писемъ по тѣмъ или инымъ мѣстностямъ, откуда они были высланы, не всегда выдержаны: такъ, названіе «Нѣжинскихъ» не подходитъ къ письмамъ второй половины 1828 г. [1]), названіе «Петербургскихъ» не можетъ быть дано письмамъ, написаннымъ къ матери изъ-за границы въ 1829 г. [2]) и т. д. Далѣе, дѣленіе, принятое г. Шенрокомъ, кажется намъ по мѣстамъ слишкомъ дробнымъ и не вполнѣ соотвѣтствующимъ процессамъ духовной жизни Гоголя, примѣнительно къ которымъ и должно было быть установлено распредѣленіе его писемъ.

Безспорно, могутъ быть выдѣляемы періоды жизни Гоголя: Полтавскій и Нѣжинскій какъ время его дѣтства и юности, Петербургскій 1829—1836 гг., какъ время, въ которое начало окончательно слагаться міровоззрѣніе Гоголя, какъ писателя, но

1) П., I, 104—109.
2) П., I.

подраздѣлять Петербургскій періодъ на шесть стадій, а послѣдующіе годы — время зрѣлости мысли и таланта Гоголя — на нѣсколько періодовъ нѣтъ, кажется, достаточныхъ основаній.

Послѣдовательные фазисы духовной жизни Гоголя въ Петербургскій періодъ не совпадали съ календарнымъ дѣленіемъ лѣтъ. Со времени же сценической постановки «Ревизора» и потрясеній, испытанныхъ поэтомъ вслѣдствіе постигшей его тогда неудачи, мысль Гоголя получила окончательную выработку и приняла то направленіе, въ которомъ и стала работать далѣе, постепенно углубляясь и расширяясь. Подраздѣлять жизнь и творчество Гоголя съ 1836 г. до кончины его, предполагая въ немъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, рѣзкій переломъ въ началѣ 40-хъ годовъ [1]) врядъ ли правильно, если придерживаться данныхъ, содержащихся въ перепискѣ Гоголя.

Перелома въ мысли его, который оправдывалъ бы такое разсѣченіе духовной дѣятельности Гоголя, не было. Это давно уже замѣтили нѣкоторые изслѣдователи, между проч. А. Н. Пыпинъ. Отправляясь отъ такого взгляда, давно уже говорили: «Критики и біографы Гоголя еще ничего не сдѣлали, доказавъ, что въ его жизни не было «перелома», что мотивы заблужденій, погубившихъ его талантъ, встрѣчаются въ самую блестящую эпоху творчества и замѣтны даже въ дѣтскихъ письмахъ къ матери. Это доказываетъ только, что всякимъ чувствомъ и убѣжденіемъ можно «пересолить», всякимъ предметомъ можно отравиться. Надобно выяснить роль общества въ заблужденіяхъ Гоголя; надо показать, какъ оно всѣмъ своимъ строемъ наталкивало Гоголя на пагубную дорогу и, давъ ему элементы для поэтическаго творчества, подъ конецъ заключивъ Гоголя въ пустоту общественнаго содержанія, отняло у него «божественное пламя таланта» [2]). Съ точки зрѣнія послѣдователей такого мнѣнія про-

1) Усматривая крутой переломъ въ Гоголѣ, жизнь послѣдняго дѣлятъ на два періода, принимая гранью 1842 годъ.

2) *Ѳ. Уманецъ*, Неизданныя письма Н. В. Гоголя—Древняя и новая Россія 1879, № 1, стр. 59.

цессъ духовной жизни Гоголя представляется постепеннымъ возрастаніемъ «пересола» и «самоотравленіемъ», но во всякомъ случаѣ цѣлостнымъ. Въ этомъ процессѣ, конечно, не сразу достигли завершенія излюбленныя идеи и чувства Гоголя, въ развитіи ихъ была извѣстная послѣдовательность, но установить предѣльныя грани смѣнъ, принимаемыхъ, повидимому, г. Шенрокомъ, трудно. Лишь моментъ рокового столкновенія Гоголя съ Бѣлинскимъ выдѣляется какъ нѣсколько поворотный пунктъ въ развитіи міросозерцанія, выступившаго со всею отчетливостію въ «Перепискѣ съ друзьями».

Такимъ образомъ, распредѣляя письма Гоголя по главнымъ эпохамъ жизни послѣдняго, удобнѣе было бы принять годы 1829-й, 1836-й и 1848-й, или, лучше сказать, переѣздъ Гоголя изъ Малороссіи въ Петербургъ, второй отъѣздъ за границу и нѣкоторую временную растерянность послѣ столкновенія съ Бѣлинскимъ, какъ замѣтные пункты поворотовъ въ душевной жизни Гоголя, а слѣдовательно и въ его письмахъ.

На ряду съ распредѣленіемъ писемъ Гоголя по періодамъ жизни послѣдняго особую трудность представляетъ расчисленіе по годамъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ опредѣленной даты, а такихъ немало, благодаря извѣстной небрежности Гоголя въ перепискѣ.

«Извѣстно, говоритъ г. Шенрокъ, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты, что, конечно, не могло не представлять огромнаго камня преткновенія для перваго издателя писемъ, безъ сомнѣнія затратившаго бездну упорнаго труда и остроумія не только на весьма нелегкое и неблагодарное дѣло отыскиванія и собиранія писемъ (это надо испытать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить), но особенно на достиженіе стройнаго порядка среди невообразимаго хаоса, который представляла груда еще не разсортированныхъ писемъ. Если въ настоящее время, по прошествіи почти уже полустолѣтія, когда въ печати явилось огромное множество писемъ, не

бывшихъ въ рукахъ Кулиша, и собрано не мало новыхъ матеріаловъ, все-таки не малую трудность представляетъ безусловно точное выясненіе датъ, — то можно представить себѣ, какой грандіозный трудъ выпалъ на долю Кулиша. Достаточно сказать, что именно эта сторона работы потребовала и отъ насъ теперь особенно много упорныхъ усилій, при чемъ мы все-таки вынуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, ограничиваться лишь приблизительнымъ разъясненіемъ времени, къ которому они должны быть отнесены». «Очень много трудностей въ отношеніи датъ представляетъ переписка Гоголя съ 1848 г., когда число писемъ значительно сокращается и самыя письма часто не заключаютъ въ себѣ указаній на какіе-либо опредѣленные факты, и притомъ уменьшается съ другой стороны количество писемъ корреспондентовъ Гоголя, а письма къ нему Смирновой становятся до того однообразными, что почти совсѣмъ не помогаютъ установленію точныхъ датъ [1])».

Послѣ Кулиша подвинулъ впередъ установленіе точной даты нѣкоторыхъ писемъ, не имѣющихъ таковой, А. И. Кирпичниковъ [2]), и г. Шенрокъ призналъ «очень вѣроятнымъ» предположеніе послѣдняго касательно письма, ошибочно помѣченнаго издателями 9-мъ іюня 1831 г., между тѣмъ какъ оно относится къ 1832 г. [3]).

Г. Шенрокъ, работавшій послѣ указанныхъ предшественниковъ надъ размѣщеніемъ писемъ Гоголя по годамъ, пытался сдѣлать нужныя исправленія и достигнуть большей точности въ опредѣленіи датъ, но, къ сожалѣнію, какъ самъ сознается, онъ «большею частью» повторялъ даты, поставленныя Кулишемъ [4]), и, подобно послѣднимъ, иныя изъ пріуроченій, находя-

1) П., I, Предисл., IV, VIII.

2) См. указанныя выше статьи Кирпичникова, напр. Извѣстія отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. V, кн. 2, стр. 593—596.

3) П., IV, 475. Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщено въ П., I, 180.

4) Извѣстія Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., VII (1902), кн. 2, стр. 70.

щихся въ изданіи г. Шенрока, остаются не убѣдительными и нуждаются въ поправкахъ со стороны критики постороннеи.

Нѣкоторыя изъ такихъ поправокъ, относящихся къ изданію Кулиша и вмѣстѣ къ разсматриваемому здѣсь, потому что, какъ сказано только что, г. Шенрокъ принималъ неоднократно даты, находящіяся у Кулиша, предложены уже въ статьѣ г. Заболотскаго: «Опытъ обзора матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя въ юношескую пору» [1]). Г. Шенрокъ въ замѣчаніяхъ, которыя присоединилъ къ этой статьѣ [2]), «высказываетъ нѣсколько соображеній по поводу цѣнныхъ замѣтокъ г. Заболотскаго». Онъ признаетъ, что «въ отдѣлѣ дѣтскихъ писемъ Гоголя по крайнему недостатку данныхъ нерѣдко встрѣчается цѣлый лабиринтъ затрудненій и притомъ въ отношеніи данныхъ слишкомъ микроскопическаго свойства. Встрѣчаясь съ этими затрудненіями, мы не высказывали своихъ соображеній pro и contra въ нашихъ примѣчаніяхъ — въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было положительныхъ основаній для измѣненія даты. Теперь, въ виду замѣтокъ г. Заболотскаго, считаемъ напротивъ необходимымъ войти отчасти въ мелочныя подробности и высказать всѣ относящіяся къ затронутымъ вопросамъ соображенія».

Нѣкоторыя изъ замѣтокъ г. Заболотскаго г. Шенрокъ оспариваетъ. «Наиболѣе спорнымъ и запутаннымъ» г. Шенрокъ считаетъ вопросъ касательно письма къ Павлу Петровичу Косяровскому отъ 2 сентября безъ годовой даты [3]). Г. Заболотскій относитъ это письмо къ 1828 г., а не къ 1827 (какъ значится въ изданіяхъ Кулиша и г. Шенрока). Послѣдній въ концѣ своего разбора доказательства, приведеннаго г. Заболотскимъ, замѣчаетъ: «впрочемъ вопросъ крайне запутанный, и для исправленія Кулишевской даты въ данномъ случаѣ по меньшей мѣрѣ отнюдь не находимъ твердыхъ основаній». Намъ кажется однако, что таковыя имѣются. По словамъ г. Шенрока, «мы не имѣемъ

1) Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., VII (1902), кн. 2, стр. 40—44.
2) Тамъ же, 70—78.
3) П., I, 81—82.

никакихъ данныхъ въ пользу предположенія, что Павелъ Петровичъ Косяровскій былъ въ Васильевкѣ *и лѣтомъ 1828 г.*», но въ письмѣ Гоголя отъ 16 мая 1828 г. къ матери читаемъ: «Отъ всей души радъ, что Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ теперь у насъ. Какъ бы мнѣ желательно ихъ увидѣть еще у насъ дома»[1])! Правда, черезъ нѣсколько строчекъ какъ будто говорится о предстоявшемъ скоромъ отъѣздѣ Косяровскихъ изъ Васильевки: «вы меня такъ напугали скорымъ ихъ выѣздомъ, что я не знаю, застало ли бы письмо мое ихъ. Ахъ, еслибы они подождали мѣсяца два! Зачѣмъ уѣзжать въ такое прекрасное время?» Гоголь не терялъ надежды на возможность провести лѣто 1828 г. въ Васильевкѣ вмѣстѣ съ обоими дядями: «Мнѣ все кажется, что мы проведемъ вмѣстѣ это время всѣ и многолюднѣе, и шумнѣе, и веселѣе, чѣмъ когда-либо. Дай Богъ, чтобы это сбылось!» Можно думать, что надежда юноши исполнилась: въ указываемомъ г. Заболотскимъ письмѣ отъ 8 сентября 1828 г., дата котораго, по словамъ г. Шенрока[2]), «не подлежитъ сомнѣнію», «явно говорится объ *очень недавнемъ отъѣздѣ*» Петра Петровича Косяровскаго изъ Васильевки, какъ замѣтилъ самъ г. Шенрокъ[3]).

Второе возраженіе г. Шенрока касается «письма къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 9 сентября безъ годовой даты». Г. Заболотскій полагаетъ, что оно относится не къ 1828 г., къ которому его отнесъ сынъ Косяровскаго при печатаніи этихъ писемъ въ «Русской Старинѣ» въ 1875 г. и вслѣдъ за нимъ г. Шенрокъ, «а къ тридцатымъ годамъ». И это возраженіе г. Шенрока не вполнѣ рѣшительно и заканчивается признаніемъ «положительныхъ достоинствъ» «за вѣскими соображеніями» г. Заболотскаго «и попыткой разобраться въ столь запутанныхъ вопросахъ»[4]). И дѣйствительно, вѣскость и положительность присущи аргументаціи г. Заболотскаго и въ разборѣ вопроса о

1) П., I, 102.
2) Изв., VII, 2, 74.
3) Тамъ же, 75.
4) Тамъ же, 76.

письмѣ отъ 9 сентября; указанія же г. Шенрока, «отнюдь не думающаго, по его словамъ, дѣлать упрековъ г. Заболотскому», не могутъ склонить въ пользу даты 1828 г., принятой издателями. Письмо отъ 9 сентября врядъ ли можетъ быть признано «припиской о забытомъ обстоятельствѣ», врядъ ли «было отправлено вмѣстѣ съ письмомъ отъ 8 сентября». Далѣе, судя по письму съ *несомнѣнной* датой 8 сентября 1828 г., отъѣздъ Петра П. Косяровскаго изъ Васильевки въ 1828 г., какъ замѣтилъ и г. Шенрокъ, произошелъ не за «два дни» до 9-го сентября, о которыхъ говорится въ письмѣ отъ этого послѣдняго числа, а значительно раньше: Гоголь извиняется передъ дядей, очевидно, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго и, между прочимъ, пишетъ: «разъ засталъ я нашу рѣдкую маменьку въ слезахъ надъ письмомъ вашимъ, въ которомъ, по словамъ ея, заключался упрекъ на молчаніе, между тѣмъ какъ она *давно уже* отправила письмо къ вамъ»; письмо же отъ 9 сентября производитъ впечатлѣніе написаннаго *вскорѣ*, можетъ быть даже именно черезъ нѣсколько дней послѣ разлуки. Болѣзнь сестеръ, не упомянутая въ этомъ письмѣ и о которой Гоголь сообщалъ Плетневу въ письмѣ отъ 11 сентября 1832 г., могла выясниться послѣ отправки письма 9 сентября и т. д.

Пытаясь отстоять унаслѣдованную отъ прежнихъ издателей датировку писемъ къ Косяровскому отъ 2 и 9 сентября и въ то же время признавая «вѣскость соображеній» критика, отвергающаго эту датировку, г. Шенрокъ затѣмъ, по его собственнымъ словамъ, «долженъ согласиться съ нимъ не только относительно двухъ оспариваемыхъ имъ (т. е. г. Заболотскимъ) датъ у Кулиша (и у послѣдовавшаго за Кулишемъ г. Шенрока), но и относительно одного письма безъ даты». При этомъ г. Шенрокъ оправдывается тѣмъ, что у Кулиша «*всюду* сомнительныя данныя, выставленныя лишь по предположенію, заключены въ скобки и *только* въ письмахъ къ матери онъ поступалъ иначе», и г. Шенрокъ «не рѣшался измѣнять тѣ даты, которыя безъ скобокъ. Теперь, когда, по полученіи отъ племянника Гоголя,

В. Я. Головни (къ сожалѣнію сильно запоздаломъ) многихъ подлинныхъ писемъ къ матери, установлено, что этимъ датамъ не всегда можно вѣрить», онъ «долженъ согласиться» и т. д. [1]). Изъ этого оправданія, которое ранѣе было предпослано г. Шенрокомъ и въ самомъ изданіи писемъ Гоголя [2]), видно, что, во всякомъ случаѣ, г. Шенрокъ приступилъ къ своему изданію спѣшно, безъ надлежащаго изученія и не дождавшись подлинниковъ писемъ, которые могъ бы добыть, и полагался на предыдущихъ издателей, откуда произошли не только вовсе не «незначительныя неточности» въ датировкѣ, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи.

Къ только что указаннымъ промахамъ въ распредѣленіи писемъ можно бы прибавить другія плохо и неубѣдительно обоснованныя датировки.

III.

Степень точности воспроизведенія подлинныхъ текстовъ писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока.

При изданіи текстовъ особую важность представляетъ точное воспроизведеніе ихъ. Въ этомъ отношеніи изданіе г. Шенрока оставляетъ желать многаго.

Г. Шенрокъ «въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста» «поставилъ своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ». Ему удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и въ «огромномъ большинствѣ случаевъ». Такъ, въ его «распоряженіи были письма Гоголя къ матери (въ количествѣ 91 письма, полученныхъ отъ племянника

1) Изв., VII, 2, 76.

2) П., I, Предисл., V. Въ примѣчаніи на той же страницѣ издатель указываетъ на «также сравнительно позднее полученіе писемъ къ Н. Н. Шереметевой и къ М. П. Погодину», вслѣдствіе чего «нѣкоторые варіанты и письма пришлось отнести въ приложеніе».

Гоголя В. Я. Головни, и около десяти писемъ, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ)», къ А. А. Иванову, къ Н. Я. Прокоповичу, къ М. А. Максимовичу, къ А. О. Смирновой, къ П. А. Плетневу, къ А. С. Данилевскому и проч.[1]), но немало г. Шенрокъ напечаталъ или, лучше сказать, перепечаталъ и такихъ писемъ, оригиналовъ которыхъ не видалъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалось невозможнымъ добыть эти оригиналы. Издатель сообщаетъ иногда о томъ, иногда же умалчиваетъ о причинахъ, по которымъ не ознакомился съ подлинниками тѣхъ или иныхъ писемъ. Потому читатель остается въ невѣдѣніи, прилагалъ ли г. Шенрокъ стараніе получить для провѣрки текста и всѣ тѣ письма, которыя перепечаталъ изъ прежнихъ изданій безъ сличенія съ оригиналами[2]). Очень жаль, что г. Шенрокъ не предпослалъ своему изданію систематическаго перечня всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ и учрежденій, во владѣніи которыхъ находятся теперь письма Гоголя, и не помѣстилъ при каждомъ изъ писемъ точныхъ свѣдѣній о текстѣ (рукописномъ или печатномъ), послужившемъ оригиналомъ для перепечатки въ изданіи г. Шенрока.

Во всякомъ случаѣ далеко не всѣ письма Гоголя явились у г. Шенрока въ воспроизведеніи, за точность котораго онъ могъ бы ручаться.

Но даже и тѣ, подлинники которыхъ г. Шенроку удалось видѣть, воспроизведены у него съ нарушеніемъ правилъ научной точности. Изданіе писемъ Гоголя, предпринятое г. Шенрокомъ, врядъ ли предназначалось для очень большой публики, и, слѣдовательно, не представлялось никакой надобности въ подгонкѣ писемъ Гоголя къ обычному правописанію и словоупотребленію. Г. же Шенрокъ почему-то иного мнѣнія, заявляя, напр., въ предисловіи: «мы рѣшительно отвергаемъ ни къ чему не ведущее соблюденіе яко бы Гоголевскаго правописанія, котораго въ сущности и не

1) См. П., I, Предисл., I—II.

2) См., напр. П., II, 317, прим. 2. Страницы II и III предисловія не разъясняютъ вопроса.

было (съ основательностью этого принципа единогласно согласились всѣ рецензенты редактированныхъ нами VI и VII томовъ X изданія сочиненій Гоголя) и только мѣстахъ въ двухъ—трехъ отмѣтили выдающіяся странности»[1]). Намъ не ясны принципы, которыми руководился въ этомъ случаѣ издатель. Произведенія писателя, печатаемыя для болѣе или менѣе значительнаго круга читателей — одно, а его переписка, представляющая главнымъ образомъ историческій матеріалъ, цѣнный прежде всего для его біографовъ и вообще для изслѣдователей, — дѣло совсѣмъ другое, въ особенности если въ ней немало «странностей», какъ назвалъ г. Шенрокъ Гоголевскія отклоненія отъ обычнаго правописанія. Если для изученія психическихъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ авторѣ писемъ, признано умѣстнымъ и нужнымъ тщательное воспроизведеніе самыхъ мелочныхъ варіантовъ, при чемъ издатель, по его собственнымъ словамъ, «не останавливался даже передъ педантическою точностью»[2]), напр. передъ оговорками касательно недописанныхъ словъ, описокъ и т. п., то непонятно, какое нашлось основаніе для принципіальнаго отрицанія значенія точной передачи оригиналовъ со всѣми особенностями орѳографіи, иногда повторяющимися, можно сказать — до конца жизни автора. Несомнѣнно, что Гоголь нерѣдко нарушалъ правила орѳографіи и впадалъ въ «безграмотность», если считать таковою отсутствіе принятыхъ знаковъ препинанія въ его письмахъ, но иногда у него замѣчается систематическое употребленіе того или иного написанія.

Какъ бы то ни было, неточности въ изданіи г. Шенрока не ограничиваются внесеніемъ поправокъ въ Гоголевское правописаніе. Онѣ простираются на передачу словъ[3]) и цѣлыхъ фразъ[4]).

1) П., I, Предисл., VIII—IX.

2) П., I, Предисл., VIII.

3) Напр., г. Шенрокъ вмѣсто «самодоволія» поставилъ въ текстѣ «самодовольствія».

4) «Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣт.», кн. XVI, вып. 1—3, отд. III, стр 55—56. Г. Якушкинъ въ рецензіи на изданіе г. Шенрока, Р. Вѣдомости 1901 г., № 348, также замѣтилъ: «Очень тщательно (sic) воспроизводя текстъ Гоголя,

На это справедливо жаловался г. Чаговецъ. Сличивъ письма Гоголя въ изданіи г. Шенрока съ оригиналами, пожертвованными сестрою поэта О. В. Головней Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, мы присоединяемся къ замѣчаніямъ г. Чаговца и отмѣтимъ съ своей стороны рядъ неточностей въ воспроизведеніи этихъ писемъ.

Записка Гоголя къ матери отъ 28 апрѣля 1831 г.[1]) не заключаетъ помѣтки года, которая стоитъ у г. Шенрока, равно у послѣдняго «прибитіи» исправлено въ «прибытіи». Подпись не содержитъ полнаго имени, такъ что и въ приложеніяхъ въ концѣ изданія, гдѣ приводятся варіанты и дополненія[2]), находимъ неточности.

Письмо къ матери отъ 3 декабря 1832 г.[3]) напечатано съ постоянными *не оговоренными* поправками въ правописаніи; именно читаемъ:

у г. Шенрока:	а въ оригиналѣ:
опекунскомъ	Опекунскомъ
нечего	нѣчего
безпокоиться	беспокоится
вамъ	Вамъ
губернское	Губернское
, что	что
требуетъ	требуитъ
соберетесь	не соберетесь
губернаторъ	Губернаторъ
, что вы	что вы
неурожая	неурожаю
, и васъ	и васъ

изданіе иногда исправляетъ этотъ текстъ тамъ, гдѣ очень можно было бы обойтись безъ такого исправленія (напр., см. I томъ, стр. 124, II т.—259), хотя и оговореннаго».

1) П., I, 178.
2) П., IV, 458.
3) П., I, 229—230.

, положенное вами	вами положенное [1])
Впрочемъ	впрочемъ
, и потому, вы, вѣрно	. И потому вы вѣрно
, и тѣмъ	и тѣмъ
, —ѣздить	ѣздить
губернатору	Губернатору.
поле	Поле
клѣткахъ	клеткахъ
быть	(нѣтъ) и т. п.

Изъ этого примѣра видно, что г. Шенрокъ позволилъ себѣ постоянно исправлять правописаніе Гоголя, слѣдовавшее иногда систематически извѣстнымъ правиламъ: такъ наименованія должностныхъ лицъ и учрежденій Гоголь начиналъ прописными буквами. Нѣкоторыя изъ ошибокъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать небрежности письма, сказывающейся и въ передѣлкахъ, поправкахъ и помаркахъ, не всегда разборчиво написанныхъ, откуда иногда различныя чтенія. Г. Шенрокъ не стѣсняется исправлять всѣ погрѣшности, допущенныя, по его мнѣнію, Гоголемъ: подгоняетъ правописаніе послѣдняго къ нынѣшнему, измѣняетъ порядокъ словъ и опускаетъ либо прибавляетъ тѣ или иныя слова. Приводить полностью въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ такого рода отступленія г. Шенрока отъ оригиналовъ писемъ, бывшихъ у насъ подъ руками благодаря любезности О. В. и В. Я. Головни, которымъ считаемъ долгомъ выразить здѣсь признательность, находимъ излишнимъ. Въ дальнѣйшемъ перечнѣ допущенныхъ г. Шенрокомъ отклоненій мы ограничимся указаніемъ лишь наиболѣе существенныхъ отмѣнъ, оставляя въ сторонѣ почти всѣ поправки въ орѳографіи, выраженіяхъ и т. п.

Въ сейчасъ указанномъ письмѣ варіантъ, находящійся у Кулиша: «на палкѣ» правильнѣе стоящаго у г. Шенрока: «на полкѣ»; равнымъ образомъ варіантъ изданія въ «Вѣстникѣ Европы»: «начато» правильнѣе, чѣмъ Шенроковскій: «напечатано».

1) Такъ стоитъ въ текстѣ, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1896, VI, 733, и это чтеніе правильно.

Въ адресѣ передъ словами «Адмиралтейской части» опущено у г. Шенрока: «II-й»[1]). Не отмѣчены, наконецъ, зачеркнутыя слова и не указано, что на письмѣ имѣется такая надпись: «Безцѣнной Маминькѣ Маріи Ивановнѣ Гоголь-Яновской».

Въ мартовскомъ письмѣ 1833 г. къ матери[2]) годовая дата не выставлена, число марта написано не совсѣмъ разборчиво вслѣдствіе неясной поправки: кажется, 23 исправлено въ 26, какъ стоитъ въ «Вѣстникѣ Европы», у г. же Шенрока: 23.

Въ письмѣ отъ 22 ноября 1833 г. [3]) годъ не выставленъ въ оригиналѣ; г. Шенрокомъ выбраны неподходящія чтенія: правильнѣе читать согласно съ Кулишомъ «пановъ», а не «поповъ»; вмѣсто: «Но слѣдующій» у г. Шенрока напечатано: «на слѣдующій», вмѣсто «Маминька» — «маменька»[4]). Въ концѣ не прочитано слово.

Въ оригиналѣ апрѣльскаго письма къ матери 1834 г. [5]) нѣтъ годовой даты; стоитъ, какъ у Кулиша, «съ наступающими праздниками», а не «съ наступающимъ праздникомъ», какъ напечаталъ г. Шенрокъ, — «хотя» какъ у Кулиша, а не «хоть», какъ у г. Шенрока, дважды написано «Маминька», а не «маменька»;—«они вѣрно написали вамъ», а у г. Шенрока: «онѣ бы, вѣрно, и написали вамъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ матери [6]) у г. Шенрока вмѣсто слова «занимательная» напечатано «замѣчательная», не отмѣчено слово («нужно»?), не прочитанное вслѣдъ за выраженіемъ: «особеннымъ родомъ».

Въ письмѣ отъ 15 декабря 1834 г. [7]) вмѣсто «сестру» напечатано «сестрицу».

---

1) Въ письмѣ къ Максимовичу (П., I, 231) также: «второй Адмиралтейской части».

2) П., I, 246—247.

3) П., I, 264—266.

4) «Маменька» встрѣчаемъ впервые въ письмѣ изъ Лозанны отъ 21 сентября 1836 г., но въ двухъ другихъ мѣстахъ того же письма все еще написано: «маминька».

5) П., I, 292—293. 6) П., I, 294. 7) П., I, 328.

Въ письмѣ отъ 22 сентября 1835 г. [1]) слово «прежнія» написано цѣликомъ, какъ напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», а не недокончено, какъ утверждаетъ г. Шенрокъ вслѣдъ за Кулишомъ; въ оригиналѣ стоитъ «не теперь», а у г. Шенрока «теперь»; наконецъ, въ оригиналѣ «Еким».

Въ примѣчаніи 7-мъ къ письму отъ 1 октября 1835 г. можно бы ограничиться послѣднею фразою, потому что именно слово «Чарнышу» неразборчиво. «Николай» написано такъ, что подходитъ къ малороссійской формѣ «Микола».

Въ письмѣ отъ 19 ноября 1835 г. находимъ «желая», а не «желаю».

Въ письмѣ отъ 10 февраля 1836 г. чтеніе Кулиша «другому» вѣрнѣе, чѣмъ «другой», какъ напечатано у г. Шенрока; слово «почтительный» такъ неразборчиво, что трудно настаивать на такомъ чтеніи, и, кажется, вѣрнѣе читать «послушный», какъ стоитъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Въ оригиналѣ письма отъ 22 февраля 1836 г. [2]) не «заплатать», какъ стоитъ у г. Шенрока, а малороссійское слово «залатать» [3]); «слѣдовалъ», а не «слѣдую».

Въ письмѣ отъ 21 сентября 1836 г. [4]) правиленъ варіантъ «Вѣстника Европы» («писали»), а не чтеніе («написали»), принятое г. Шенрокомъ вслѣдъ за Кулишомъ; далѣе въ оригиналѣ стоитъ «сообщил», а не «сообщаете», какъ напечатано у г. Шенрока; «крушиться», какъ прочелъ Кулишъ, а не «кручиниться», какъ написалъ г. Шенрокъ.

И т. д., и т. д.

Думаемъ, что всѣ эти данныя склоняютъ къ предположенію о спѣшности работы г. Шенрока. Во всякомъ случаѣ указанныя небрежности въ его изданіи не позволяютъ признать послѣднее вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ строгой научности.

---

1) П., I, 351. 2) П., I, 366.

3) Если исправлено это слово, то почему не исправлена форма «церкву» (П., I, 389)?

4) П., I, 397.

IV.

Объясненія къ письмамъ Гоголя, составленныя г. Шенрокомъ.

Не ограничиваясь перепечаткою опубликованныхъ доселѣ писемъ Гоголя и изданіемъ нѣкоторыхъ, собранныхъ вновь, г. Шенрокъ предпослалъ каждому изъ отдѣловъ, на которые распредѣлилъ эти письма, краткіе общіе очерки внѣшней и внутренней жизни Гоголя въ годы, къ которымъ относятся письма, собранныя въ извѣстномъ отдѣлѣ, и сверхъ того присоединилъ объяснительныя примѣчанія къ каждому изъ писемъ въ отдѣльности. Въ этихъ поясненіяхъ находимъ указанія варіантовъ. «Послѣдніе, по словамъ г. Шенрока, могутъ быть очень полезны какъ въ *отрицательномъ смыслѣ*, устраняя возможность многихъ произвольныхъ догадокъ и предположеній, на которыя особенно падки люди, подходящіе къ изученію писателя съ предвзятыми намѣреніями и взглядами, такъ особенно въ *положительномъ*, начиная отъ мелочей — въ родѣ ассигновки на раздачу бѣднымъ, сначала на большую сумму, затѣмъ на уменьшенную, — до тонкихъ психологическихъ соображеній по разнымъ поводамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, безспорно, ближе вводятъ въ душевное состояніе автора и въ самый процессъ его мысли»[1]). «Затѣмъ, ради существенной важности вопроса о томъ, насколько и когда можно считать Гоголя искреннимъ, чтобы поставить въ данномъ случаѣ сужденія на болѣе твердую и правильную почву», г. Шенрокъ «усиленно приводитъ въ примѣчаніяхъ относящіяся сюда сопоставленія, а болѣе важныя изъ нихъ позволялъ себѣ напоминать, чтобы они не промелькнули безслѣдно»[2]). Такимъ образомъ, г. Шенрокъ неоднократно указывалъ на совпаденія въ письмахъ Гоголя съ тѣми или иными подробностями его произведеній. Эти сближенія не лишены цѣны, но были бы еще полезнѣе читателю, если бы издатель высказы-

1) П., I, Предисл., IX. 2) Тамъ же, X.

валъ и свои соображенія по поводу отмѣчаемыхъ имъ совпаденій. Это можно сказать, напр., о сопоставленіяхъ раннихъ Петербургскихъ писемъ Гоголя съ его «Авторскою исповѣдью»[1]), благодаря чему выясняются весьма интересные факты очень ранняго появленія въ Гоголѣ мыслей, выступившихъ гораздо рельефнѣе въ годы, къ которымъ относятъ развитіе душевной болѣзненности въ Гоголѣ. Г. Шенрокъ однако, «въ виду фактическаго характера» своихъ «замѣчаній», полагалъ, что ему «не можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ навязываніи своихъ взглядовъ и мнѣній».

Внимательному читателю изданія Шенрока остается провѣрить, дѣйствительно ли авторъ введеній и примѣчаній къ письмамъ Гоголя можетъ быть свободенъ отъ этого упрека, и каковы предлагаемыя имъ объясненія? вѣрны ли они и вносятъ ли что-нибудь цѣннаго новаго въ пониманіе личности, міровоззрѣнія и произведеній Гоголя? Мы вправѣ ставить эти вопросы между проч. и потому, что г. Шенрокъ давно уже занимается біографіею Гоголя и его произведеніями.

Къ сожалѣнію, на поставленные только что вопросы приходится иногда давать отвѣты не положительные, а отрицательные.

Заботясь, какъ бы не подвергнуться «упреку въ навязываніи своихъ взглядовъ и мнѣній», г. Шенрокъ, тѣмъ не менѣе, не соблюлъ должнаго безпристрастія. Такъ, въ одномъ изъ примѣчаній г. Шенрокъ говоритъ: «Презирая «вялыхъ профессоровъ», Гоголь, однакоже, собирался читать лекціи по чужимъ профессорскимъ запискамъ»[2]). Это заключеніе на нашъ взглядъ, не вытекаетъ изъ словъ Гоголя въ письмѣ къ Погодину отъ 23 іюля 1834 г.: «Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты взамѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно,

1) П., I, 124, прим. 3. 2) П., I, 315, примѣч.

еслибы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы черезъ Рѣдкина мнѣ теперь же»[1]). Можно только думать, что Гоголь просто хотѣлъ ознакомиться съ пріемами преподаванія Погодина, но отсюда еще далеко до присваиванія лекцій послѣдняго, тѣмъ болѣе, что Гоголь предполагалъ послать Погодину взамѣнъ и свои лекціи. Вдобавокъ онъ собирался печатать свой курсъ впослѣдствіи, какъ это видно изъ письма отъ 2 ноября: «Пожалуйста, печатай скорѣе хоть новую исторію, которую ты, какъ говоришь, составилъ. Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ, — тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли.... Но я не раньше, какъ черезъ годъ, пріймусь писать»[2]).

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется не разъ еще отмѣчать нарушеніе г. Шенрокомъ обѣщанія не «навязывать своихъ взглядовъ и мнѣній». Покамѣстъ мы ограничимся приведеннымъ примѣромъ и займемся теперь разсмотрѣніемъ комментаріевъ г. Шенрока въ послѣдовательномъ порядкѣ періодовъ, которые можно усматривать во внутренней жизни Гоголя.

1. Время дѣтства и ранней юности (до окончанія курса Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ).

Общая характеристика данныхъ, въ письмахъ Гоголя, относящихся къ этому періоду его жизни, и самого Гоголя по его письмамъ намъ кажется блѣдною, неполною и скудною[3]).

Прежде всего не выяснено, насколько вѣрно и разносторонне этотъ матеріалъ освѣщаетъ личность автора писемъ и окружавшія его условія и обстановку.

А между тѣмъ личность Гоголя уже въ то раннее время его жизни предстаетъ со свойственными ей чертами характера, не-

1) Тамъ же, 314—315. 2) Тамъ же, 325.

3) Ср. характеристику, данную въ этюдѣ М. Н. Сперанскаго: Гимназія высшихъ наукъ. Нѣжинскій періодъ жизни Гоголя, К. 1902. См. еще въ ст. В. В. Каллаша: «Н. В. Гоголь и его письма»—Русская Мысль 1902, №№ 2, 3 и 6.

рѣдко ставимыми ей въ вину: скрытностію [1]), «нерѣшительностью, неувѣренностью въ себѣ» на ряду съ «огнемъ гордаго самосознанія» [2]), тщеславіемъ [3]) и вмѣстѣ «униженнымъ смиреніемъ» [4]). Юный Гоголь со свойственнымъ юности самообольщеніемъ еще вѣрилъ въ себя и нерѣдко смотрѣлъ свысока на все окружающее; самопознаніе юноши было еще невелико. Потому, конечно, и письма этого періода не могли выдавать всего богатства внутренней жизни юноши [5]), которое однако сквозитъ въ его неоднократныхъ намекахъ на присущую ему энергію, настойчивость, отожествляемую имъ съ упрямствомъ, благородный энтузіазмъ къ прекрасному и великому, стремленіе постоянно расширять свои знанія и не терять понапрасну ни одной минуты въ жизни: «я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага» [6]).

Съ точки зрѣнія возвышенныхъ требованій и идеала ничтожными уже тогда должны были казаться Гоголю какъ общество школы, такъ и другіе люди, съ которыми онъ встрѣчался. Оттуда, быть можетъ, излишне строгій иногда судъ о школѣ [7]), о Нѣжинцахъ, о товарищахъ и знакомыхъ. Но въ правѣ ли мы предполагать ходульность въ такихъ отзывахъ, напыщенность и риторизмъ?

Во всякомъ случаѣ достопримѣчательно, что будущій обличитель пошлости и поборникъ простоты и непосредственности культуры уже въ годы пребыванія въ Нѣжинѣ испытывалъ «ядовитое истомленіе, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки», тяготился «игомъ школьнаго педантизма» [8]), находилъ болѣе полное удовлетворе-

1) См. хотя бы П., I, 89.

2) П., I, 68, Ср. П., I, 130: о «дерзкой самонадѣянности» и 136: о «гордыхъ помыслахъ юности».

3) П., I, 24: «Вы, я думаю, не допустите погибнуть *столько* себя прославившимъ рисункамъ»; I, 54: «Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ ..»

4) II. I, 130.

5) Г. Шенрокъ говоритъ, что Петру Петровичу Косяровскому «были повѣрены тайныя мечты и широкіе замыслы» (стр. 6), но поэтъ выражался о послѣднихъ слишкомъ неопредѣленно.

6) II., I, 89. 7) Тамъ же, 97. 8) П., I, 97.

ніе въ деревенской жизни и въ исторіи родного края[1]) и «никогда не угашалъ вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ[2]) и роднымъ»,

1) Врядъ ли возможно согласиться съ замѣчаніемъ г. Шенрока о письмахъ 1829 — 1830 годовъ: «Гоголя живо занимаютъ *теперь* (курсивъ нашъ) украинскія думы и пѣсни, сказки и повѣрья, народныя игры, старинные обычаи, обряды и костюмы» (П., I, 113). Можно предложить вопросъ, не было ли этого и раньше? Самъ же г. Шенрокъ издалъ (Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Н. Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ, т. VII, Спб. 1896, стр. 873 и слѣд.—Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ мы будемъ обозначать это X-е изданіе сочиненій Гоголя буквою С) описаніе «Книги всякой всячины, или подручной энциклопедіи составл. Н. Г. — Нѣжинъ 1826», въ которую занесены не только выдержки изъ писемъ отъ домашнихъ (см. П., I, 123, прим. 1), свидѣтельствующія объ интересѣ Гоголя къ украинскому фольклору, во время пребыванія въ Петербургѣ, но и другія записи, выказывающія любовь Гоголя къ Малороссіи, напр. слова для «Лекс. Малор.», и «этотъ отдѣлъ ведется подъ всѣми буквами «Энциклопедіи», кромѣ буквы Ѣ». На стр. 80-й и первой половинѣ 81-й записаны выбранные изъ разныхъ произведеній «эпиграфы», характеризующіе литературное чтеніе Гоголя въ школѣ, между прочимъ—изъ Енеиды Котляревскаго (см. М. Н. Сперанскаго, Замѣтки къ исторіи «Энеиды» И. П. Котляревскаго, Львъ. 1902) и т. д. Но, конечно, замыслъ написать «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» созрѣлъ у Гоголя въ Петербургѣ.

2) П., I, 43. Въ іюнѣ 1824 г. Гоголь писалъ родителямъ: «Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ-сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій»... «Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, наслаждясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей» (П , I, 20—21). Спустя годъ съ лишнимъ (30 сентября 1825 г.) онъ выражалъ то же сосредоточеніе привязанностей на родномъ домѣ: «Я только какъ-то и оживляюсь вашимъ письмомъ, котораго я теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что вы меня извѣстите о нашемъ краѣ хотя немного; но родной и дымъ пріятенъ» (П., I, 36). Не задолго до конца предпослѣдняго года пребыванія въ Нѣжинѣ, въ мартѣ 1827 г. Гоголь писалъ матери: «Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провесть его. Это напоминаетъ мнѣ времена дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія» (П., I, 68). И дѣйствительно, Гоголь до конца жизни любилъ это занятіе. Въ са-

причемъ однако на 18-мъ году жизни сталъ проникаться нетерпѣніемъ скорѣе «видѣть счастіе: зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители» [1])... Все это въ значительной степени объясняетъ послѣдующую литературную дѣятельность Гоголя, его романтическое настроеніе, выборъ темъ первыхъ произведеній изъ сельской либо изъ прошлой жизни родного края и, наконецъ, веселье, чарующую живость и прелесть его «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь всѣмъ своимъ предшествующимъ развитіемъ былъ подготовленъ къ произведеніямъ. прославившимъ его послѣ первыхъ же шаговъ его на литературномъ поприщѣ, и обстоятельство, указываемое имъ въ письмѣ изъ Петербурга отъ 30 апрѣля 1829 г.: «здѣсь такъ занимаетъ все малороссійское» [2]) имѣло значеніе лишь мотива, завершившаго остальные.

Равнымъ образомъ, въ годы юности Гоголя зарождались и многіе другіе задатки его дальнѣйшей литературной дѣятельности. Будущій драматургъ и тщательный наблюдатель дѣйствительности уже замѣтенъ въ юномъ страстномъ любителѣ театра; послѣдній

момъ концѣ того же года опять встрѣчаемъ выраженіе страстнаго порыванія въ деревню (26 іюня 1827 г.): «Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣньемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ не предстанетъ снова истомленному» (П., I, 79). Въ письмѣ изъ С.-Петербурга отъ 2 Февраля 1830 г. находимъ приблизительно то же стремленіе въ деревню: «Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни: но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина» (П., I, 145). См. еще П., I, 175: «въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу, столько можно найти удовольствій веселости, какихъ не представитъ ни одна столица» и т. д. Ср. еще П. I, 341.

1) П., I, 55.

2) П., I, 121. Это признавалъ и самъ г. Шенрокъ въ «Матеріалахъ», I.

былъ постоянно его «любимымъ развлеченіемъ» [1]). Будущій широко *образованный писатель заявлялъ себя уже въ юности* жаждой образованія и постояннымъ писательствомъ.

Нѣжинскія письма Гоголя знакомятъ насъ съ первыми стадіями изученія имъ западныхъ языковъ и литературъ, литературы русской и начинавшей развиваться ново-украинской. Эти изученія происходили одновременно и параллельно и сообщали значительную разносторонность литературнымъ вкусамъ юноши.

«Я теперь со всякимъ стараніемъ предаюсь французскому языку», писалъ Гоголь уже въ 1822 г. [2]). Прибывъ въ Нѣжинъ въ послѣдній годъ ученья тамъ, Гоголь «укоренился въ свое мѣстопребываніе съ новою твердостью, съ новою силою, крѣпостью къ своимъ занятіямъ» [3]). Въ этотъ послѣдній годъ житья въ Нѣжинѣ Гоголь пребывалъ «въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена» была его «жизнь» [4]). Онъ не помышлялъ еще при этомъ отдать себя писательскому призванію: «Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества» [5]) и т. д. «Я теперь совершенный затворникъ», читаемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ [6]).

Гоголь изучалъ писателей родныхъ и иностранныхъ, въ числѣ послѣднихъ — Мольера, Флоріана и Коцебу [7]). Но въ особенности обращаетъ на себя вниманіе увлеченіе его Шиллеромъ. Въ виду несомнѣннаго вліянія этого поэта на мысль Гоголя [8]),

1) «Театръ нашъ готовъ совершенно, а съ нимъ вмѣстѣ—сколько удовольствій!» писалъ однажды Гоголь (П., I, 57).

2) П., I, 14. 3) Тамъ же, 86. 4) Тамъ же, 93.

5) Тамъ же, 89. 6) Тамъ же, 94. 7) Тамъ же, 59, 61.

8) Это можно сказать, напр., объ идеѣ Шиллера касательно воспитанія человѣчества, касательно послѣдней цѣли, достиженія которой человѣкъ могъ бы желать. Шиллеръ ставилъ духовное освобожденіе личности единственно возможною цѣлью культуры, вмѣстѣ съ которою человѣчество можетъ достигнуть «человѣчности». Нравственно-эстетическую культуру личности выше всего ставилъ и Гоголь.

жаль, что, повторяя[1]) примѣчаніе Кулиша: «Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ языкѣ Шиллера, и что то́ было только минутное увлеченіе», г. Шенрокъ оставилъ безъ критики это врядъ ли вполнѣ достовѣрное извѣстіе. Вообще біографы до послѣдняго времени преувеличиваютъ плохое знакомство Гоголя съ иностранными языками. Дѣйствительно, до поѣздки за границу Гоголь не владѣлъ разговорною рѣчью на иностранныхъ языкахъ, какъ то показываетъ хотя бы его письмо изъ Гамбурга отъ 16-го іюня 1836 г.: «Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться»[2]). Но съ книжною рѣчью, по крайней мѣрѣ—на двухъ иностранныхъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, Гоголь былъ хорошо знакомъ уже въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ оставилъ безъ объясненія весьма интересныя мѣста писемъ Гоголя, имѣющія отношеніе къ вопросу о знакомствѣ Гоголя съ иностранными языками и вообще объ образованіи его.

Наконецъ, въ юношескихъ письмахъ Гоголя рано замѣчаются слѣды его живого литературнаго интереса: напр., юный Гоголь просилъ о присылкѣ ему книгъ и журналовъ[3]).

Всѣ эти занятія литературой совпадали въ юношѣ со стремленіемъ къ собственному сочинительству. Мать поощряла сына къ писательству, выказывая живой интересъ къ его сочиненіямъ и прося привозить ихъ[4]). Въ концѣ 1826 г. Гоголь какъ будто уже прошелъ первую стадію литературныхъ опытовъ и вступалъ во вторую. «Сочиненій моихъ вы не узнаете, писалъ онъ тогда: новый переворотъ постигнулъ ихъ. Родъ ихъ теперь совершенно

1) П., I, 69, примѣч. 5. 2) Тамъ же, 385.

3) П., I, 22: «Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради съ стихами и одна «Эдипъ», которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онѣгина»; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите» и др.

4) См., напр., П., I, 47.

особенный» [1]). Жаль, что г. Шенрокъ не присоединилъ объяснительныхъ примѣчаній къ этимъ неопредѣленнымъ упоминаніямъ [2]).

Осмѣивая напыщенность, отъ которой самъ былъ прежде не свободенъ [3]), Гоголь сталъ романтикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, соединяя романтическій идеализмъ съ южно-русскимъ реализмомъ. Первоначально Гоголевскій реализмъ совпадалъ съ недовольствомъ окружающимъ и съ сатиризмомъ и насмѣшливостью, рано развившимися въ юношѣ, что́ и отмѣтилъ г. Шенрокъ [4]), говоря: «Послѣ смерти отца, весной 1825 года, характеръ и содержаніе писемъ совершенно измѣняются... увлеченія книгами, рисованьемъ, театромъ становятся серьезнѣе и значительно расширяются. Нѣсколько позднѣе въ Гоголѣ начинаетъ замѣтно обозначаться наклонность къ юмору и сатирѣ» и т. д. Въ чемъ именно начала «замѣтно обозначаться наклонность къ юмору», г. Шенрокъ не указалъ [5]), а между тѣмъ это было бы тѣмъ желательнѣе, что юморъ является б. ч. достояніемъ болѣе

---

1) Тамъ же, 54.

2) Ср. у П. В. Владимірова: Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя, К. 1890, стр. 12—14.

3) II, I, 47, прим. 3.

4) II., I. 5. Употребленное г. Шенрокомъ не совсѣмъ опредѣленное выраженіе: «нѣсколько позднѣе» могло бы быть замѣнено болѣе точными указаніями. Въ письмѣ къ Высоцкому отъ 17 января 1827 г. (II., I, 55) читаемъ: «Глупости людскія рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ». См. далѣе II., I. 45 (20 августа 1826): «Говорилъ бы вамъ о своихъ, но совершенно ничего нѣтъ, все пусто, и Нѣжинъ нашъ заснулъ въ бездѣйствіи». См. еще насмѣшливую выходку въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ того: «Каковы у насъ дѣла хозяйственныя? Павелъ Петровичъ пишетъ, что отыскалась на томъ баштанѣ, что за прудомъ (который весь высохъ, дыня съ пупкомъ, а не съ хвостомъ. Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотѣлъ бы я знать причину» (II., I, 8). Гоголь сочинялъ въ Нѣжинѣ насмѣшливые стихи (II., I, 62, прим. 9) и піесы (тамъ же, 65) и съ презрѣніемъ глядѣлъ на «существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ» (II., I, 75).

5) Г. Шенрокъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду двѣ главы изъ малороссійской повѣсти «Страшный Кабанъ» (С., V, 48—60), но принадлежность ихъ къ этому времени—недоказанное предположеніе (См. С., VII, 952). Въ Нѣжинскихъ письмахъ Гоголя есть упоминанія о сочиненіяхъ послѣдняго, но г. Шенрокъ оставилъ эти упоминанія безъ разъясненій.

зрѣлаго возраста и міросозерцанія [1]). Правда, уже и въ Нѣжинскій періодъ Гоголь «удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ, встрѣтившись съ нимъ». Но лишь подъ самый конецъ пребыванія въ Нѣжинѣ Гоголь отчетливо подвелъ итоги тому, какъ много онъ «поиспыталъ горя и нужды.... былъ прижимаемъ зломъ. Врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.». «Я все выносилъ, говоритъ Гоголь, безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя... я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на-вѣкъ неизгладимыми, и они — вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро» [2]). Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ воздержался отъ разъясненій и касательно этихъ чрезвычайно важныхъ признаній Гоголя, хотя, вѣроятно, ему извѣстны данныя для этихъ разъясненій.

Сводя во-едино всѣ приведенные факты, можно, кажется, сказать, что, оставляя Нѣжинъ, Гоголь былъ одновременно и романтикомъ, стремившимся въ неясную и туманную даль, и реалистомъ, начинавшимъ склоняться къ юмору. Онъ вынесъ стремленіе къ «постоянному пріобрѣтенію знаній» [3]) и къ литературнымъ занятіямъ. Передъ нимъ лишь начиналъ раскрываться необъятный горизонтъ жизни, и выработка болѣе или менѣе полнаго и зрѣлаго міросозерцанія предстояла въ сравнительно далекомъ будущемъ.

---

1) Объ опредѣленіяхъ юмора см. въ нашемъ этюдѣ «Значеніе мысли и творчества Гоголя» (начало этого этюда помѣщено въ XVI-й книгѣ «Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца», К. 1902).

2) П., I, 58 и 97—98.

3) Тамъ же, 106—107.

2. Время начальной литературной дѣятельности Гоголя (— космополитическаго романтизма до „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки").

Мѣсяцы, въ которые Гоголь писалъ поэму «Ганцъ Кюхельгартенъ» (вторая половина 1828 г. и первая 1829 г.[1]) и напоминалъ этого своего героя (до возвращенія изъ первой заграничной поѣздки), не выдѣлены г. Шенрокомъ, а между тѣмъ ихъ, какъ особый замѣтный періодъ въ развитіи міросозерцанія Гоголя, надлежитъ разсматривать въ отдѣльности. Этотъ періодъ можно полагать съ того момента, когда у Гоголя началъ слагаться планъ заграничной поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ сохранился отчетливый намекъ объ этомъ планѣ[2]), но г. Шенрокъ не говоритъ о томъ ни слова въ примѣчаніяхъ, и лишь во введеніи къ «Письмамъ 1829 — 1830 годовъ» замѣчаетъ вскользь, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, что Гоголь увлекся «*новымъ* юношескимъ порывомъ» и что его поѣздка за границу была «результатомъ *давно* лелѣянныхъ юныхъ фантастическихъ грезъ»[3]). Конечною же гранью разсматриваемаго періода можно считать время послѣднихъ отголосковъ Кюхельгартеновскаго настроенія по возвращеніи Гоголя изъ-за границы (приблизит. до 10 декабря 1829 г.), совпадающихъ съ началомъ созданія «Вечеровъ на хуторѣ» и въ частности первой изъ этихъ повѣстей, озаглавленной «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»[4]).

---

1) См. этюдъ И. В. Шаровольскаго: «Юношеская идиллія Гоголя», помѣщенный въ упом. выше книгѣ «Чтеній въ Ист. Общ. Нестора-лѣт.» и вышедшій также отдѣльно.

2) П., I, 106 (8 сентября 1828 г.): «Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (*это и есть мое намѣреніе*), обо мнѣ не будетъ и слуху...».

3) П., I, 113.

4) Напечатана въ февральской и мартовской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина 1830 г. Первый намекъ на интересъ Гоголя къ сюжетамъ «Вечеровъ» находимъ въ письмѣ его къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г., гдѣ Гоголь выражалъ такую просьбу: «теперь васъ прошу... сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много

Сопоставленіе писемъ Гоголя за это время (за вторую половину 1828-го года и за 1829-й) съ «Ганцемъ Кюхельгартеномъ» доставило бы чрезвычайно интересный матеріалъ для біографіи Гоголя, но, къ сожалѣнію, г. Шенрокъ въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ совсѣмъ не коснулся любопытныхъ соотношеній, дающихъ возможность разграничить Wahrheit und Dichtung въ поэмѣ Гоголя и въ его душевной жизни въ первые моменты его вступленія въ свѣтъ[1]).

Въ Гоголѣ совершался въ то время «переломъ», о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 24-го іюля 1829 г. [2]) и который незадолго до того былъ поэтически изображенъ имъ въ судьбѣ Ганца Кюхельгартена, послѣ двухлѣтняго странствованія покончившаго съ неясными грезами и «коварными мечтами» юношескаго романтизма и обрѣтшаго новыя рѣшенія. Въ письмахъ Гоголя, относящихся ко времени его первой заграничной поѣздки, содержатся весьма интересныя данныя для характеристики этого перелома, дающія, какъ сказано, неоцѣненный матеріалъ для біографіи Гоголя.

Гоголь признавался «отъ чистаго сердца» (и этому мы можемъ повѣрить вполнѣ), что «имѣлъ дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ», что «сердцу, можетъ, единственному, по крайней мѣрѣ рѣдкому въ мірѣ, душѣ чистой, пламенѣющей жаркой любовью ко всему высокому и прекрасному, Богъ далъ грубую оболочку, одѣлъ все это въ страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго сми-

---

знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно.... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ» (П. I, 119—120). 24-го іюля работа надъ «Вечерами» повидимому, уже была въ ходу: «Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ» (тамъ же, 128), сообщалъ Гоголь матери.

1) Въ книжкѣ: «Ученическіе годы Гоголя», изд. второе, М. 1898, стр. 120 и слѣд. г. Шенрокъ отмѣтилъ нѣкоторыя совпаденія въ идилліи и въ письмахъ 1827 года.

2) П., I, 127.

ренія» [1]). Юноша давалъ обѣты, исполнившись новой душевной силы, какъ бы вступить на новый путь: «передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности».

Эти горькія признанія въ высшей степени важны для пониманія нравственнаго склада личности Гоголя и всей послѣдующей личной его жизни, постоянно уже съ той поры направлявшейся къ неустанной работѣ надъ собою для претворенія «грубой оболочки», которую находилъ въ себѣ поэтъ, и для преодолѣванія замѣчаемыхъ имъ въ себѣ «противорѣчій». Уже тогда начиналась значительная ломка гордости, несомнѣнно составлявшей одно изъ прирожденныхъ качествъ Гоголя [2]). Уже тогда душа «несчастнаго» поэта была «изрыта и опустошена бурями», и онъ могъ бы «разсказать тяжкую повѣсть о себѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ его «бренный разумъ» былъ «не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго» [3]).

Величіе этой души сказалось уже и тогда въ повтореніи ею, несмотря на всю угнетавшую ее сумятицу, обѣта, впервые даннаго еще въ ранней юности: отрекшись отъ личнаго счастья, «всю жизнь посвятить для счастія себѣ подобныхъ» [4]). Обѣтъ этотъ былъ исполненъ ненарушимо поэтомъ въ теченіе всей послѣдующей его жизни, въ которой, дѣйствительно, не было личнаго счастія.

Но, конечно, эта душа, какъ указалъ самъ Гоголь, была надѣлена «противорѣчіями», и они выступаютъ въ разсматриваемыхъ письмахъ, напр., въ тѣхъ постоянно измѣнявшихся объясненіяхъ, какія давалъ Гоголь своей матери относительно своей первой заграничной поѣздки, ради которой онъ допустилъ неиз-

---

1) Тамъ же. Ср. I, 260: «Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ». См. затѣмъ I, 130.

2) П., I, 139: «не думайте найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ».

3) П., I, 130. 4) Тамъ же, 127—128.

винительный въ глазахъ многихъ поступокъ — «воспользовался деньгами, присланными для уплаты въ опекунскій совѣтъ».

Изъ примѣчаній, разсѣянныхъ г. Шенрокомъ въ различныхъ мѣстахъ этого отдѣла писемъ, какъ будто вытекаетъ, что Гоголь для оправданія своего поступка прибѣгалъ неоднократно къ «невѣрнымъ объясненіямъ» [1]), изворачиваясь передъ матерью: г. Шенрокъ, напр., приводитъ безъ всякихъ оговорокъ поясненія А. С. Данилевскаго о томъ, что «не было ничего подобнаго» тому, что сообщалъ Гоголь [2]).

Несомнѣнно, что въ данномъ событіи мы имѣемъ дѣло съ психическимъ фактомъ, требующимъ весьма тонкой критики — во всякомъ случаѣ болѣе вдумчивой, чѣмъ простое констатированіе факта: «для объясненія побудительной причины, вызвавшей поѣздку, Гоголь ссылается то на неудачу, то на любовь, то на болѣзнь, не заботясь даже о послѣдовательности въ объясненіяхъ» [3]), или же замѣчаніе къ словамъ письма Гоголя о столицѣ въ лѣтнее время, которая «пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Немудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе; я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку» [4]). Поѣздка Гоголя была вызвана цѣлымъ рядомъ тонкихъ психическихъ процессовъ, изъяснить которые было весьма не легко, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, высланное два дня спустя по возвращеніи изъ Гамбурга: «Я не въ силахъ теперь извѣстить васъ о главныхъ причинахъ, скопившихся,

1) П., I, 113.

2) Тамъ же, 121, прим. 4; 137, прим. 2.

3) Тамъ же, 126, прим. 1.

4) П., I, 145; въ прим. 5 г. Шенрокъ говоритъ: «Здѣсь, слѣдовательно, Гоголь даетъ новое и, конечно, искреннее объясненіе своей первой заграничной поѣздки, хотя, конечно, здѣсь указывается лишь одна изъ причинъ, обусловливавшихъ тогдашнее смутное настроеніе его души».

которыя бы, можетъ быть, оправдали меня, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыханія» [1]). Потому г. Шенрокъ справедливо выразился во вступительномъ замѣчаніи, что и самъ Гоголь «едва ли могъ дать себѣ ясный прозаическій отчетъ въ томъ, что явилось результатомъ давно лелѣянныхъ юныхъ фантастическихъ грезъ» [2]). Могла имѣть долю участія и любовь, о которой говорится въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г. [3]). Г. Шенрокъ относится съ недовѣріемъ и къ упоминанію о любви Гоголя въ письмѣ отъ 10 марта 1832 г., [4]), но вѣдь симпатіи Гоголя къ Россетъ, впослѣдствіи Смирновой, были вполнѣ возможны въ 1831—1832 гг. [5]). Въ примѣчаніи къ словамъ письма къ А. С. Данилевскому отъ 20 декабря 1832 г.: «Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому то, къ спасенію моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ», г. Шенрокъ говоритъ: «Эти слова важны потому, что здѣсь Гоголь *самъ* опровергаетъ свои слова въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля 1829 г. о какой-то фантастической любви своей» [6]), но спрашивается, почему Гоголь упоминаетъ о твердой волѣ, «*два раза* отводившей его отъ желанія заглянуть

---

1) П., I, 138.

2) Тамъ же, стр. 113. Ср. выше.

3) Не къ этому ли времени относится первый набросокъ статьи «Женщина» (С., V, 61—65)? Вспомнимъ роль любви и въ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». Въ основныхъ идеяхъ статьи о женщинѣ и разсказа о любви, содержащагося въ названномъ письмѣ, есть нѣкоторыя совпаденія.

4) П., I, 207.

5) О посылкѣ ей экземпляра «Вечеровъ» см. П., I, 188.

6) Тамъ же, 232.

въ пропасть»? Г. Шенрокъ оставилъ это выраженіе безъ разъясненія.

Непонятно также, какъ г. Шенрокъ уже въ предисловіи къ «письмамъ *1828—1830 годовъ*» могъ сказать: «познакомившись съ Дельвигомъ и ставъ сотрудникомъ его «Литературной Газеты», Гоголь мало-по-малу знакомится съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Пушкинымъ и изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства, вступивъ въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями современной литературы»[1]). Вѣдь въ примѣчаніи къ словамъ письма отъ 10 февраля 1831 года: «Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» г. Шенрокъ говоритъ: «Въ это время Гоголь уже былъ сотрудникомъ «Литературной Газеты» Дельвига и былъ знакомъ съ Дельвигомъ; см. въ «Воспоминаніяхъ о В. И. Далѣ» Мельникова (Печерскаго) въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1873, III, 295—296, и въ статьѣ Гаевскаго о Дельвигѣ («Современникъ», 1854, IX, 7—8), и хотя 14 января того же года Дельвигъ уже умеръ, но Гоголь *вскорѣ* познакомился съ Плетневымъ, Жуковскимъ и другими»[2]); равнымъ образомъ самъ же г. Шенрокъ[3]) признаетъ, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ «слѣдуетъ отнести къ маю 1831 г.» Слѣдовательно, настоящее вступленіе Гоголя «въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями современной литературы» произошло не въ 1829 и 1830 гг., а въ 1831 г., и упоминаніе о томъ въ предисловіи къ письмамъ Гоголя 1829 и 1830 гг. излишне.

Время перваго — юношескаго — романтизма, носившаго подобно романтизму Ганца Кюхельгартена въ значительной степени космополитическій характеръ, протекло безъ такого общенія, доставившаго Гоголю свѣтлые моменты радостнаго сознанія своего истиннаго призванія. Это призваніе выяснилось, когда на смѣну юношескаго романтизма въ Гоголѣ выступилъ болѣе зрѣлый романтизмъ — украинофильскій.

1) Тамъ же, 114. 2) Тамъ же, 172, прим.
3) Тамъ же, 183, прим. 1.

3. Годы украинофильскаго романтизма Гоголя и перваго обращенія послѣдняго къ реализму (1829—1834).

«Переломъ», происшедшій въ юномъ Гоголѣ послѣ цѣлаго ряда неудачъ и огорченій, начавшись лѣтомъ 1829 г., закончился къ 1830-му году душевнымъ успокоеніемъ на нѣсколько лѣтъ, и 10 февраля 1831 г. совсѣмъ уже окрѣпшій нравственно поэтъ писалъ матери: «какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ *воспитаніемъ*, какого я думаю рѣдкій царь могъ имѣть. Зато *какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ*! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей. Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза» [1]). «Спокойствіе въ моей груди величайшее», читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ [2]).

Ясно отсюда, какъ неосновательно замѣчаніе г. Шенрока въ «Краткомъ обзорѣ содержанія писемъ Гоголя въ *1836* г.»: «Уже въ эту пору въ его письмахъ начинаютъ проявляться аскетическіе взгляды и впервые заходитъ рѣчь о внутреннемъ «воспитаніи» и о благодарности Провидѣнію за ниспосланныя непріятности и огорченія» [3]). Въ примѣчаніи къ словамъ письма отъ 16 іюня 1836 г.: «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія!» г. Шенрокъ говоритъ: «Нѣкоторые полагали (въ томъ числѣ г. Авенаріусъ), что мистицизмъ явился у Гоголя только послѣ смерти Пушкина, но онъ замѣчается ясно еще въ 1835 г. (см. «Вѣстн. Евр.», 1885, т. VIII, стр. 773) и здѣсь, а это писано было при жизни Пушкина» [4]). Дѣйствительно, въ іюлѣ 1835 г. Гоголь писалъ:

---

1) П., I, 171—172. 2) П. I, 175. 3) Тамъ же, 360.
4) Тамъ же, 384, прим. 10.

«что-то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все, что̀ ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо» [1]), но взглядъ на невзгоды житейскія, какъ на орудіе воспитанія, употребляемое Вышней Десницей, какъ мы сейчасъ видѣли, высказывался Гоголемъ уже въ 1829 г., т. е. задолго до 1836 г. Въ одномъ изъ писемъ 1833 г. есть даже выраженіе «наука жизни» [2]).

Равнымъ образомъ, въ разсматриваемые теперь нами годы съ 1832 г. мы слышимъ отъ Гоголя и частыя жалобы на нездоровье въ родѣ слѣдующихъ: «Совершеннаго здоровья не надѣюсь скоро дождаться» [3]); »что-то значитъ хилое здоровье!» [4]) «Удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина мое болѣзненное состояніе» [5]). «Творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ» [6]). Въ письмахъ 1833 г. находимъ цѣлый рядъ сѣтованій о бездѣйствіи и непроизводительности: «я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно!» «Я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Однимъ словомъ, умственный запоръ. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ» [7]). — «...Ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ страшномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что не могутъ собраться въ одно цѣлое» [7]). — «Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только»... «скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ» [8]). «Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновенье — не знаю» [9]). Г. Шенрокъ замѣтилъ по поводу этихъ словъ: «1833 годъ былъ очень не производителенъ для Гоголя въ отношеніи творчества» [10]). Ср. однако данныя о творчествѣ Гоголя въ 1833 г. [11]), приведенныя въ другомъ мѣстѣ самимъ г. Шенрокомъ. «Старосвѣтскіе по-

1) Тамъ же, 349. 2) Тамъ же, 260. 3) Тамъ же, 220.
4) Тамъ же, 221. 5) Тамъ же, 227. 6) II., I, 235 и 237.
7) Тамъ же, 240. 8) Тамъ же, 254. 9) Тамъ же, 255.
10) Тамъ же, прим. 1. 11) С., VII, 954.

мѣщики» — несомнѣнно chef d'oeuvre Гоголевскаго творчества, и г. Шенрокъ готовъ отнести это произведеніе къ 1833 г., хотя говоритъ, что «положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ». Это послѣднее замѣчаніе опровергается нѣсколько выраженіемъ Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 17 ноября 1831 г.: «Жаль, что у насъ нѣтъ сосѣдей какихъ-нибудь старосвѣтскихъ людей» [1]). Г. Шенрокъ въ разсматриваемомъ изданіи писемъ Гоголя справедливо обратилъ вниманіе на это выраженіе, отмѣтивъ его курсивомъ [2]). Дѣйствительно, оно является какъ будто terminus a quo въ исторіи замысла повѣсти о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». — Во 2-хъ, о комедіи «Владиміръ 3-ьей степени» 20 февраля того же 1833 года Гоголь писалъ: «Уже и *сюжетъ* было *на дняхъ началъ составляться*, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ьей степени», и сколько злости, смѣха и соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ» [3]). Наконецъ, самъ г. Шенрокъ призналъ все-таки и въ разсматриваемомъ изданіи, что «1833 годъ былъ... богатъ художественными замыслами» [4]). Не забудемъ еще, что въ томъ году Гоголь занимался исторіею Малороссіи и всеобщею исторіею [5]), и эти занятія наряду съ преподавательскою дѣятельностію должны были отнимать у него массу времени, энергіи и труда. Изъ всего этого видно, съ какою осторожностію надо относиться къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ Гоголя о самомъ себѣ даже въ такое время расцвѣта силъ, какимъ были разсматриваемые годы, а тѣмъ болѣе подъ конецъ его жизни, когда его силы были значительно

1) П., I, 197.

2) Тамъ же, 179, прим. 2.

3) П., I, 245. Ср. С., VI, 545 и слѣд. 4) Тамъ же, 234.

5) Уже въ первомъ изъ писемъ 1833 г., помѣщенныхъ въ изданіи г. Шенрока (10 января — П., I, 234), Гоголь писалъ Погодину: «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее».

подорваны. Гоголь уже съ дѣтства не отличался крѣпостію здоровья, а напряженные труды и душевныя безпокойства въ силу кризисовъ, которые переживала его мысль, усиливали недомоганія. Потому понятно, что онъ не могъ работать съ такою быстротою, съ какою желалъ бы, и жаловался уже въ 24 года: «Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновеннополнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объемъ, то вдругъ зиждется новая система и рушитъ старую. Напрасноя увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ—другъ. Но не могу, не въ силахъ... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени» [1]). Прежде всего переутомленіемъ надо объяснять и то состояніе, которое Гоголь называлъ въ себѣ лѣнью; напр.,—въ одномъ письмѣ 1833 г.: «все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ» [2]); въ письмѣ 1834 года: «лѣнь проклятая одолѣла, и я сѣлъ на одномъ приступѣ: лѣтомъ я ничего больше не дѣлаю, кромѣ лежанія; къ тому же еще и болѣзнь меня безпокоитъ» [3]). Въ іюлѣ 1835 г. «здоровье, кажется, уже отъ однихъ переѣздовъ поправилось» [4]), но, тѣмъ не менѣе, Гоголь писалъ: «Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ» [5]).

Не взирая на тягостное состояніе, которое, такимъ образомъ, Гоголь испытывалъ по временамъ отъ неудачъ и мнимаго безсилія въ творчествѣ, онъ не падалъ духомъ, потому что въ немъ уже тогда сложился оптимизмъ, приближающійся къ тому, который такъ наполняетъ его письма въ годы, когда слагалась его «Переписка съ друзьями»: «Живите какъ можно веселѣе, читаемъ въ одномъ изъ писемъ, прогоняйте отъ себя непріятности, по край-

1) П., I, 244—245. 2) Тамъ же, 258. 3) Тамъ же, 301.
4) Тамъ же, 348. 5) Тамъ же, 350.

ней мѣрѣ не смущайтесь ими: все пройдетъ, все будетъ хорошо. Неужели вы не замѣчаете чудной воли высшей? Все это дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастіе» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь началъ приходить къ ясному сознанію своего истиннаго призванія, чего не отмѣтилъ г. Шенрокъ въ «Краткомъ обзорѣ содержанія писемъ 1831 г.» «Я, писалъ Гоголь 16 апрѣля 1831 г., душевно былъ радъ оставить.... ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Богъ знаетъ, за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ» [2]).

На первыхъ порахъ Гоголь усматривалъ свой путь въ творчествѣ преимущественно изъ области украинской жизни въ ея настоящемъ и прошломъ.

Г. Шенрокъ объясняетъ обращеніе Гоголя къ украинскимъ сюжетамъ такъ: «чувство неудовлетворенности ожиданія, обостряемое безпощадными неудачами со всѣхъ сторонъ, заставляетъ Гоголя съ упоеніемъ переноситься мыслями въ ту самую родную Малороссію, откуда еще недавно его мысль такъ страстно стремилась на негостепріимный сѣверъ» [3]).

Врядъ ли однако процессъ этихъ занятій Гоголя былъ вызванъ «чувствомъ неудовлетворенности ожиданія». Г. Шенрокъ оставилъ безъ должнаго вниманія чисто литературные въ этомъ случаѣ воздѣйствія [4]), замыслы и интересы Гоголя къ роднымъ сюжетамъ, на которые намекаетъ самъ Гоголь въ письмѣ отъ 30-го апрѣля 1829 г., и влеченіе къ малороссійскимъ темамъ, проявлявшееся еще въ Нѣжинѣ [5]), что признаетъ и г. Шенрокъ. Да и въ то время, когда Гоголь началъ просить о присылкѣ различныхъ

1) Тамъ же, 172.

2) II., I, 174. 3) Тамъ же, 113.

4) Ср. въ ст. Каллаша въ «Кіевской Старинѣ» 1900, № 5.

5) См. «Главу изъ историческаго романа» (С., V, 130 — 140), которую Гоголь, по его собственнымъ словамъ, «писалъ, бывши еще въ Нѣжинской гимназіи», для матери (П., I, 184); ср. С., VII, 952.

свѣдѣній о Малороссіи, онъ едва ли еще занимался «Вечерами». О перемѣщеніи въ Малороссію онъ не думалъ, какъ видно изъ письма отъ 2 апрѣля 1830 г. [1]). Быть мож., не вполнѣ также точно указаніе на интересъ Гоголя къ «думамъ и пѣснямъ» въ 1829—30 гг. На эти произведенія народной словесности Гоголь началъ обращать усиленное вниманіе позднѣе [2]). Покамѣстъ его занимали колядки [3]) и хороводныя пѣсни [4]). Въ письмѣ же отъ 19 сентября 1831 г. говорится уже о пѣсняхъ вообще: «А сказки, пѣсни, происшествія, можете посылать въ письмахъ или небольшихъ посылкахъ» [5]).

Мало-по-малу украинскій патріотизмъ Гоголя разгорѣлся до того, что 2-го іюля 1833 г. онъ писалъ Максимовичу: «Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы право, какъ разсудишь хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ» [6]). «Я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ — не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Тамъ можно обновиться всѣми силами» [7]).

Полюбивъ родную старину болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, Гоголь «принялся за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны» [8]). Теперь только онъ оцѣнилъ все значеніе историческихъ пѣсенъ Малороссіи по сравненію со скудными ея лѣтописями, которыя не давали ему того, чего онъ искалъ, хорошо понимая задачи истинной исторіи: «Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что̀ хотѣлъ бы отыскать. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями» [9]). Очевидно, Гоголь отдавалъ пред-

---

1) П., I, 152.
2) Интересъ къ пѣснямъ замѣчается въ Гоголѣ еще и въ 1835 г.: П., I, 352.
3) Тамъ же, I, 120. 4) Тамъ же, 123. 5) Тамъ же, I, 191.
6) Тамъ же, I, 254. 7) Тамъ же, I, 268. 8) Тамъ же, I, 263.
9) П., I, 278. Разумѣется время до уніи.

почтеніе пѣснямъ не потому только, что, какъ говоритъ г. Шенрокъ [1]), въ сравненіи съ ними «лѣтописи казались ему слишкомъ черствыми и прозаическими». О черствости лѣтописей Гоголь писалъ Максимовичу: «Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что̀ всѣ черствыя лѣтописи [2]), въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже похабныя; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедшихъ людей... Прощайте, милый, дышащій прежнимъ временемъ землякъ»... [3]).

Ясно изъ этихъ строкъ, что Гоголь увлекался прошлымъ Украины, изученіе котораго дѣйствовало на него успокоительно въ пору душевныхъ тревогъ: «Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія», писалъ онъ Максимовичу [4]). Слѣдовательно, не вполнѣ вѣрно утвержденіе г. Шенрока [5]), что Гоголь, дѣлившій «свои задушевные интересы между исторіей и драмой (собственно комедіей)», «скоро долженъ былъ убѣдиться, что въ этомъ соперничествѣ исторія обыкновенно отступала у него на второй планъ». Это замѣчаніе вѣрно лишь въ отношеніи всеобщей исторіи и касательно момента письма къ Погодину 20 февраля 1833 г., въ которомъ читаемъ: «за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту. И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей» [6]). Въ январѣ же 1834 г. онъ писалъ [7]) Погодину: «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую

1) П., I, 234.

2) Въ письмѣ къ Срезневскому читаемъ: «ни одного (польскаго) лѣтописца съ нечерствою душою, мыслями...» (П., I, 278); «Каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о протекшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи»...

3) П., I, 264.

4) Тамъ же, I, 263. Немного погодя онъ опять писалъ о занятіяхъ исторіею: «Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ» (тамъ же, I, 274).

5) П., I, 234. 6) Тамъ же, I, 245. 7) П., I, 274.

и всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться». Въ особенности плѣняла Гоголя малороссійская исторія богатствомъ своихъ событій и драматизмомъ: «Народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движеній, котораго невольно (еслибъ онъ даже былъ совершенно недѣятеленъ отъ природы) сосѣди, положеніе земли, опасность бытія выводили на дѣла и подвиги, этотъ народъ... Я недоволенъ польскими историками: они очень мало говорятъ объ этихъ подвигахъ.... Еслибы крымцы и турки имѣли литературу, я былъ бы увѣренъ, что ни одного самостоятельнаго тогда народа въ Европѣ не была бы такъ интересна исторія, какъ казаковъ» [1]).

Возвеличивая «древній, прекрасный Кіевъ», «спокойное, уютное и святое мѣсто» [2]), Гоголь въ тѣ годы не особенно долюбливалъ Москву: «Что жъ, ѣдешь, или нѣтъ? спрашивалъ онъ Максимовича 12 марта 1834 г., — влюбился же въ — эту старую, толстую бабу—Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь!» [3]) Предубѣжденіе относительно Москвы отзывалось еще и потомъ въ Гоголѣ. Такъ, 20 Февраля 1835 г. онъ писалъ: «Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе... Москва невинна въ немъ» [4]). Оставшись по неволѣ въ «чухонскомъ» Петербургѣ, Гоголь сообщалъ, что его душа «сильно тоскуетъ за Украиной» [5]). Да и вообще Русь представлялась Гоголю «старою, рыжею бородою», которой онъ задавалъ вопросъ: «когда ты поумнѣешь?» [6])

Этимъ же разсматриваемымъ нами теперь годамъ созрѣванія идей Гоголя принадлежатъ зачатки основныхъ мыслей послѣдующаго періода творчества этого писателя, т. е. времени созданія «Мертвыхъ душъ». Такова, напр., его основная моралистическая тенденція, скрывающаяся подъ обозначеніемъ «науки жизни» [7]). Гоголь началъ уже въ эти годы считать себя учителемъ жизни, хорошо узнавъ людей, что онъ доказывалъ, какъ замѣтилъ г. Шенрокъ, «проницательностію и глубокой справед-

1) Тамъ же, I, 278. 2) Тамъ же, I, 268 и 308. 3) П., I, 281. 4) П., I, 335. 5) П., I, 318. 6) П., I, 230. 7) П., I, 260.

ливостью своихъ совѣтовъ матери»[1]). Это видно, напр., изъ его письма къ матери отъ 2 октября 1833 г. о воспитаніи сестры, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ *заблуждаются люди*. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. *Хотѣлъ бы кажется помочь имъ*, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ»[2]). Уже тогда Гоголь стыдился своихъ прежнихъ произведеній, напр., «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», о которой онъ писалъ Максимовичу, что о ней «совсѣмъ-было позабылъ» и «стыдится назвать ее своею»[3]). Отказываясь прислать что-нибудь Максимовичу въ задуманный послѣднимъ альманахъ «Денницу», Гоголь обѣщалъ ему 9 ноября 1833 г.: «Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь. Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили *страшные перевороты*, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я *пережегъ*, сколько перестрадалъ!»[4]) Повидимому, въ Гоголѣ начинался новый кризисъ. Но и изъ этого новаго колебанія нашъ писатель вышелъ побѣдителемъ, благодаря чудной эластичности своей натуры. Для него «всѣ непріятности и огорченія.... имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, говоритъ Гоголь, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ»[5]).

---

1) П., I, 283. 2) П., I, 261. 3) П., I, 262. 4) П., I, 263.
5) П., I, 384.

4. а. Годы созрѣванія мысли и творчества Гоголя (съ лѣта 1834 г. до неудачи «Ревизора» и отъѣзда за границу въ 1836 г.).

Послѣ второго кризиса, ознаменовавшаго 1833 годъ и закончившаго четырехлѣтіе перваго, чисто романтическаго подъема творческой дѣятельности Гоголя [1]), послѣдній вновь началъ проникаться спокойствіемъ въ отношеніи къ *житейскимъ невзгодамъ* [2]), и 27-го іюня 1834 г. писалъ Максимовичу: «Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь... умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и — — (слѣдуютъ два непечатныя слова). Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая» [3]). Другими словами: Гоголь пришелъ къ мысли о томъ, что, вооружившись терпѣніемъ и хладнокровіемъ и сохраняя спокойствіе, не слѣдуетъ принимать къ сердцу житейскія

---

1) Объ этой дѣятельности см. нашу статью, имѣющую явиться въ «Чтеніяхъ въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. XVIII.

2) П., I, 274 — 275 (11 января 1834 г.): «это (занятіе исторіей) сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ этого я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства». Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ 1833 г. Гоголя вывели изъ спокойствія житейскія обстоятельства? Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ оставилъ безъ разъясненія тревожное состояніе Гоголя въ 1833 г. Что все дѣло сводилось къ житейскимъ невзгодамъ, подтверждается и письмомъ къ Максимовичу отъ 14 августа 1834 г., въ которомъ Гоголь, потерпѣвшій неудачу въ хлопотахъ о назначеніи въ университетъ св. Владиміра, писалъ: «я, который долженъ остаться въ чухонскомъ городѣ, плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь грусть хотѣла-было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги».

3) П., I, 306 и 308.

невзгоды. Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь повторялъ тотъ же совѣтъ, при чемъ смыслъ его наставленій становится яснѣе: Гоголь склонялъ «быть поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ, у котораго онъ подъ ногами и употребляется на обтирку ногъ его». По мнѣнію Кулиша, Гоголь въ приведенныхъ словахъ разумѣлъ Пушкина, сказавшаго:

Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ [1]).

22 марта 1835 г. Гоголь писалъ: «Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ» [2]). Гоголь совѣтовалъ «упиваться весною, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни» [3]). Въ письмѣ отъ 1 октября 1835 г. читаемъ: «Я здоровъ и спокоенъ; прочее все пустое и трынъ-трава» [4]). Это воззрѣніе Гоголя не означало наклонности къ квіетизму. Напротивъ, Гоголь не уставалъ въ трудѣ надъ выработкою своихъ воззрѣній и писалъ: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки... предо мною раздвигается природа и человѣкъ» [5]). Изложенный взглядъ Гоголя па жизнь согласовался съ его прежнимъ христіанскимъ оптимизмомъ, который теперь получилъ существенную поправку. Послѣдняя сводилась къ признанію значенія нашихъ личныхъ усилій. «Богу никакъ нельзя приписать нашихъ неудачъ», писалъ Гоголь матери 10 іюля 1834 г. «Богъ милостивъ и всякому, кто трудится съ благоразуміемъ и съ осмотрительностью принимается за дѣло, онъ всегда оказываетъ всемогущую помощь. «Береженаго и Богъ бережетъ», говоритъ старинная пословица... я вижу ясно Божію помощь» [6]). При этомъ Гоголь

---

1) П., I, 310. 2) П., I, 340. 3) П., I, 341.
4) П., I, 352. 5) П., I, 327.
6) П., I, 311; ср. тамъ же, 367: «я потвердилъ старую свою истину, которой я всегда слѣдовалъ, что человѣкъ долженъ возлагать надежду только на Бога и на себя» (текстъ этихъ словъ исправленъ нами по оригиналу).

придавалъ уже значеніе молитвамъ и благодарилъ мать за молитвы, которыя она возсылала о немъ [1]).

Съ указаннымъ міровоззрѣніемъ Гоголя согласовалось и преобладающее значеніе, какое онъ удѣлялъ въ эти годы смѣху: «Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ! Да и вездѣ недурно нашпиговать имъ листки. И, главное, никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ» [2]). «Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!» [3]) Гоголь называлъ себя теперь «писателемъ современнымъ, писателемъ комическимъ, писателемъ правовъ» [4]).

Съ этимъ временемъ нѣкотораго новаго успокоенія (лѣтомъ 1834 г.) совпадаетъ заключеніе романтическаго періода и работы надъ «Миргородомъ», разрѣшеннымъ къ печати 29 декабря 1834 г., и надъ «Ревизоромъ» [5]). Въ 1835 г. Гоголь началъ писать «Мертвыя души» и въ октябрѣ дошелъ до III-й главы, но идея ихъ еще не вызрѣла тогда [6]). Сверхъ того онъ хотѣлъ еще заняться какой-нибудь комедіей — «куда смѣшнѣе чорта!» [7])

Вообще въ разсматриваемые годы Гоголь значительно расширилъ свой кругозоръ, и въ этомъ отношеніи была весьма плодотворна для него и профессорская дѣятельность, несмотря на то, что она не удалась поэту. Относительно ея г. Шенрокъ замѣтилъ: «Лекціи Гоголя, какъ извѣстно, были, кромѣ двухъ, весьма неблистательны, да и взгляды на обязанности профессоровъ, высказываемые имъ въ письмахъ къ Максимовичу, къ Погодину и пр., уже сами по себѣ достаточно объясняютъ причину его неуспѣховъ на каѳедрѣ» [8]). Конечно, Гоголь очутился въ довольно смѣшномъ положеніи, занявъ университетскую каѳедру и собираясь à la Хлестаковъ «хватить среднюю исторію томиковъ въ 8 или 9, если Богъ поможетъ» [9]). Онъ самъ потомъ при-

1) П., I, 293. 2) П., I, 324. 3) П., I, 357. 4) П., I, 370.

5) Гоголь писалъ изъ Петербурга 14 августа 1834 г.: «На театръ здѣшній я ставлю пьесу (разумѣется «Женитьба»)..., да еще готовлю изъ подъ полы другую» (П., I, 319).

6) П., I, 353—7 октября. 7) П., I, 354. 8) П., I, 327, пр. 1.

9) П., I, 332, 331.

зналъ, что «эти полтора года—годы» его «безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся». Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его письмѣ читаемъ, что онъ «неузнанный взошелъ на каоедру и неузнанный» сошелъ «съ нея», однако въ тѣ «полтора года много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души.... высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали» его [1]). Этому мы можемъ повѣрить вполнѣ и полагаемъ, что Гоголя какъ профессора не понимали надлежащимъ образомъ. Онъ былъ не неправъ, думая, что и при учености можно быть въ сущности невѣждой [2]). Во всякомъ случаѣ въ годы профессорства Гоголь пріобрѣлъ болѣе широкій кругозоръ. Между прочимъ у него замѣчается въ то время интересъ къ «славянщинѣ, исторіи и литературѣ» [3]) и уменьшеніе чрезмѣрности украинофильства [4]).

Творчество Гоголя все еще не дошло до полной зрѣлости, и лишь достигли полной выработки его теоретическія воззрѣнія въ духѣ романтизма: мы слышимъ возвышенную квалификацію «высокихъ мыслей», посѣщавшихъ поэта: онѣ названы «небесными гостьями, наводившими божественныя минуты». Поэтъ «опустилъ ихъ на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнетесь, писалъ онъ, съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь» [5]). Очевидно, самосознаніе поэта возросло.

б. Годы зрѣлости мысли и творчества Гоголя (1836—1847).

«Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ», писалъ Гоголь Погодину 10 мая 1836 г., незадолго до второго своего выѣзда за границу [6]). Эта мысль можетъ быть признана девизомъ поры зрѣлаго творчества Гоголя, наступившей послѣ

1) П., I, 357. 2) П., I, 357.
3) П., I, 365; ср. тамъ же 295 и 362.
4) Гоголь говорилъ еще о землячествѣ: П., I, 369. 5) П., I, 357.
6) Ср. П., I, 384 (16 іюня 1836 г.): «пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ».

«неудовольствія» со стороны «всѣхъ сословій». Эти неудовольствія со стороны «соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь», были испытаны Гоголемъ при постановкѣ «Ревизора»; послѣдній «надѣлалъ чрезвычайно много шума, пріобрѣлъ» автору «новыхъ благопріятелей и еще бо́лышее число неблагопріятелей» [1]). «Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ», «уединюсь и займусь», читаемъ въ томъ же письмѣ [2]).

Всѣ эти рѣшенія, ознаменовавшія начало новаго періода въ жизни и творчествѣ Гоголя, были приняты имъ послѣ испытаннаго вновь глубокаго потрясенія «вслѣдствіе разныхъ волненій, досадъ и прочаго». Въ «тревожномъ состояніи», имъ пережитомъ, мысли поэта, впавшаго въ тоску [3]), «такъ разсѣялись», что онъ, по его словамъ, былъ «не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ». Онъ чувствовалъ необходимость «поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься, и потомъ избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе» [4]), тѣмъ болѣе, что онъ былъ «многимъ недоволенъ» и въ «Ревизорѣ» [5]).

Согласно съ указаннымъ поворотомъ въ мысли Гоголя, съ той поры въ его творчествѣ начинаетъ преобладать не чувство [6]) и фантазія, а рефлексія, умѣряющая тѣ обѣ душевныя силы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ напряженные труды и потрясенія, испытанныя въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ юности, не прошли даромъ, и не удивительно, что хилый уже отъ рожденія Гоголь начинаетъ все чаще и чаще жаловаться на болѣзни.

Но, руководясь оптимизмомъ, выработаннымъ, какъ мы видѣли, ранѣе, поэтъ-христіанинъ мужественно переноситъ впредь всѣ невзгоды [7]), и слова его въ письмѣ, написанномъ незадолго

1) II., I, 380. 2) II., I, 371—372.

3) II., I, 370: «размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники»; 375: «не хочу показаться вамъ скучнымъ»; 378: «ѣду разгулять свою тоску». Ср. о «тоскѣ» выше стр. 63 и ниже стр. 91.

4) II., I, 371—372. 5) II., I, 375.

6) II., I, 343: «Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства».

7) II., I, 384: «Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро».

до выѣзда за границу: «Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня» [1]), являются какъ бы основной темой всѣхъ болѣе пространныхъ разсужденій, которыя наполнятъ не разъ письма Гоголя во всѣ послѣдующіе годы его жизни, начиная съ перваго же письма, высланнаго послѣ переѣзда границы. Въ этомъ письмѣ (16 іюня 1836 г.) также читаемъ: «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія!... нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества.... послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое» [2]).

Со времени переѣзда за границу Гоголь сразу начинаетъ говорить объ особомъ своемъ призваніи и о высокомъ значеніи своей внутренней жизни: «Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ... Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни». «Все написанное до сихъ поръ» показалось Гоголю «давнею тетрадью ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница за которую похвалитъ только учитель провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ». Понятно, что переживавшій такія мысли и чувства Гоголь смотрѣлъ на этотъ моментъ своей

1) П., I, 378. 2) П., I, 384.

жизни, какъ на «великій переломъ, великую эпоху жизни» своей [1]).

Соотвѣтственно этому перелому измѣнился и планъ «Мертвыхъ Душъ», «которыхъ» Гоголь «было началъ въ Петербургѣ» и которыя составили главный предметъ занятій поэта во все послѣдующее время его жизни: онъ «все начатое передѣлалъ вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь велъ его спокойно какъ лѣтопись». Гоголю теперь въ «Мертвыхъ Душахъ» рисовался «огромный, оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! *Вся Русь* явится въ немъ» [2]), между тѣмъ какъ прежде авторъ предполагалъ «въ этомъ романѣ показать *хотя съ одного боку* всю Русь» [3]). Создавшій рядъ уже весьма цѣнныхъ произведеній думалъ теперь о «Мертвыхъ Душахъ», что «это будетъ» его «первая порядочная вещь,—вещь, которая вынесетъ имя» его [4]).

И на чужбинѣ Гоголь былъ полонъ живыми воспоминаніями и впечатлѣніями далекой родины, необходимыми для успѣшнаго выполненія той грандіозной картины, мысль о которой лелѣялъ. «Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь, — одна только прекрасная Русь», писалъ Гоголь Погодину 10 сентября 1836 г. [5]). 17 дней спустя въ письмѣ къ Прокоповичу поэтъ уже готовъ былъ восхищаться неприглядною родиною предпочтительно передъ красотами западной природы: «Что тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды, такіе, что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ становится тошно, и если бы

1) П., I, 383 — 384; ср. 425: «я на «Ревизора» — плевать. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ» и т. д

2) П., I, 414.

3) П., I, 354: 7 октября 1835. Г. Шенрокъ справедливо замѣтилъ (П., I, 414, пр. 3): «Здѣсь, очевидно, планъ Гоголя уже значительно расширился». Ср. П., I, 415: «Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его» и 416: «Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились».

4) П., I, 414.

5) П., I, 396. Ср. I, 412: «Я даже сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ, въ Веве, и это все произошло оттого, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было оставилъ...».

мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться» [1]). По прошествіи двухъ мѣсяцевъ опять находимъ отчетливое упоминаніе о томъ, что душою поэтъ виталъ въ родномъ краю: «мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ» [2]). Напрасно потому г. Шенрокъ увѣряетъ, что «во время путешествія Гоголь отдается захватывающей его новизнѣ впечатлѣній, и открывшійся передъ нимъ незнакомый міръ отвлекаетъ его на время отъ грустныхъ воспоминаній и аскетическихъ думъ» [3]).

Такія думы можно открыть, напримѣръ, въ христіанскомъ стоицизмѣ, который Гоголь старался внушить своей матери по поводу понесенной ею утраты въ лицѣ умершаго Трушковскаго. Этотъ стоицизмъ былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ спокойнаго отношенія къ житейскимъ невзгодамъ, къ которому Гоголь силился прійти въ предыдущемъ періодѣ своей жизни и которое, какъ мы видѣли, онъ пытался уже тогда привить другимъ. Уже въ письмѣ изъ Лозанны отъ 21 сентября 1836 г. [4]) читаемъ поученія, которыя будутъ разростаться болѣе и болѣе въ послѣдующихъ письмахъ Гоголя до 1848 г., и встрѣчаемъ довольно рѣзкія выраженія: «Ваши догадки (не разсердитесь, маминька) всегда были не впопадъ» и т. п. [5]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь какъ бы сразу провидѣлъ, что впереди ему оставалось немного радостей, и будущее сулило мало новаго: «Увы, писалъ онъ Прокоповичу 27 сентября 1836 г., мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему.

---

1) П., I, 401. 2) П., I, 415. 3) П., I, 360. 4) П., I, 397.

5) Замѣтимъ кстати, что въ подлинникѣ передъ словами: «наблюдаютъ діэту» стоитъ выраженіе: «при этомъ», пропущенное у г. Шенрока. Ср. П., I, 419.

Какъ быть! но прекрасно старое» [1]). И одновременно съ этимъ прорывалось мистическое сознаніе своего высокаго и вмѣстѣ тяжелаго предназначенія: «Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него? божественныя вкупу минуты... Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ произнесутъ примиреніе моей тѣни» [2]). Гоголь ожидалъ бурь въ будущемъ и готовился *терпѣливо* встрѣтить ихъ.

Но поэта уже начинали одолѣвать физическіе недуги [3]), и онъ начиналъ обнаруживать значительную податливость ко внѣшнимъ физическимъ воздѣйствіямъ, и не безъ связи со всѣмъ этимъ появлялись по временамъ приступы тоски. «Наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно», писалъ Гоголь въ ноябрѣ 1836 г. В. А. Жуковскому. «Комната моя была нимало не тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ тогда живѣе представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвыя Души», я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтовалъ перемѣнить мѣсто» [4]). И т. д.

Было бы слишкомъ долго и, быть можетъ, утомительно для читателей настоящаго разбора подбирать разроставшійся все

1) П., I, 400; ср. 421. 2) П., I, 415—416; ср. 425.
3) См., напр., жалобы на желудокъ: П., I, 401, 412.
4) П., I, 414; ср. 420.

болѣе и болѣе въ письмахъ Гоголя матеріалъ для характеристики процессовъ его душевной жизни, намѣченныхъ вскользь въ предыдущемъ изложеніи, и мы не станемъ вдаваться въ анализъ послѣдующихъ писемъ, относящихся къ выдѣленному сейчасъ періоду дѣятельности Гоголя, а также къ послѣднимъ годамъ его жизни (1848 — 1852): это будетъ умѣстнѣе въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ нами памяти Гоголя.

Полагаю, что и представленныхъ доселѣ выборокъ данныхъ и разборовъ присоединенныхъ г. Шенрокомъ объясненій этихъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, съ одной стороны, какой богатый и цѣнный матеріалъ содержится въ разсматриваемомъ изданіи, а съ другой — насколько, на ряду съ вѣрными и удачными наблюденіями надъ этимъ матеріаломъ, у г. Шенрока встрѣчаются замѣчанія, не совсѣмъ правильныя и не совсѣмъ удовлетворительныя какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ взглядѣ на личность Гоголя. Безъ сомнѣнія, послѣднему было присуще множество недостатковъ, но не все въ его характерѣ было такъ дурно и болѣзненно, какъ кажется многимъ, и иные изъ бросающихся въ глаза недостатковъ и странностей оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, необходимою принадлежностью высшаго духовнаго склада, какимъ былъ надѣленъ творецъ цѣлаго ряда дивныхъ художественныхъ созданій.

V.

Общее заключеніе объ изданіи г. Шенрока.

Идея труда г. Шенрока, задавшагося новымъ распредѣленіемъ, перепечаткою и объясненіемъ всѣхъ доселѣ изданныхъ писемъ Гоголя съ присоединеніемъ «нѣкоторыхъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ», заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ дорожащихъ успѣхами изученія великихъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, въ ряду которыхъ Гоголь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но изданіе за-ново переписки Гоголя было сопряжено съ весьма многими затрудненіями по причинѣ разбросанности, указываемой самимъ г. Шенрокомъ «крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ», а также сложности работы по изданію писемъ, являющемуся во многомъ дѣломъ, отличнымъ отъ редактированія число литературныхъ произведеній писателя. Вслѣдствіе всего этого покойный издатель сочиненій Гоголя Н. С. Тихонравовъ не взялъ на себя столь нелегкаго дѣла по воспроизведенію писемъ этого поэта. Г. же Шенрокъ не убоялся трудностей. Къ сожалѣнію, выполненіе принятой имъ на себя важной задачи въ отношеніи къ письмамъ Гоголя далеко отъ безукоризненности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться образцовымъ.

Г. Шенрокъ затратилъ, безъ сомнѣнія, много упорнаго труда на собираніе оригиналовъ писемъ, на провѣрку печатнаго текста ихъ и на хронологическое пріуроченіе тѣхъ изъ нихъ, которыя лишены даты, но не достигъ ни полноты въ своемъ изданіи, ни надлежащей точности, ни правильности въ объясненіяхъ. Повидимому, г. Шенрокъ посвятилъ этой работѣ не все то количество времени, какое было необходимо для успѣшнаго завершенія ея, и спѣшилъ. Оттуда отчасти небрежность въ провѣркѣ напечатанныхъ ранѣе текстовъ по оригиналамъ писемъ; оттуда утвержденія, либо слабо обоснованныя, либо прямо невѣрныя въ общихъ обзорахъ группъ, на которыя распредѣлены издателемъ письма Гоголя; оттуда, наконецъ, невѣрныя и сомнительныя пріуроченія нѣкоторыхъ изъ писемъ, не содержащихъ годовой даты. Прискорбнѣе всего, что издатель отнесся къ матеріалу, бывшему въ его распоряженіи, не какъ ученый, тщательно и точно воспроизводящій обнародываемые имъ документы, а какъ преподаватель словесности, усердно выправляющій ученическіе промахи въ стилѣ и правописаніи. Оттого иногда текстъ писемъ Гоголя, напечатанный г. Шенрокомъ, не можетъ быть признанъ воспроизведеннымъ съ соблюденіемъ правилъ научнаго обращенія съ источниками. Это тѣмъ досаднѣе, что, конечно, изданные

г. Шенрокомъ тексты писемъ сослужатъ долгую службу и будутъ настольною книгою при изученіи жизни, воззрѣній и творчества Гоголя, потому что въ письмахъ послѣдняго содержится наилучшее объясненіе многихъ особенностей въ ходѣ развитія этого великаго юмориста — обличителя пошлости человѣческой жизни и страстнаго провозвѣстника нравственнаго обновленія личности.

Въ виду всего этого слѣдуетъ признать изданіе г. Шенрока не вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ строгой научности но, тѣмъ не менѣе, заслуживающимъ поощренія.

III.

Отзывъ объ изслѣдованіи приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго Университета А. П. Кадлубовскаго подъ заглавіемъ: Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, I—V (Варшава, 1902 г.), представленномъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе премій имени Ломоносова въ 1903-мъ году.

Ординарнаго академика **Е. Е. Голубинскаго.**

Очерки г. Кадлубовскаго посвящены двумъ группамъ житій русскихъ святыхъ и вообще русскихъ агіобіографическихъ сказаній; именно — во-первыхъ, такимъ житіямъ и сказаніямъ, легендарное содержаніе которыхъ, по его, Кадлубовскаго, мнѣнію, сложилось подъ вліяніемъ житій и сказаній греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ тѣхъ и другихъ; во-вторыхъ, такимъ житіямъ извѣстнаго періода времени, въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли. Первую группу составляютъ три житія и одинъ сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ; вторую группу составляютъ всѣ житія XV — XVI вѣковъ.

Три житія, легендарное содержаніе которыхъ, по мнѣнію г. Кадлубовскаго, сложилось подъ вліяніемъ житій греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ этихъ послѣднихъ житій,

суть: житіе преп. Аврамія Ростовскаго, имѣющее, по нему, своимъ греческимъ прототипомъ житіе преп. Аврамія Сирскаго; житіе Меркурія мученика Смоленскаго, имѣющее своимъ греческимъ прототипомъ житіе Меркурія мученика Кесарійскаго, и житіе Никиты столпника Переяславскаго, до нѣкоторой степени отражающее въ себѣ житіе Никиты епископа-мученика Готѳскаго. Сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ, составленный по подобію патериковъ греческихъ, а отчасти, какъ думаетъ г. Кадлубовскій, и съ прямымъ изъ нихъ заимствованіемъ, есть патерикъ Волоколамскій.

Мы должны сказать, что относительно этой группы житій и патерика мы вовсе несогласны съ г. Кадлубовскимъ. Аврамію Ростовскому празднуется въ одинъ день съ Авраміемъ Сирскимъ (29-го октября), Меркурію Смоленскому празднуется въ одинъ день съ Меркуріемъ Кесарійскимъ (24-го ноября); Аврамію Ростовскому усвояется дѣяніе, сходное съ дѣяніемъ, которое совершено Авраміемъ Сирскимъ, а Меркурію Смоленскому усвояется дѣяніе, сходное съ дѣяніемъ, которое совершено Меркуріемъ Кесарійскимъ, — и у г. Кадлубовскаго является наклонность думать, что легенды русскихъ житій обязаны своимъ происхожденіемъ житіямъ греческимъ. Но празднованіе русскимъ святымъ въ одинъ день съ греческими святыми вовсе не указываетъ на то, чтобы житія первыхъ находились въ зависимости отъ житій вторыхъ, а значитъ то, что неизвѣстны дни кончины русскихъ святыхъ: у насъ было правиломъ, чтобы при неизвѣстности дня кончины святаго назначать память ему въ одинъ день съ какимъ-либо соименнымъ ему греческимъ святымъ. А что касается до усвояемыхъ русскимъ святымъ дѣяній, сходныхъ съ дѣяніями, которыя совершены были греческими святыми, то при сходствѣ въ общемъ дѣянія настолько не сходны въ подробностяхъ, что вовсе не указываютъ на зависимость разсказовъ объ однихъ изъ нихъ отъ разсказовъ о другихъ, такъ что сходство должно быть признано просто за случайное. Преп. Аврамій Сирскій обратилъ въ своей епископіи изъ язычества въ христіанство жителей од-

ного селенія; преп. Аврамій Ростовскій обратилъ изъ язычества въ христіанство часть жителей Ростова; это, конечно, сходство; но возьмите подробности разсказовъ объ одномъ и о другомъ дѣяніи, и вы увидите, что нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы разсказъ объ одномъ дѣяніи находился въ зависимости отъ разсказа о другомъ. Меркурій Кесарійскій поразилъ на войнѣ враговъ; то же сдѣлалъ и Меркурій Смоленскій; это опять, конечно, сходство; но возьмите опять подробности, и вы увидите еще большее отсутствіе какого-либо намека на зависимость разсказа объ одномъ дѣяніи отъ разсказа о другомъ дѣяніи. Въ житіи Аврамія Ростовскаго, правда, есть одна частность, общая съ житіемъ Аврамія Сирскаго: язычники, пока не обратилъ онъ ихъ въ христіанство, творили пакости его монастырю, какъ язычники сирскіе творили пакости самому Аврамію. Но что язычники творили пакости являвшимся среди нихъ проповѣдникамъ христіанства, доколѣ послѣдніе не обращали ихъ въ христіанство, это есть общее мѣсто въ житіяхъ святыхъ, занимавшихся проповѣдію христіанства язычникамъ (это, напр., говорится въ житіяхъ занимавшихся сейчасъ указанною проповѣдію русскихъ святыхъ Стефана Пермскаго и Трифона Печенгскаго).

Не согласны мы съ г. Кадлубовскимъ и относительно образованія обѣихъ легендъ, т. е. какъ Ростовской, такъ и Смоленской. Въ Ростовской легендѣ главное есть чудесное сокрушеніе преп. Авраміемъ идола Велеса, котораго чтили жители Чудскаго конца города Ростова, а откуда это главное, г. Кадлубовскій вовсе и не говоритъ. Необходимо думать, что чудесное возникло тутъ изъ естественнаго, — что Чудскій конецъ Ростова, т. е. конецъ его, въ которомъ жили коренные обитатели города, остававшіеся не обрусѣлыми мерянами и до XIV вѣка, когда жилъ преп. Аврамій, или совсѣмъ еще оставались язычниками и чтили камень, принимавшійся ими за ихъ бога Велеса, или что бывъ крещены, они оставались еще полуязычниками и продолжали чтить каменнаго Велеса вмѣстѣ съ Христомъ, и что преп. Аврамій такъ или иначе, или разбивъ, или закопавъ камень въ землю,

лишилъ язычниковъ или полуязычниковъ ихъ бога (въ сосѣднемъ съ Ростовомъ Переяславлѣ Залѣсскомъ, какъ сообщается въ сказаніи объ Иринархѣ Ростовскомъ, даже въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго пользовался отъ той или другой части жителей города суевѣрнымъ почитаніемъ, бывъ принимаемъ за жилище бѣса или какого-то языческаго бога, лежавшій въ одномъ оврагѣ большой камень, каковое почитаніе было прекращено тѣмъ способомъ, что камень былъ сваленъ въ выкопанную яму и засыпанъ). Что касается до жезла Іоанна Богослова, который, по легендѣ, чудесно принесенъ былъ Аврамію изъ Константинополя самимъ Іоанномъ Богословомъ, и которымъ онъ сокрушилъ идола Велеса, то мы, имѣя рѣшительную наклонность видѣть въ преп. Авраміи того игумена ростовскаго Аврамія Низкаго, который въ 1385-мъ году сопутствовалъ митр. Пимину въ Константинополь, понимаемъ дѣло такъ, что Аврамій принесъ изъ Константинополя копію или снимокъ съ находившагося тамъ и пользовавшагося тамъ почитаніемъ жезла Іоанна Богослова (можетъ быть, жезла Іоанна Предтечи, о которомъ имѣются положительныя свѣдѣнія и который потомъ почему-либо превращенъ былъ въ жезлъ Іоанна Богослова). Изъ нахожденія въ монастырѣ Авраміевомъ этой копіи жезла и могло возникнуть въ легендѣ сказаніе о доставленіи его Аврамію Іоанномъ Богословомъ и о сокрушеніи Авраміемъ при его помощи идола Велеса.

Что касается до Смоленской легенды, то г. Кадлубовскій понимаетъ дѣло такъ, что сначала Смольяне приписали свое чудесное спасеніе отъ полчищъ Батыя Меркурію Кесарійскому, а что потомъ созданъ былъ (подразумѣвается, фантазіей) и собственный Меркурій Смоленскій. Считая такое представленіе дѣла вовсе неосновательнымъ, мы полагаемъ, что легенда имѣетъ въ своей основѣ дѣйствительный фактъ, — что къ Смоленску подступалъ отдѣльный отрядъ изъ полчищъ Батыевыхъ, когда этотъ возвращался съ сѣвера Россіи на югъ, — что отрядъ былъ отраженъ смольянами, при чемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ,

главнымъ героемъ былъ преп. Меркурій, который въ битвѣ съ монголами сложилъ и свою голову. Относительно той частности въ легендѣ, что преп. Меркурій самъ принесъ въ Смоленскъ свою отрубленную голову, весьма правдоподобно объясненіе, даваемое г. Кадлубовскимъ по указанію одного французскаго ученаго, именно — что Меркурій, какъ мученикъ и въ знакъ того, что онъ мученикъ, былъ изображаемъ на иконахъ по обычаю западному, который могъ проникнуть въ близкій къ западу Смоленскъ, съ отрубленной головой въ рукахъ, и что это иконное символическое изображеніе и подало поводъ къ сочиненію той частности въ легендѣ, что онъ пришелъ въ Смоленскъ со своей отрубленной головой въ рукахъ. (Возможно, что и названіе Меркурія римлянином имѣетъ связь съ западнымъ, римскимъ, способомъ его изображенія на иконахъ).

Г. Кадлубовскій не поднимаетъ общаго вопроса о томъ, какъ образовывались и образуются легенды. Но если бы онъ задался этимъ общимъ вопросомъ, то едва ли бы усвоилъ житіямъ греческихъ святыхъ то значеніе въ образованіи легендъ о русскихъ святыхъ, которое онъ усвояетъ имъ, и, нужно думать, различалъ бы прямыя заимствованія, дѣланныя составителями житій нашихъ русскихъ святыхъ изъ житій греческихъ святыхъ, отъ вліянія послѣднихъ житій на образованіе легендъ о русскихъ святыхъ. Заимствованіе есть именно простое заимствованіе, а что касается до легендъ, то онѣ не являются какъ простое заимствованіе, а возникаютъ съ какихъ-нибудь поводовъ, представляемыхъ дѣйствительностью, и только при своемъ постепенномъ расширеніи въ объемѣ (при своемъ образованіи въ законченныя цѣлыя) могутъ быть дополняемы и распространяемы (украшаемы) частностями, откуда-либо заимствованными.

Относительно житій Никиты Готоскаго и Никиты Переяславскаго самъ г. Кадлубовскій говоритъ, что въ общемъ они весьма отличаются одно отъ другаго. Но, утверждаетъ онъ затѣмъ, насильственная смерть сближаетъ до нѣкоторой степени обоихъ святыхъ, (а) въ большей степени сближаетъ ихъ борьба

съ діаволомъ. Однако насильственныя смерти одного и другаго не имѣютъ между собой ничего общаго по тѣмъ причинамъ, которыми онѣ обусловливались: Никита Готѳскій потерпѣлъ мученическую смерть за вѣру отъ язычниковъ; Никита Переяславскій потерпѣлъ насильственную смерть отъ разбойниковъ изъ-за мнимой драгоцѣнности его веригъ. Что касается до борьбы съ діаволомъ, то съ демоноборствомъ Никиты Готѳскаго, составляющимъ, какъ извѣстно, его нарочитое призваніе, г. Кадлубовскій сопоставляетъ два случая борьбы съ діаволомъ Никиты Переяславскаго. Но если на основаніи двухъ случаевъ борьбы дѣлать сопоставленіе, то нужно будетъ сопоставлять съ житіемъ Никиты Готѳскаго житія значительно многихъ русскихъ святыхъ, ибо въ житіяхъ значительно многихъ изъ нихъ найдется по два случая борьбы съ діаволомъ. Да и во всякомъ случаѣ г. Кадлубовскій не утверждаетъ того, чтобы два разсказа въ житіи Никиты Переяславскаго о борьбѣ его съ діаволомъ образовались подъ бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ разсказовъ, читаемыхъ въ житіи Никиты Готѳскаго. А если Никита столпникъ, подобно Никитѣ мученику, призывается иногда въ заговорахъ противъ діавола, то могли подать къ этому поводъ тѣ читаемыя въ его житіи два разсказа о торжествѣ его надъ діаволомъ, о которыхъ мы упомянули; а также возможно и то, что онъ смѣшивается съ Никитою мученикомъ. Что авторъ житія Никиты столпника знаетъ и помнитъ Никиту мученика и въ одномъ своемъ разсказѣ о побѣдѣ перваго надъ діаволомъ заставляетъ его обращаться съ молитвою ко второму, то, конечно, это никакъ не основаніе ставить сказанія объ одномъ въ зависимость отъ сказаній о другомъ. Совершенно естественно, что авторъ житія Никиты столпника заставляетъ его при вступленіи въ борьбу съ діаволомъ обратиться съ молитвою о помощи къ нарочитому демоноборцу, каковъ Никита мученикъ.

Патерикъ Волоколамскій, содержащій, подобно патерикамъ греческимъ, во-первыхъ — нравоучительныя изреченія, усвояемыя преподобнымъ Пафнутію Боровскому и Іосифу Волоколам-

скому, во-вторыхъ — краткіе разсказы о замѣчательныхъ, наибольшею частію отличающихся характеромъ чудеснаго случаяхъ или происшествіяхъ, усвояемые тѣмъ же Пафнутію и Іосифу, г. Кадлубовскій далеко неосновательно ставитъ въ одну группу съ житіями, которыя написаны подъ вліяніемъ греческихъ житій и отчасти прямо заимствуютъ содержаніе изъ сихъ послѣднихъ (причемъ должно быть подразумѣваемо, какъ сейчасъ было говорено, что и самыя житія, которыя имъ указываются, къ группѣ этой не принадлежатъ). Что патерикъ Волоколамскій по своей формѣ представляетъ собой подражаніе патерикамъ греческимъ, это, конечно, есть фактъ несомнѣнный; объ этомъ прямо и ясно говоритъ и самъ составитель патерика. Но другое дѣло — его содержаніе, о которомъ у насъ въ данномъ случаѣ рѣчь. Чтобы своимъ содержаніемъ онъ болѣе или менѣе зависѣлъ отъ патериковъ греческихъ, иначе сказать — чтобы содержащіеся въ немъ разсказы о чудесныхъ случаяхъ представляли собой большее или меньшее воспроизведеніе разсказовъ, читаемыхъ въ патерикахъ греческихъ, проще говоря — чтобы нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе были заимствованы изъ патериковъ греческихъ, выписаны изъ послѣднихъ или «списаны» съ нихъ, утверждать это не представляется сколько-нибудь основательнымъ. Г. Кадлубовскій говоритъ: «A priori можно думать, что вліяніе (переводныхъ патериковъ) отразилось и на характерѣ и содержаніи разсказовъ русскаго патерика, что въ извѣстныхъ случаяхъ разсказы переводныхъ патериковъ являются прямымъ источникомъ для волоколамскихъ сказаній». Что вліяніе переводныхъ патериковъ отразилось на характерѣ разсказовъ русскаго патерика, т. е. что этотъ послѣдній составленъ изъ такихъ разсказовъ, которые по своему характеру шли именно въ патерикъ, это не только можно думать a priori, но самымъ положительнымъ образомъ извѣстно и a posteriori, изъ сличенія разсказовъ волоколамскаго патерика въ отношеніи къ характеру съ разсказами переводныхъ патериковъ. Но предполагать, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ разсказы переводныхъ патериковъ явля-

лись прямымъ источникомъ волоколамскихъ сказаній, иначе говоря — чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ воспроизводились въ волоколамскомъ патерикѣ разсказы переводныхъ патериковъ, какъ уже мы сказали, нѣтъ основаній, и именно нѣтъ основаній въ данномъ случаѣ или въ приложеніи къ патерику именно Волоколамскому. Чтобы былъ составленъ русскій патерикъ посредствомъ большей или меньшей выписки разсказовъ изъ патериковъ греческихъ, это, допустимъ, могло имѣть мѣсто и могло случиться. Но рѣшительнымъ образомъ невѣроятно думать этого относительно патерика Волоколамскаго. Онъ составленъ былъ въ средѣ людей, которые начитаны были въ переводныхъ патерикахъ и которые не потерпѣли бы, чтобы плагіатъ изъ переводныхъ патериковъ былъ усвояемъ преподобнымъ Пафнутію и Іосифу, отъ лица которыхъ передаются разсказы патерика. Г. Кадлубовскій говоритъ, что въ одномъ случаѣ онъ нашелъ совпаденіе въ подробностяхъ почти полное одного разсказа Волоколамскаго патерика съ однимъ патеричнымъ разсказомъ переводнымъ, свидѣтельствующее о пріуроченіи къ русской средѣ и обстановкѣ повѣсти, взятой изъ переводнаго патерика. Но чудесные и вообще замѣчательные чѣмъ-либо случаи, имѣвшіе мѣсто среди монаховъ греческихъ, весьма могли повторяться среди монаховъ нашихъ; и какое же основаніе предполагать заимствованный разсказъ о случаѣ, а не видѣть простое сходство его съ случаемъ греческимъ?—Монахи наши и подвижники наши видѣли свой образецъ въ монахахъ и подвижникахъ греческихъ; естественно, что съ ними могли повторяться случаи, имѣвшіе мѣсто съ монахами и подвижниками греческими.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Кадлубовскаго объ отношеніи патерика Волоколамскаго къ патерикамъ переводнымъ, мы должны принести ему благодарность за то, что онъ довольно подробно излагаетъ содержаніе нашего патерика. Читаемый въ единственной рукописи и въ наибольшей части своей остающійся не напечатаннымъ, патерикъ Волоколамскій доселѣ оставался очень мало извѣстнымъ по своему содержанію. Г. Кадлубовскому

мы обязаны тѣмъ, что теперь онъ становится достаточно извѣстнымъ.

Обращаемся къ другой группѣ житій, составляющихъ предметъ очерковъ г. Кадлубовскаго, именно—житій XV—XVI вв., въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли.

Въ продолженіе XV — XVI вѣковъ господствовали въ русскомъ монашествѣ два направленія религіозной мысли, родоначальными представителями которыхъ были преп. Іосифъ Волоцкій и преп. Нилъ Сорскій («іосифлянъ» и «заволжскихъ старцевъ»). Сообразно съ симъ, и въ житіяхъ святыхъ даннаго времени — два теченія, смотря по тому, къ которой сторонѣ принадлежали святой и его жизнеописатель, а именно—святые изображаются въ нихъ съ индивидуальнымъ нравственнымъ обличіемъ того или другого направленія. Показать, какими именно индивидуальными чертами того или другаго направленія изображается святой, и поставляетъ своею задачею г. Кадлубовскій, причемъ начинаетъ обзоръ житій нѣсколько съ предшествующаго образованію двухъ направленій житія преп. Сергія Радонежскаго, принадлежащаго Епифанію Премудрому, и ведетъ его до конца XVI вѣка, давая характеристики святыхъ изъ двадцати пяти житій.

Къ задачѣ, которую принялъ на себя г. Кадлубовскій, нельзя отнестись иначе какъ съ полнымъ одобреніемъ. Къ сожалѣнію, не можетъ быть сказано того же о выполненіи имъ задачи. Свои характеристики святыхъ онъ дѣлаетъ самъ отъ себя, вовсе не подтверждая себя документальными, такъ сказать, выписками подлежащихъ мѣстъ изъ житій; затѣмъ, эти характеристики у него очень уже общи и, можно сказать, поверхностны. Вслѣдствіе сего, во-первыхъ, читатель не можетъ освободиться отъ по-

дозрѣнія, что авторъ дѣлаетъ свои характеристики святыхъ, руководясь предзанятой мыслью, т. е. что онъ усвояетъ святому тѣ или иныя качества не столько на основаніи самаго житія, сколько по предзанятой мысли, что принадлежа къ такой-то сторонѣ, онъ долженъ былъ имѣть и такія-то качества. Во-вторыхъ, самыя характеристики очень уже однообразны и тусклы или блѣдны, такъ что невольно является мысль о безполезности ихъ множества, вполнѣ замѣнимаго тѣми общими характеристиками обоихъ направленій, которыя онъ даетъ въ своихъ выводахъ изъ разбора житій.

Эти выводы изъ разбора житій, т. е. именно житій второй группы, посвященные общимъ рѣчамъ о двухъ направленіяхъ религіозной мысли, господствовавшихъ въ средѣ нашего монашества въ продолженіе XV — XVI вѣковъ, подразумѣвается — Ниловомъ и Іосифовомъ, или заволжскихъ старцевъ и іосифлянъ, и трактующіе вопросъ о нихъ съ достаточной полнотой, не прибавляютъ чего-нибудь къ разработкѣ предмета со стороны фактической и не освѣщаютъ его какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, но тѣмъ не менѣе представляютъ экскурсъ о немъ, о которомъ должно отозваться не иначе, какъ съ похвалой.

Дѣлая общій отзывъ о сочиненіи, мы должны сказать, что, при нашемъ несогласіи во многомъ съ г. Кадлубовскимъ, мы тѣмъ не менѣе усердно привѣтствуемъ его изслѣдованіе, а его самого, какъ ученаго изслѣдователя. Г. Кадлубовскій взялъ на себя задачу изучить предметъ съ той его стороны, съ которой этотъ послѣдній доселѣ оставался не изученнымъ, и хотя ему, по нашему мнѣнію, не удалось пока выполнить задачи совсѣмъ удовлетворительно, но уже намѣреніе заслуживаетъ полнаго одобренія. Затѣмъ, долженъ быть принятъ во вниманіе очень большой трудъ, который положенъ авторомъ на изученіе его сложнаго и обширнаго предмета. Наконецъ, нельзя сказать о сочиненіи и того, чтобы оно ничего не давало. Въ первой половинѣ Очерковъ, какъ мы указывали, г. Кадлубовскій дѣлаетъ общеизвѣстнымъ дотолѣ малоизвѣстное содержаніе патерика Волоко-

ламскаго. А во второй половинѣ Очерковъ дается имъ и полное, *хотя и не въ желаемой степени отчетливое и обстоятельное, изслѣдованіе предмета.* Вообще мы находимъ, что г. Кадлубовскій вполнѣ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за свое сочиненіе награжденія.

IV.

П. А. Сырку: Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Софійскаго по единственной рукописи XVI в. Спб. 1901 г. Стр. 01—012+I—CCCXLVI+1—176.

Отзывъ профессора **М. С. Дринова.**

Означенная книга состоитъ изъ двухъ частей: а) изъ обширнаго *Введенія* и б) изъ текстовъ *службы* и пространнаго *Житія* св. Николая Софійскаго, а также *похвалы* ему и другимъ Софійскимъ мученикамъ. Названные тексты умѣстились на 160-ти страницахъ книги; что же касается Введенія, то оно поражаетъ своимъ внѣшнимъ объемомъ, занимая 346 страницъ.—Почтенный авторъ первоначально думалъ ограничиться въ немъ лишь описаніемъ *Софійскаго Кодекса,* въ которомъ сохранились изданные имъ тексты, и литературнымъ обзоромъ этихъ текстовъ. Но потомъ, въ виду того, что Софійскій Кодексъ, составленный въ болгарской странѣ, писанъ сербскимъ правописаніемъ, онъ счелъ нужнымъ разъяснить и этотъ вопросъ въ своемъ Введеніи, въ которомъ вслѣдствіе этого появилась громадная, въ 175 страницъ, вставка подъ именемъ Очерковъ изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV — XVII вѣкахъ. Очерки эти, писанные, нужно сказать, довольно поспѣшно и при какихъ-то «тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ», далеки отъ совершенства, что̀ признаетъ и самъ авторъ (09—010). Въ нихъ лишь слегка затронуты существенныя стороны

весьма сложнаго и любопытнаго, но мало изслѣдованнаго еще вопроса, а явленіямъ частнымъ и болѣе или менѣе уже выясненнымъ отведено слишкомъ много мѣста. — Болѣе двухъ третей этихъ очерковъ посвящено хорошо извѣстнымъ трудамъ болгарскаго философа Константина Костенчскаго и Владислава Грамматика. Особенно долго профессоръ Сырку останавливается на сочиненіи Константина о *письменехъ* и излагаетъ его содержаніе, пользуясь при этомъ относящимися сюда прекрасными изслѣдованіями и объясненіями академика Ягича. Нашъ авторъ пытался тутъ объяснить и нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ этого сочиненія, которыя оставлены г-мъ Ягичемъ безъ объясненія, но эту попытку его нельзя назвать удачною. Такъ, напр., Константинъ, обличая нѣкоторые *еретическіе* обычаи, господствовавшіе въ его время между христіанами Сербіи, упоминаетъ въ числѣ такихъ обычаевъ и какое-то *по црквах Божіих разрушеніе на въскрсеніе*. Проф. Ягичъ отказался отъ объясненія этого мѣста, замѣтивъ: «въ чемъ именно заключалось это разрушеніе, для меня не ясно». Нашъ же авторъ нашелъ возможнымъ объяснить дѣло такъ: «по всей вѣроятности, говоритъ онъ, Константинъ имѣлъ въ виду здѣсь обычай стрѣлять въ церквахъ (?) въ особенно торжественные дни, обычай, существующій и по нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православнаго востока и между прочимъ на Балканскомъ полуостровѣ». Такое объясненіе оказывается, однако, невозможнымъ уже потому, что около 1420 года, когда было писано занимающее насъ обличеніе, у сербскихъ поселянъ, да и у горожанъ не имѣлось еще ручного огнестрѣльнаго оружія, каковымъ стрѣляютъ теперь въ нѣкоторыхъ православныхъ странахъ въ торжественные дни.

На основаніи своихъ изслѣдованій грамматической части сочиненія Константина, г. Сырку утверждаетъ, что этимъ сочиненіемъ Константинъ выработалъ *ресавскій* изводъ сербской редакціи, который распространился на Срѣдецкую область, на сѣверную Македонію и пр.—Намъ кажется, что это утвержденіе было бы ближе къ истинѣ, если бы въ немъ говорилось не о ре-

савскомъ изводѣ, а лишь о правописной реформѣ Константина, касавшейся только внѣшней стороны славянской письменности, т. е. графики. Что касается ресавскаго извода, о которомъ съ похвалою отзывались старые наши книжники, то онъ, повидимому, отличался, главнымъ образомъ, исправностію текстовъ, приготовленіемъ которыхъ занимались по побужденію Деспота Стефана Лазаревича сначала аѳонскіе монахи (знаменитый Григорій, болгаринъ Герасимъ и пр.), а затѣмъ и тѣ просвѣщенные иноки, которыми названный ученолюбивый Деспотъ постарался населить построенный имъ Ресавскій монастырь. Занимался ли и Константинъ изготовленіемъ такихъ исправныхъ текстовъ, мы не знаемъ, какъ не знаемъ даже и того, жилъ ли онъ въ Ресавскомъ монастырѣ. — То обстоятельство, что Константинъ полемизируетъ постоянно съ бѣлградскими писателями, даетъ поводъ думать, что онъ пребывалъ большею частію въ Бѣлградѣ.

Владиславу Грамматику профессоръ Сырку также посвятилъ немало страницъ, болѣе сорока, но прибавилъ немного новаго къ тому, что уже было извѣстно изъ трудовъ Даничича, Неофита Рильскаго, Иречка, проф. Сперанскаго и др. — Онъ тоже, какъ и только что названные его предшественники, останавливается лишь на хорошо извѣстныхъ двухъ сборникахъ, писанныхъ Владиславомъ въ 1469 и 1479 г. въ Жеглиговской (Кумановской) области сѣверной Македоніи. Ему остался неизвѣстнымъ третій подобный же трудъ Владислава, снабженный драгоцѣнною записью, гласящей такъ: «въ лѣто 6965 (= 1457) Владислав діак писа сію книгу от Нового брьда». Памятникъ этотъ, хранящійся въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета, сдѣлался извѣстнымъ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ изъ «Описанія рукописей В. И. Григоровича», составленнаго проф. Мочульскимъ. Сообщенныя тутъ краткія выдержки изъ него помогли бы нашему автору нѣсколько разобраться въ цѣломъ рядѣ затронутыхъ имъ, но оставленныхъ безъ отвѣта вопросовъ касательно личности Владислава, его научнаго ценза, литератур-

ныхъ пріемовъ и пр. — Онъ бы нашелъ тутъ и нѣкоторое подтвержденіе одному своему мнѣнію, касающемуся отношенія Владислава къ Константину философу. Года три тому назадъ профессоръ Сперанскій, указывая на сходство графики Владислава и Константина, усматривалъ тутъ несомнѣнное доказательство того, что оба эти писателя являются представителями одной и той же орѳографической школы. Нашъ же авторъ не соглашается съ мнѣніемъ г-на Сперанскаго и нѣсколько иначе объясняетъ указанное сходство, полагая, что Владиславъ былъ ученикомъ Константина. Это положеніе, не подтвержденное имъ сколько-нибудь убѣдительными данными, получаетъ значительную поддержку въ указанной записи Одесскаго памятника, изъ которой узнаемъ, что Владиславъ былъ родомъ изъ *Нова брда* и что въ 1457 г. онъ уже занимался перепискою книгъ. Послѣдняя дата даетъ поводъ думать, что отроческіе годы Владислава совпадали со временемъ учительской и писательской дѣятельности Константина въ Сербіи, въ предѣлахъ которой, нужно припомнить, тогда находился и родной городъ Владислава.

Указанныя несовершенства занимающихъ насъ здѣсь *Очерковъ* искупаются приведенными въ концѣ ихъ выписками изъ множества памятниковъ рукописныхъ собраній Рильскаго монастыря, св. Синода болгарской церкви и Болгарской Народной Библіотеки, выписками, на основаніи которыхъ авторъ доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что правописаніе Константина Костенчскаго было очень распространено въ западныхъ болгарскихъ странахъ въ XV—XVII вѣкахъ и что главными центрами духовнаго просвѣщенія въ названныхъ странахъ были тогда Рильскій монастырь и города Софія и Кратово. Сказанное тутъ о Софіи можно было бы подтвердить и свидѣтельствомъ ученаго нѣмецкаго богослова Ст. Герлаха, который путешествовалъ по Балканскому полуострову и жилъ тамъ между 1575—1578 г. — Въ своемъ дневникѣ Герлахъ два раза указываетъ, что въ Софіи существовали двѣ славянскія школы, въ которыхъ получала свое образованіе большая часть священниковъ Софій-

ской епархіи. Одного такого софійскаго питомца онъ встрѣтилъ и въ селѣ Вѣтренѣ, находившемся въ Самоковской епархіи, которая была отдана незадолго передъ тѣмъ извѣстнымъ визиремъ Мехмедомъ Соколовичемъ сербскому патріаршеству, тогда же и возстановленному названнымъ визиремъ.

Переходя къ первоначальнымъ, основнымъ частямъ *Введенія*, мы можемъ сказать, что онѣ отдѣланы весьма старательно и съ знаніемъ дѣла. Прежде всего тутъ представлено обстоятельное описаніе *Софійскаго Кодекса* со стороны его содержанія и палеографическихъ особенностей, а также особенностей языка фонетическихъ, морфологическихъ и словарныхъ. Въ этомъ описаніи собрано и объяснено множество фактовъ, нерѣдко весьма интересныхъ. Только немногія изъ относящихся сюда объясненій автора даютъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ. Такъ же старательно и умѣло обработанъ и литературный обзоръ изданныхъ авторомъ памятниковъ. Въ этомъ обзорѣ профессору Сырку приходилось имѣть дѣло не только съ чисто историко-литературными темами, касающимися авторовъ только что названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же софійскихъ памятниковъ (Матѳея Грамматика, попа Пѣя и пр.), но и съ указаніями культурно-историческаго и политическаго свойства. Эти указанія, каковыми очень богато житіе св. Николая Софійскаго, касаются внутренней жизни Софіи, одного изъ самыхъ большихъ болгарскихъ городовъ XVI вѣка, отношеній между христіанскими и магометанскими жителями этого города, сношеній между Болгаріею и Валахіею, положенія вещей въ Валахіи, поведенія тогдашнихъ ея правителей-воеводъ, отношенія послѣднихъ къ турецкому правительству и пр. Весь этотъ матеріалъ заботливо и не безуспѣшно объясненъ и освѣщенъ авторомъ, насколько это было возможно. Изъ менѣе удачныхъ его объясненій въ этомъ отдѣлѣ мы тутъ позволимъ себѣ отмѣтить лишь то, въ которомъ доказывается, что св. Николай былъ албанскаго происхожденія. По нашему мнѣнію, доводы автора по этому вопросу построены на весьма шаткихъ основахъ.

При изданіи текстовъ авторъ придерживался строго научнаго пріема, старался воспроизвести ихъ съ полною точностью и съ сохраненіемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ. Кромѣ того, онъ отмѣчалъ старательно листы рукописи съ лицевой и оборотной стороны цифрами на поляхъ, чтобы можно было легко провѣрить его печатное изданіе текста съ рукописнымъ.—За неимѣніемъ подъ рукою Софійскаго Кодекса мы лишены были возможности заняться такою провѣркою, но имѣемъ основанія думать, что памятники изданы хорошо, съ возможною точностью.

Открытіемъ, изданіемъ и объясненіемъ этихъ важныхъ и по языку, и по содержанію памятниковъ профессоръ Сырку оказалъ существенную услугу исторіи южно-славянской письменности XVI-го вѣка и, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ награжденія премією имени графа Д. А. Толстого.

V.

В. Н. Перетцъ: Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. СПб. 1899. II. Къ исторіи Лунника. Введеніе и славянскіе тексты. Дополненія къ исторіи Громника и указатели къ вып. I и II. СПб. 1901.

Рецензія академика **А. И. Соболевскаго.**

I.

Авторъ задался очень скромной задачей — дать нѣкоторое количество матеріаловъ для изученія апокрифическихъ, какъ онъ называетъ, или гадательныхъ, какъ мы бы предпочли называть, книгъ православнаго славянства, съ прибавленіемъ вводныхъ статей, знакомящихъ съ этими книгами, и нѣкоторыхъ выводовъ. Ни на полноту, ни на широкое изученіе онъ не претендуетъ, предоставляя это будущему. Отсюда почти полное отсутствіе греческаго матеріала; авторъ не пользуется даже новѣйшимъ Catalogus codicum astrologorum graecorum[1]). Отсюда же игнорированіе вопросовъ о времени происхожденія греческихъ текстовъ и ихъ перевода на церковно-славянскій языкъ и о судьбахъ славянскихъ текстовъ. Отсюда же наконецъ слабость его попытокъ исправить и вообще привести въ удобопонятный видъ интересующіе его тексты. Такимъ образомъ, вниманіе автора со-

1) Catalogus codicum astrologorum. I. Codices Florentinos descripsit A. Olivieri. II. Codices Venetos descripserunt G. Kroll et A. Olivieri. III. Codices Mediolanenses descripserunt Ae. Martini et D. Bassi. Bruxellis, 1898—1901.

средоточивается на матеріалахъ. Должно отдать ему справедливость: онъ издалъ рядъ очень цѣнныхъ текстовъ, дающихъ много новаго. Именно, мы находимъ у него: 1) три Громника изъ молдавской рукописи XV—XVI в. собранія Григоровича (I, стр. 54 сл.), два Громника изъ сербскаго Часослова конца XV в. Іерусалимской Патріаршей библіотеки (II, стр.150 сл.) и два Громника изъ русскаго Лѣчебника Имп. Публичной библіотеки (II, стр. 153—154); 2) Лунникъ изъ западно-русскаго сборника 1483 г. Кіевскаго Михайловскаго монастыря (II, стр. 62 сл.), Лунникъ изъ русскаго сборника XV в. Имп. Публичной библіотеки (II, стр. 92 сл.), Лунникъ по русскому списку XVIII в. Кіевской Духовной Академіи (II, стр. 125 сл.), два Лунника изъ упомянутаго уже сербскаго Часослова (II, стр. 132 сл.); сверхъ всего этого, нѣсколько мелкихъ статей и выписокъ. Конечно, можно бы къ изданнымъ у него текстамъ прибавить еще нѣсколько, напримѣръ, три Громника и Лунникъ изъ сербскаго сборника попа Драголя XIII в., очень важные уже по своей древности [1]), и Лунникъ изъ западно-русскаго сборника Виленской Публичной библіотеки половины XVI в. № 222, дающій рядъ полезныхъ варіантовъ къ Луннику 1483 г.; но занятія рукописнымъ славянскимъ матеріаломъ русскихъ и не-русскихъ библіотекъ представляютъ такъ много разныхъ затрудненій и неудобствъ, что пока невозможно требовать какой бы то ни было полноты.

II.

В. Н. Перетцъ дѣлитъ дошедшіе до насъ славянскіе тексты Громника на шесть редакцій (II, стр. 156).

Къ первой редакціи онъ относитъ тѣ коротенькіе русскіе тексты, которые даютъ предсказанія смотря по тому, откуда

1) Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, М. 1888, стр. 11—13. — *Споменик* Сербской Академіи, вып. V, 1890 г., стр. 5—7.—Сборникъ попа Драголя, прежде составлявшій собственность профессора П. Сречковича, теперь находится въ библіотекѣ Сербской Академіи.

(съ востока, запада и т. д.) слышится громъ. По его мнѣнію (I, стр. 42), этотъ текстъ — сокращеніе или извлеченіе изъ болѣе обширнаго памятника. Дѣйствительно, это — несомнѣнное извлеченіе, само по себѣ имѣющее мало смысла (не указано время гремѣнія); всего скорѣе, оно взято изъ гадательной статьи о новолѣтіи (срв. у В. Н. Перетца I, стр. 67) или о Рождествѣ Христовѣ (=Колядника или Коледарника).

Второю редакціею онъ называетъ коротенькій русскій текстъ, изданный въ *Кіевской Старинѣ* 1892 г., № 3, по южно-русскому списку половины XVIII в., съ заглавіемъ: Преданіе о громѣ *Моисея Громовидца*. По его мнѣнію (I, стр. 38), это — или извлеченіе изъ большого Громника, или самостоятельный памятникъ, переведенный съ греческаго. Повидимому, вѣроятнѣе смотрѣть на эту редакцію какъ на текстъ, возникшій уже на русской почвѣ на основаніи другой или даже другихъ редакцій.

Третьею редакціею авторъ называетъ поздній русскій текстъ Громника медицинскаго характера (II, 153). Въ немъ указываются примѣты, повидимому, только на 1-ое число мѣсяца [1]). Вѣроятно, этотъ Громникъ — сокращеніе какого-то неизвѣстнаго большого Громника.

Четвертую редакцію, по автору, представляютъ тексты Громника, осложненные добавленіями изъ Лунника или изъ Лунника и Сейсмологія (II, 156). Кажется, эту редакцію необходимо раздѣлить по крайней мѣрѣ на двѣ подредакціи. Одна изъ нихъ — молдавскій Громникъ, изданный въ двухъ варіантахъ В. Н. Перетцемъ въ I выпускѣ, стр. 54, 56. Другая—сербскій Громникъ, изданный во II выпускѣ, стр. 151—152 [2]). Дѣйствительно, всѣ эти тексты связаны съ Лунникомъ, въ нихъ ест данныя изъ Сейсмологія, но они настолько отличны другъ отъ друга, что мы затрудняемся предположить для нихъ одинъ греческій оригиналъ.

---

1) Сравни сербскій Громникъ у В. Н. Перетца во II выпускѣ, стр. 150.

2) Третью мы видимъ въ коротенькомъ Громникѣ (въ связи съ фазами луны) рукописи Чешскаго Музея (Шафарика) № 14, л. 179

Пятая редакція, по В. Н. Перетцу,—тотъ молдавскій Громникъ, который изданъ имъ въ I выпускѣ, стр. 60 — 80. Дѣйствительно, онъ — нѣчто вполнѣ отличное отъ другихъ Громниковъ. Въ немъ во 1) силенъ политическій элементъ и во 2) много названій народовъ и городовъ. Судя по многочисленнымъ упоминаніямъ о персахъ, саракинахъ, Египтѣ, Палестинѣ [1]), судя по тому, что египетскій царь отличается отъ саракинскаго царя (стр. 77), греческій оригиналъ сербскаго текста долженъ быть много старше XV в., къ которому относится единственный дошедшій до насъ сильно искаженный [2]) и въ нѣсколькихъ мѣстахъ интерполированный списокъ. Авторъ не сомнѣвается, что этотъ Громникъ переведенъ съ греческаго языка. Конечно, греческія слова *евтиніа*, *кефаліа*, на которыя онъ указываетъ какъ на доказательство, имѣютъ мало значенія при существованіи ихъ въ южно-славянскихъ живыхъ языкахъ и при сильномъ подновленіи текста; но данныхъ въ пользу западнаго происхожденія нѣтъ. Упоминанія о персахъ, саракинахъ и пр., при отсутствіи интереса къ Царьграду и царскому дворцу, позволяютъ предполагать, что греческій оригиналъ получилъ окончательную обработку гдѣ-нибудь въ Малой Азіи или (въ виду очень частыхъ упоминаній о разбойникахъ) на одномъ изъ острововъ Архипелага.

Къ шестой редакціи В. Н. Перетцъ относитъ тотъ Громникъ, который изданъ И. В. Ягичемъ въ X книгѣ загребскихъ Starin'ъ (стр. 119). По его словамъ, это — Громникъ «сводный изъ одной изъ первыхъ двухъ редакцій» (?). Но напечатанный И. В. Ягичемъ на стр. 119 Starin'ъ текстъ — тотъ самый, который дошелъ въ особенно большомъ числѣ списковъ сербскихъ и русскихъ и изданъ Тихонравовымъ въ «Памятникахъ отреченной русской литературы», II, стр. 363—366, 369—374, Архангельскимъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и словесн. Имп.

1) Любопытно упоминаніе о *Бабыльской* землѣ (стр. 66, 69, 77). Повидимому, это — земля *Вавилонская*.

2) Не разъ *колибица* вмѣсто *кобылица* = кобылка, и т. п.

Ак. Наукъ», т. IV (1899), и Новаковичемъ въ «Пример'ахъ књижевности и језика старога и српско-словенскога», стр. 524, 526[1]). Его особенности: 1) связь грома съ знаками зодіака (передъ Громникомъ обыкновенно находится статья, указывающая простецу читателю, какіе дни мѣсяца какому знаку зодіака принадлежатъ; Тихонравовъ, II, стр. 361; Архангельскій; Ягичъ; Новаковичъ, стр. 526 прим.), и 2) принадлежность «Ираклію царю» (Тихонравовъ, II, стр. 361, 369; Новаковичъ, стр. 524; Соколовъ, стр. 13) или «Ираклію царю персому» (Увар. № 1865[2]); Рум. Муз. № 1558; Тверск. Муз. № 131). Греческій оригиналъ, можетъ быть, до насъ дошелъ; во всякомъ случаѣ въ одной парижской рукописи отмѣченъ «Βροντολόγιον τῶν ιβ′ ζῳδίων συνταχθὲν ὑπὸ Ἡρακλείου βασιλέως ἐκ τῆς ἀστρῴας κινήσεως» (I. L. Lydi Liber de ostentis, edid. C. Wachsmuth, 1863 г., стр. XXXII) и въ одной аѳонской *пергаменной* рукописи указанъ Громникъ съ тѣмъ же именемъ автора (*Труды Кіевской Дух. Акад.* 1861 г., т. III, стр. 232[3])). Судя по интересу къ Царьграду, царствующему граду, царскому двору, царю, этотъ Громникъ получилъ окончательную редакцію въ Царьградѣ, въ придворныхъ сферахъ. Переводъ его на церковно-славянскій языкъ долженъ быть отнесенъ ко времени не позднѣе XII в. (старшій списокъ, сборникъ попа Драголя, — XIII в.). Этотъ Громникъ, по нашему мнѣнію, совершенно отличенъ отъ другихъ и не можетъ быть названъ своднымъ.

Должно замѣтить, что В. Н. Перетцемъ оставленъ безъ вниманія Громникъ («Крговникъ всему лѣту»), изданный Архангельскимъ въ цѣломъ видѣ и Радченкомъ изъ средне-болгарскаго

---

1) Онъ же въ сербскихъ рукописяхъ Чешскаго Музея (Шафарика) № 11, л. 142 об., и № 14, л. 176.

2) Изданъ Тихонравовымъ (II, стр. 372) безъ заглавія.

3) Нѣсколько сходенъ съ этимъ Громникомъ Громникъ въ одномъ миланскомъ сборникѣ XVI в., приписываемый Льву Мудрому, окончательная редакція котораго, судя по намекамъ на войну съ болгарами и Варду Склира, относится къ X—XI в. *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, III. Codices Mediolanenses, стр. 4, 25 сл.

сборника 1337—1355 г., собранія Яцимирскаго, въ отрывкѣ, съ сильнымъ политическимъ элементомъ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ изданныхъ Громниковъ. Судя по упоминаніямъ объ Египтѣ, Аравитской землѣ, Вавилонѣ и отсутствію намековъ на Царьградъ, его греческій оригиналъ, довольно древній, — малоазіатскаго происхожденія. Этотъ Громникъ можетъ быть названъ седьмой редакціей [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее ознакомленіе съ библіографически уже извѣстными текстами дастъ намъ еще по крайней мѣрѣ одну редакцію Громника [2]).

Теперь нѣсколько мелкихъ замѣчаній о Громникѣ.

Перечисляя списки Громника, В. Н. Перетцъ упоминаетъ о сборникѣ Чешскаго Музея *около 1390 г.* (I, стр. 33). Дѣйствительно, бывшій собственникъ этого сборника Шафарикъ относилъ его къ этому году; но уже И. В. Ягичъ, издавшій изъ него нѣсколько статей въ Starin'ахъ, книга X, отнесъ его къ половинѣ XV в., а составитель описанія рукописей Шафарика М. Н. Сперанскій готовъ отнести его къ еще болѣе позднему времени. Дѣйствительно, Ходошскій сборникъ (№ 14, не разъ указанный нами выше) относится только къ XVI в.

У автора указаны, какъ разные тексты, три Громника собранія Григоровича (Румянц. Музея) и Громникъ, «списанный Ундольскимъ съ болгарскаго подлинника принадлежавшаго проф. В. И. Григоровичу» (I, стр. 34). Списокъ Ундольскаго сдѣланъ именно съ той рукописи Григоровича, которая теперь находится въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Собирая данныя по исторіи Громника на русской почвѣ, авторъ упустилъ изъ виду очень важное упоминаніе объ этой

---

1) В. Н. Перетцъ не воспользовался также Громникомъ въ сербскомъ сборникѣ Вѣнской Придворной библіотеки, описаннымъ А. Н. Пыпинымъ въ его статьѣ въ «Архивѣ» Калачова, вып. I, 1860—1861 г.

2) Объ обиліи греческихъ текстовъ Громника и другихъ гадательныхъ книгъ см. I. L. Lydi Liber de ostentis, edid. C. Wachsmuth, 1863 г., стр. XXXIII прим. — Не изданный ранѣе текстъ Лидійца Περὶ βροντῶν увидѣлъ свѣтъ въ *Byzant. Zeitschrift*, т. V, статья Wünsch'a.

статьѣ въ русскомъ поученіи, изданномъ Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ», IV, стр. 105. Поученіе взято имъ изъ Софійскаго сборника конца XIV в. № 1262, повидимому псковского происхожденія, но написано, судя по языку, значительно раньше, можетъ быть въ XII в. Впрочемъ, нельзя ручаться, что мѣсто, гдѣ говорится о Громникѣ, принадлежитъ составителю поученія.

III.

Издавая матеріалы по исторіи Лунника, В. Н. Перетцъ не совсѣмъ ясно опредѣлилъ свою задачу. Онъ говоритъ о гадательномъ Лунникѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова, говоритъ о другихъ гадательныхъ статьяхъ, спеціально посвященныхъ лунѣ, но сверхъ того, предлагаетъ рядъ отрывковъ изъ русскихъ книгъ астрологическаго содержанія вообще, въ которыхъ луна играетъ значительную роль. Между тѣмъ какъ Лунникъ восходитъ къ греческому оригиналу, астрологическія книги, обращавшіяся въ Россіи, въ значительномъ большинствѣ — западно-европейскаго происхожденія. Нельзя сказать, чтобы такое смѣшеніе разнородныхъ текстовъ, не снабженное необходимыми объясненіями, служило къ разъясненію исторіи Лунника.

Авторъ относитъ къ одной редакціи всѣ подробные тексты Лунника (II, стр. 157). Но по его мнѣнію, русскіе списки съ одной стороны и южно-славянскіе съ другой «представляютъ различные переводы съ разныхъ оригиналовъ, хотя и сходныхъ вслѣдствіе принадлежности къ одной редакціи». Мы думаемъ, что отношенія этихъ списковъ нѣсколько иныя. Нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ русскихъ первоначальный церковно-славянскій текстъ сохранившимся въ неприкосновенности. Такіе памятники, какъ Лунникъ, имѣвшій нѣкоторое практическое значеніе, постоянно измѣнялись читателями, всего болѣе въ языкѣ, въ цѣляхъ ясности и удобопримѣнимости. Отсюда разница между списками великорусскимъ (у Тихонравова), и бѣлорусскимъ (у автора и въ рукописи Виленской Публичной библіотеки, упомянутой

нами выше), отсюда же разница между этими списками и сербскими. Послѣдніе представляютъ не только измѣненный первоначальный церковно-славянскій переводъ, но и сильно сокращенный; тѣмъ не менѣе въ нихъ есть рядъ фразъ и словъ тѣхъ же, что въ русскихъ спискахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

1-й день луны. И русскіе и сербскіе списки имѣютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ однѣ и тѣ же фразы: «на путь ходити», «егда сонъ видить, въ радость ей будетъ» (русск.), «аще ли сьнь видиши, радость имать» (сербск.).

3-й день луны. И тѣ и другіе списки имѣютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ: «осуженаго ради Каина» (русск. у Тихонр.), «осужденаго Каина» (сербск.).

6-й день луны. Начало: «Невродъ родися, стрелець родися и ловець» (русск., Вил. Публ. б.), «(Не)врать родисе стрѣльць и ловьць» (сербск.).

Итакъ, мы считаемъ всѣ списки Лунника восходящими къ одному церковно-славянскому переводу. В. Н. Перетцъ говоритъ о большой древности перевода Лунника; онъ находитъ въ немъ даже моравизмы (II, стр. 157). Дѣйствительно, въ спискахъ есть такія рѣдкія церковно-славянскія слова, какъ *пещера* въ значеніи: печь (Тихонр., 27-й день), *кыпръ* (Тих., 13-й день), *рѣснота*, *рѣснотивъ* (Кіевск. сп., 8-й и 7-й дни), *соньмъ* собраніе, *орудіе* дѣло, *бѣденъ* несчастливъ; слово *рѣчь* одинъ разъ употреблено повидимому съ значеніемъ дѣло: (жена) во всѣхъ рѣчехъ полезна (Кіевск., 17-й день).

Греческій оригиналъ Лунника указанъ въ одной флорентинской рукописи, съ заглавіемъ: «Περὶ τῶν ἡμερῶν τῆς σελήνης», и съ начальными словами: «Ἡμέρα α΄ τῆς σελήνης Ἀδὰμ ἐπλάσθη»[1]).

В. Н. Перетцъ не останавливается на именахъ тѣхъ лицъ, которымъ приписывается Лунникъ; а одно изъ нихъ заслужи-

1) *Catalogus codicum astr. graec.*, II, стр. 74. Другой текстъ Лунника, изъ миланской рукописи XIII в., изданъ цѣликомъ въ *Catalogus*, III, стр. 32. Въ немъ еще сохраняются классическія имена (иногда рядомъ съ библейскими). Такъ, въ 6-й день луны «Ἄρτεμις ἐγεννήθη, Νεβρώδ ἐγεννήθη », въ 7-й «Ἀπόλλων ἐγεννήθη ἐκ Διός, Κάϊν τὸν ἴδιον ἀδελφὸν ἐφόνευσεν».

ваетъ вниманія. Это имя *Филона нѣкоего* въ текстѣ Флоринскаго (судя по всему XVII в.). Трудно сказать, что это за лицо; но не мѣшаетъ отмѣтить, что въ русскихъ лѣчебникахъ, въ спискахъ XVI и XVII вв., мы встрѣчаемъ статью «*Филона врача* и Упократія[1]), седми верстъ рече быти человѣку...» (Публ. библ. О. I. 64, XVI в., л. 168; Син. библ. № 481, XVII в., л. 31), переведенную съ греческаго и притомъ въ древности.

Мы не желаемъ останавливаться, вслѣдъ за В. Н. Перетцемъ, на мелкихъ гадательныхъ статьяхъ о лунѣ. Кажется, достаточно упомянуть о слѣдующемъ: оставшаяся ему неизвѣстною статья съ предсказаніями исхода болѣзни въ сборникѣ попа Драголя (Соколовъ, стр. 12) имѣетъ сходство съ греческою статьею миланскаго сборника XIII в. (см. выше, стр. 119, прим.), изданною въ *Catalogus* III, стр. 39 — 40. Онъ умалчиваетъ объ очень своеобразной статьѣ о пусканіи крови и др., изданной М. И. Соколовымъ, по Софійскому сборнику XVI в. № 1462, въ *Живой Старинѣ* 1891 г., № 3, стр. 214—215; повидимому, она вполнѣ русскаго происхожденія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о *скарѣ*.

В. Н. Перетцъ нашелъ его въ календарныхъ (не гадательныхъ) Лунникахъ, обычныхъ въ старопечатныхъ книгахъ XVI и XVII вв. «Не есть ли это, спрашиваетъ онъ (II, стр. 141),— оригиналъ таинственнаго *Схаріи*, котораго считаютъ проповѣдникомъ и насадителемъ ереси жидовствующихъ?» Этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, можно разрѣшить только въ отрицательномъ смыслѣ. Прежде всего, въ Лунникахъ старопечатныхъ книгъ иногда говорится о «скарѣ Дамаскиновѣ», т. е. Іоанна Дамаскина[2]); затѣмъ въ львовскомъ Ирмолоѣ 1700 г. (а вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ книгахъ) мы читаемъ: «скара альбо реестръ». Дѣйствительно, *скара* есть не что иное какъ позднее греческое σκάρα, перешедшее къ южнымъ славянамъ.

1) Послѣднее слово, безъ сомнѣнія, = греч. Ἱπποχράτειος, принадлежащій къ школѣ Гиппократа.

2) Въ цетинской Псалтыри 1495 г.: «Пасхаліа с луновникомь . . . сложенное от *скары Дамаскѣнови*».

VI.

Отзывъ о сочиненіи М. Азбукина: «Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ XI—XIV вѣка» (Варшава, 1898), представленномъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе преміи графа Толстого.

Ординарнаго академика **Е. Е. Голубинскаго.**

Брошюра или книжка г. Азбукина по своему содержанію есть не очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества, а нѣчто другое.

Обладая нерядовою способностью противорѣчить самому себѣ, г. Азбукинъ сначала говоритъ, что духовенство наше усиленно вело литературную борьбу съ остатками язычества (ст. II 394), а потомъ, — что борьбы этой не было, по причинѣ непосильности ея для нашего духовенства. Правду или неправду составляетъ послѣднее, но дѣйствительно неизвѣстно ни памятниковъ борьбы, ни свидѣтельствъ о ней. А при неизвѣстности памятниковъ борьбы и свидѣтельствъ о ней, само собою разумѣется, не могло быть написано и ея очерка.

Судя по заглавію брошюры, надлежало бы ожидать, что г. Азбукинъ, не говоря о борьбѣ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, дастъ въ ней изслѣдованіе о сохранившихся литературныхъ памятникахъ, которые сполна или отчасти посвящены того или иного характера рѣчамъ объ остаткахъ язычества въ народѣ. Но и это вовсе не составляетъ содержанія бро-

шюры г. Азбукина. Онъ даетъ въ ней очеркъ самыхъ остатковъ язычества въ народѣ, противъ которыхъ духовенство должно было бы вести борьбу.

О несоотвѣтствующемъ заглавію брошюры очеркѣ, который дается г. Азбукинымъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень плохъ, но вовсе не можетъ быть сказано и того, чтобы онъ былъ положительно хорошъ. Не будучи ни худъ, ни хорошъ, онъ представляетъ собою посредственное (заурядное) повтореніе давно и вѣстнаго.

Мы указали выше на примѣръ выдающейся способности автора противорѣчить самому себѣ. Могутъ быть указаны и другіе примѣры этой способности.

Небрежность автора въ языкѣ простирается до того, что иногда онъ забываетъ про самую грамматику.

До неизвинительности небреженъ авторъ и въ цитаціи книгъ, которыми пользуется.

Не можемъ мы признать сочиненіе г. Азбукина заслуживающимъ денежной преміи гр. Толстого, но если бы не оказалось у него болѣе его достойныхъ конкурентовъ, то, по нашему мнѣнію, могла бы быть присуждена ему медаль въ 150—250 рублей.